

Cassandra Claire

Draco Dormiens

Первая часть трилогии

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series. English title: Draco Dormiens.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не рекомендуется лицам моложе 12 лет.

© **Кассандра Клэр (Cassandra Claire)** cassandraclaire73@yahoo.com

Оригинал: http://www.schnoogle.com/authorLinks/Cassandra_Claire/Draco_Dormiens/

© Перевод на русский язык. Народный перевод Гарри Поттера.

Переводчик: Ольга olusha20@hotmail.com

Редакторы: Полина carna@mail.ru, Анастасия starinina@mail.ru,

Елена elfuego@mail.ru, А.С.Соловьева

® Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2004.

Вёрстка: Ombro

Народный перевод Гарри Поттера

www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)

Электронная почта: mail@yarik.com

Предисловие

У Вас есть любимое выражение или девиз?

Дж.К.: Конечно, **Draco dormiens numquam titallandus** (Не будите спящего дракона) (из интервью Роулинг SHCOLASTIC.COM (прим. переводчика))

Глава 1. Многосущное зелье

На дворе стоял июнь, и в подземелье, где проходил урок Алхимии, было ужасно жарко. Но Снейп не обращал внимания на такие пустяки.

— Может мне кто-нибудь сказать, что это? — спросил он у задыхающегося от жары класса и поднял стакан с клейкой на вид, коричневой жидкостью, чтобы все могли эту жидкость как следует разглядеть.

Гермиона, как всегда, тотчас подняла руку.

— Многосущное зелье, — сказала она быстро и содрогнулась.

Должно быть, припомнила, какое оно «вкусное», — ухмыльнулся про себя Гарри. Он тоже вспомнил тот день, три года назад, когда он, Рон и Гермиона, все выпили это зелье в попытке принять облик учеников из Слитерина, чтоб проникнуть в Слитеринскую гостиную.

Снейп проигнорировал ответ Гермионы.

— Кто-нибудь? — повторил он, оглядывая учеников.

Драко Малфой лениво поднял бледную руку.

— Многосущное зелье, — протянул он.

Гарри взглянул на него. Хотя весь класс был несчастным и мокрым от пота, Драко выглядел свежим, как будто только что съел пакет «Ледяных мышек».

— Очень хорошо, Драко! — восторженно сказал Снейп. — Пять очков Слитерину. Так, — продолжил он, — Может кто-нибудь сказать, что оно делает?

Он внезапно повернулся к Рону, захлопавшему глазами от неожиданности:

— Висли?

Рон, застигнутый врасплох, промямлил:

— Э-э, оно превращает вас в кого-либо еще.

— Верно, — разочарованно протянул Снейп. Пяти очков Гриффиндору он, естественно, не дал, взял пробирку и стал отмеривать понемногу в маленькие бумажные стаканчики.

— Теперь, — проговорил он, выпрямляясь, — я разделю вас на группы по два человека. Каждый из вас выпьет по полстакана Многосущного зелья с волосом из головы другого... Нет, вам не нужно глотать волос, мисс Браун... этого количества вполне достаточно, чтобы превратить вас в вашего партнера точно на полчаса. ни больше, ни меньше. Вы получите представление о том, как должно работать это зелье. Завтра вы попробуете сварить его самостоятельно и затем выпьете. Кстати, я вас предупреждаю, — добавил Снейп, глядя на Невилла, — что ошибка в приготовлении Многосущного зелья имеет... весьма неприятные последствия. Вы можете наполовину превратиться в другого человека, а наполовину остаться собой, и никогда не сможете вернуть себе нормальный облик.

Невилл пискнул.

— Хорошо, — сказал Снейп, — мисс Патил и мисс Браун, подойдите ко мне.

Лаванда и Парвати подошли к столу, взяли стакан Многосущного зелья и, хихикая, сели за парту. Снейп быстро поставил Гойла с Краббом, а Невилла с Панси Паркинсон (которая бросила тоскливый взгляд на Драко, когда пересаживалась к Невиллу; если она не могла получить Драко, думала она, то она могла просто побыть им недолго). Рон был в паре с Гермионой, а Гарри...

— Поттер, — ледяным тоном произнес Снейп, — и Малфой, подойдите сюда!

Драко от неожиданности открыл рот, Гарри тоже.

— Нет! — сказали они хором.

— Я не буду Малфоем! — в ярости крикнул Гарри, но на Снейпа это не произвело впечатления.

— Быстро сюда, оба.

Малфой первым поднялся. Бросив ледяной взгляд на Гарри, он дотащился до стола, взял зелье и

поплелся к парте, где сидел Гарри. Гарри взволнованно глянул на Рона и Гермиону, те ответили ему сочувственными взглядами.

Рон покачал головой; Гермиона что-то беззвучно произнесла, Гарри точно не понял что, но он знал ее довольно хорошо, чтоб догадаться, что она ему сказала: «Тебе лучше сделать это Гарри, это повлияет на твои итоговые оценки».

По всему классу ученики пили Многогусиное зелье: доносились вздохи и хихиканья Лаванда и Парвати, вопль Невилла, который, превратившись в гораздо большую по размеру Панси, задыхался в узкой мантии, и смех Рона и Гермионы.

— Вот. — Драко пихнул стакан Гарри, смотревшего на него с ненавистью. — Да не отравил я его, Поттер, пей.

— Я бы лучше выпил яд, чем превратился в тебя, Малфой, — процедил Гарри.

— Я тоже не мечтаю стать на полчаса таким придурком, но я же не ною, — заметил Малфой. — Или ты боишься?

Гарри отпихнул стул, и схватил стакан, в который Драко уже положил один свой серебристый волос. Выдернув волос у себя, он бросил его в стакан Драко и протянул ему. Драко принял стакан и тут же его осушил. Гарри набрал полный рот зелья, и они одновременно проглотили его.

Драко согнулся, тяжело дыша, когда его охватило ужасное чувство, словно его кожа тает. Он выставил вперед руку, чтоб не упасть. Следующая волна тошноты нахлынула, когда он увидел, что его кожа превращается из бледной в смуглую, его собственные ногти (всегда прекрасно ухоженные домашними эльфами) превращаются в обгрызенные ногти Гарри. Он услышал, как откуда-то сверху Гарри сказал «ухх», поднял голову — слезы текли из уголков его глаз — и увидел... бледное лицо с острыми чертами, смотрящее на него его собственными серебристо-серыми глазами, которые поблескивали из-за круглых очков Гарри. Пока он смотрел, картинка начала расплываться, и он понял: Гарри не мог ничего видеть без очков — значит, теперь не мог и он.

— Дай мне твои очки, Поттер, — сказал он, и Гарри, которого била дрожь, протянул их.

Чувствуя себя отвратительно, Гарри осмотрел на свое новое тело. В нормальной жизни он не был ниже Драко, и мантия вполне подходила ему, но без очков он чувствовал себя раздетым. Подняв голову, он увидел свое удивленное и белое, как мел, лицо, с усмешкой уставившееся на него.

— Что... что смешного? — Гарри вздрогнул, услышав голос Драко, звучащий из его рта.

— Я просто думал, что действительно очень красив, — сказал Малфой голосом Гарри.

— Ты тупой козел, Малфой! — бесстрастно ответил Гарри и пошел к Рону и Гермионе. Те хохотали друг над другом, но, лишь Гарри подошел, тут же прекратили и уставились на него.

— Это я, — пояснил Гарри.

— Ой, Гарри! — скривила свое, то есть Рона, лицо Гермиона, — как ужасно ты выглядишь!

Рон покачал головой:

— Я не знаю, смогу ли говорить с тобой, пока ты такой. Это... пугает!

— Ну, вы и сами довольно глупо смотрите, — ответил Гарри раздраженно.

— Ну вот, теперь ты и говоришь, как Малфой, — сказал Рон, и Гарри, еще более раздраженный, пошел и сел обратно рядом с Драко. Тот, скрестив руки на груди, пялился в пространство. Как только Гарри сел, Малфой пробормотал:

— Ну что, нравится быть мной, Поттер?

— Меня никто не выносит в таком виде, — сказал Гарри. — Но я думаю, ты привык к этому, Малфой.

Гарри сморщился, когда Малфой повернулся к нему. Было действительно тяжело смотреть на Драко и видеть собственное лицо с выражением отвращения на нем; зеленые глаза, которые он каждое утро видел в зеркале, теперь наблюдавшие за ним с презрением. Если Драко и испытывал такие же мучения, то он их не показывал.

— Помнишь, что я тебе сказал тогда в поезде, Поттер? — спросил он.

— Когда это? — поинтересовался Гарри со скучающим видом. — Тогда, когда ты угрожал

накормить меня слизняками или тогда, когда обозвал четырехглазой жабой?

— Тогда, когда я сказал тебе, что могу помочь, — фыркнул Драко. — В любое время, когда ты захочешь бросить этого придурка-переростка и лохматую нечистокровку, с которыми вечно болтаешься. Я смогу показать, как прибрать к рукам реальную власть.

— Так, дай-ка подумать, — медленно сказал Гарри. — Все, подумал. Нет.

Теперешние зеленые глаза Драко сверкнули злостью за очками Гарри:

— Точно?

— Вполне, — проговорил Гарри с нарастающим гневом. — Можешь вычеркнуть меня из твоего рассылочного листа, Малфой, меня это не интересует.

Гарри ожидал, что Малфой скажет что-нибудь грубое в ответ, но вместо этого тот пялился на него со странным выражением.

— Что? — Гарри оглядел себя. — Я меняюсь обратно?

— В том то и дело, что нет, — произнес Малфой. — Все уже поменялись обратно. Смотри.

Гарри огляделся вокруг и увидел, что это действительно так. Все рассаживались по своим местам в своих собственных телах. Снейп продолжил лекцию об использовании Многосущного зелья, видимо не зная, что не все ученики вернули себе обычный вид. Гарри дико оглядел сначала себя, потом Драко.

— Сколько... сколько прошло времени?

— Сорок пять минут, — ответил Драко, посмотрев на свой Ролекс. — Мы должны были уже поменяться.

— Ну, и что же происходит?

Малфой покачал головой, со странной улыбкой на лице:

— Хотел бы я знать.

У Гарри дико забилося сердце.

— Ты что-то сделал с зельем, — прошипел он, — Малфой?..

— Конечно нет, Поттер, — презрительно ответил Драко, — неужели ты думаешь, что я бы хотел...

Но Гарри уже не слушал. Он схватил Драко за мантию и дернул.

— Верни меня назад! — яростно шептал он. — Сейчас же, или я набью тебе морду!

Малфой, который не привык к Магглским выражениям типа «набью тебе морду», смотрел на него в замешательстве. Потом он засмеялся. Это было последней каплей для Гарри, он замахнулся и так дал Драко в челюсть, что тот упал. Перо, котел и книги полетели следом. Гарри вскочил с места, схватил Драко за грудки и начал бить головой об пол.

Весь класс в изумлении вскочил, Снейп побежал к ним, крича, чтобы они прекратили.

Гарри отпустил Драко. Но Драко, видимо думая, что Гарри не собирается прекращать, приподнялся и провел шикарный апперкот, ударив Гарри, смотревшего на Снейпа, в подбородок.

Гарри был явно не готов к атаке. Он отлетел назад и врезался в стену, сильно ударившись головой о камни. Все вокруг потемнело.

Драко встал и оперся на парту, тяжело дыша. Гарри здорово ему врезал. Борясь со звоном в ушах, он посмотрел вокруг.

Гарри, все еще выглядевший как Драко, распластался на каменном полу, кровь растекалась из-под его головы. Драко отвернулся, чувствуя тошноту, и увидел Снейпа, пытающегося удержать Рона и Гермиону, рвущихся к нему.

В этот момент Гермиона вырвалась и бросилась к нему, схватив за рукав.

— Гарри, — всхлипнула она. — Ты в порядке?

Драко тупо уставился на нее.

Она думала, что он Гарри. Он поднял голову и увидел ошеломленные лица Гриффиндорцев, Слитеринцы хмуро смотрели на него. Они все думали, что он Гарри.

Снейп оттолкнул Гермиону в сторону. Драко слышал, как Гриффиндорцы кричали Снейпу, что Драко первым ударил Гарри, Слитеринцы молчали.

Снейп медленно подошел к Драко и, внимательно смотря ему в лицо, сказал: — Поттер, я жду объяснений.

Драко открыл рот, чтоб сказать: «Я не Поттер, Многосущное зелье не сработало, его действие должно было уже прекратиться, но прекратилось.»

Но вышло совсем не то.

— Я не знаю, Профессор, он первый меня ударил.

Драко не очень хорошо понимал то, что случилось потом.

Он шел в больничное крыло со Снейпом, который нес обмякшее тело Гарри. При виде этого Драко чувствовал себя отвратительно. Он ощупывал свое лицо, волосы, чтоб посмотреть, не начал ли он превращаться обратно в себя, но нет. Ничего не происходило.

Мадам Помфрей уже ждала их; она велела Снейпу положить Гарри на кровать за занавесками, куда и исчезла. Драко сидел на жестком стуле напротив Снейпа, смотревшего на него полными злости глазами.

— Если Драко умрет, — прошипел он, — ты будешь убийцей, Поттер. Как тебе это?

Драко в шоке открыл рот, но прежде он успел что-нибудь сказать, мадам Помфрей появилась и покачала головой, глядя на Снейпа.

— Драко Малфой не умрет, — строго сказала она. — У него ужасная шишка на голове, и, скорее всего, он будет без сознания до утра, но в остальном — все нормально.

На лице Снейпа отразилось облегчение. Драко был тронут. Но это чувство быстро прошло, так как Снейп ткнул его пальцем в солнечное сплетение и прошептал:

— Я даже не буду снимать очки с Гриффиндора, Поттер. Я иду прямо к Дамблдору.

Он поднялся и вышел из комнаты.

Мадам Помфрей фыркнула.

— Я бы не стала беспокоиться, Гарри, — сказала она. — Он только тебя пугает. Дамблдор прекрасно знает, каков из себя Драко Малфой. Теперь сиди спокойно, — и она начала протирать раны на его лице. — У тебя будет очень красивый синяк под глазом, Поттер, и разбитая губа. Что ты...

Но тут дверь распахнулась, и в комнату влетели Гермиона и Рон. Их лица просветлели, как только они увидели Драко. Мадам Помфрей повернулась, чтобы выпроводить их, в этот миг Драко воспользовался моментом и заглянул к Гарри.

Это было ужасное чувство, как в одном из тех снов, когда тебе снится, что ты умер и смотришь на свое тело сверху.

Гарри лежал со скрещенными руками, выглядя в точности как Драко, его светлые волосы были в крови там, где он ударился об стену. Волна тошноты подкатила к горлу, и Драко отступил назад, что было как раз вовремя, так как Рон и Гермиона в этот момент чуть не сбили его с ног.

— Гарри, о, Гарри, — восклицала Гермиона, — с тобой все в порядке?

Рон все больше хлопал его по спине и поздравлял с апперкотом, которым он наградил Гарри на Алхимии. Драко позволил себе улыбнуться.

— Это было круто, да? — сказал он. — Он просто отлетел назад!

Мадам Помфрей погнала их к двери, которую Рон придерживал. Драко бросил последний взгляд на Гарри. Тот не двигался.

Драко шел за Роном и Гермионой, когда они поднимались в Гриффиндорскую башню. Рон не переставал болтать на тему, как все Гриффиндорцы будут рады, что Гарри почти убил Малфоя на Алхимии.

— Фред и Джордж просто потрясены, — сказал Рон, — они ненавидят этого слизняка, он никогда не играет в Квиддич честно.

— Не больше чем они! — воскликнул Малфой в негодовании, потом он заткнул рот рукой, чтоб не ляпнуть чего еще. Но они уже дошли до портрета Толстушки, и Драко стал делать вид, что у него болит голова, чтоб к нему не обратились за паролем.

— Бумсланг! — произнес Рон, и, когда портрет открылся, Драко вошел в гостиную Гриффиндора.

Фред и Джордж, сидя у камина приветствовали его радостными воплями. Драко в раздражении оглядел комнату: гостиная была куда более уютной, чем Слитеринская, которая была холодной и постоянно протекала зимой.

Он абсолютно точно должен пожаловаться отцу, когда вернет свое тело назад.

Он медленно прошел за Роном и Гермионой к камину — он терпеть не мог Фреда и Джорджа,

не только потому, что они всегда отбивали в него Бладжеры во время матчей, но и потому что они были просто невыносимы с тех пор, как открыли магазин приколов с заказом товаров по почте, капитал которого составлял теперь около ста галеонов.

— Гарри! — завопил Джордж, изо всех сил шлепая Драко по спине. — Слышал, ты отделал Малфоя на Алхимии, отличная работа!

— Он давно на это напрашивался, — поддержал его Фред.

— Жаль, что ты его совсем не убил, — сказал Джордж.

Драко почувствовал прилив злости, но он понимал, что если он сейчас достанет волшебную палочку и попробует проклясть близнецов какими-нибудь прыщами, то провалит все. И он попытался успокоиться, сделав пару глубоких вдохов. Вдруг в его ладонь легла маленькая ручка и, подняв голову, он увидел Гермиону, с волнением смотрящую на него.

— С тобой все в порядке, Гарри? Ты выглядишь так, как будто тебе трудно дышать, — сказала она.

— Голова... болит, — с трудом пробормотал Драко и упал в кресло.

— Не твой шрам? — спросил Рон, зеленая. — Ведь шрам не болит?

— Нет, идиот, — сквозь зубы сказал Драко, — только голова, там, где этот придурок Гар..., где Драко ударил ее об пол.

— А почему он на тебя накинулся? — широко открыв глаза, спросила Гермиона.

— Потому что он подлый маленький гаденыш, почему же еще? — сказал Рон.

— Драко рассердился. Я оскорбил его мать, — коротко сказал он. — Вот он мне и врезал.

— Гарри... — удивилась Гермиона.

— Вот и правильно, Гарри, — похвалил его Рон, — что дал ему сдачи.

— Зачем нужно было оскорблять Малфоя?... — продолжила Гермиона. — Я думаю, тебе должно быть его жаль.

— Жаль его!? — взорвался Драко, — Это еще почему? Он богат, у него влиятельная семья, он красивый и его любят девчонки...

— У него ужасный отец, — серьезно сказала Гермиона, — И совершенно очевидно, что он завидует тебе, Гарри. Ты прекрасно играешь в Квиддич, ты смелый, а он — нет, помнишь тогда, в Запретном лесу, когда он убежал от Квиррела?

Драко шумно втянул воздух.

— И он ни чем не красивее тебя, Гарри, — Гермиона избегала его взгляда.

— Но он... он блондин, — заикаясь, произнес Драко.

Рон и Гермиона уставились на него.

— Я устал, — отрезал Драко. — Я иду спать.

Пока он шел за Роном в спальню, в голове у него пробежали странные мысли. Он всегда полагал, что Поттер и его друзья ненавидят его так же, как и он их. Ну, Висли-то, похоже, так и делал, но Гермиона... она настаивала, что они должны его пожалеть?... Нечистокровная жалеет Драко Малфоя? Он в ярости сжал кулаки и захлопнул дверь спальни за собой.

— Аай! — завопил Рон от боли, дверь ударила его по носу.

— Ой! — сказал Драко. — Извини!

Гермиона долго сидела перед зеркалом в тот вечер, одним локтем опираясь на потертый экземпляр «Подтверждений для ведьм, которые слишком много делают», а другим — на столь же потертый «Ведьмы, которые любят Волшебников и Волшебники, которые этого не замечают».

Она вздохнула; это было не совсем правдой, что Гарри не замечал ее любви. Она сказала ему об этом в прошлом месяце, когда не смогла больше терпеть. И он очень мило отреагировал, хотя и был предельно честен. Он не любил ее.

Он рассказал ей о своих чувствах к Чоу, она ответила, что всегда знала об этом... Они посмеялись, и он рассказал ей, как много для него значит ее дружба... — и все. У Гермионы все еще появлялось неприятное чувство в желудке, когда думала об этом.

Но сегодня, подумала она, сегодня все по-другому... Ей показалось, что Гарри смотрел на нее по-другому — так, как будто видел в первый раз. Конечно, это могло быть следствием травмы. Она

закрыла лицо руками. Пожалуйста, думала она, пожалуйста, пусть это не будет последствием того, что он стукнулся головой...

В больничном крыле лежащему без памяти Гарри снился кошмарный сон.

Ему снилось, что он заблудился в Запретном лесу... он искал что-то... Рон был с ним, но где же Гермиона? Он кричал во сне, и Дамблдор, который в это время шепотом разговаривал с мадам Помфрей, замолчал и посмотрел на него с беспокойством.

— Вокруг этого мальчика много темного, — сказал он мадам Помфрей, которая фыркнула с сомнением. Драко ей никогда не нравился. — Я боюсь, что когда-нибудь эта темнота завладеет им.

Душ следующим утром был, пожалуй, самым странным в жизни Драко. Он крепко зажмурил глаза, чтоб не увидеть Гарри голым, но когда он нечаянно взглянул вниз, у него отпала челюсть.

— Вы только посмотрите, — неохотно произнес он. — Мои поздравления, Поттер.

Было странно ходить на занятия Гарри.

Урок Ухода за Волшебными животными был для Драко большим облегчением, так на нем Гриффиндор и Слитерин были вместе. Они изучали Гринделфонов, противных маленьких амфибий с большими зубастыми ртами. Когда Хагрид ушел за Флобберами, чтоб покормить Гринделфонов, Крабб и Гойл воспользовались этим — они стащили жабу Невилла и держали ее над клеткой, в которой облизывались гринделфоны.

— ХА — ХА, — усмехнулся Гойл, сжимая в кулаке Тревора, пока Крабб одной рукой удерживал Невилла. — Хочешь, чтоб я скормил твою жабу этим тварям, малявка?

— Нет, пожалуйста! — умолял Невилл. — Отпустите Тревора!

Невилл был готов разрыдаться. Драко хихикал, пока до него не дошло, что Гермиона смотрит прямо на него. Ее взгляд был умоляющим.

Ах да, вспомнил он, я — Гарри Поттер, Чудо-мальчик.

Гермиона явно ожидала, чтоб он сделал что-нибудь, и он, вздохнув, подошел к Гойлу и сказал:

— Гойл, отдай Невиллу его жабу.

Свинячьи глаза Гойла сузились.

— Сам возьми, — сказал он, сильнее сжимая Тревора. Драко привык к тому, что Гойл делает все, что ему велят, так что на секунду опешил.

Это может обернуться неприятностями, понял он. Он видел, как Гойл голыми руками сломал автобус, Драко не хотел быть следующим.

— Гойл, — сказал он, понизив голос так, чтоб никто больше не мог слышать его слов, — ты знал, что я могу читать мысли?

Гойл тупо уставился на него.

— Это правда, — продолжал Драко. — Это волшебная сила моего шрама, — добавил он, гадая достаточно ли туп Гойл, чтоб поверить в такую чушь.

— Врешь, — медленно выговорил Гойл, но в его маленьких глазках блеснул страх.

— Пожалуйста: я могу сказать всем, что ты спишь с включенным ночником, носишь розовое нижнее белье, потому что думаешь, что это делает тебя красивым. И ты тайно влюблен в Крабба — у тебя его фотография под подушкой.

Гойл издал вопль ужаса, швырнул жабу в Драко и побежал прочь. Для такого здорового парня, он двигался с поразительной скоростью и скоро исчез из виду.

— Вот, Лонгботтом, — сказал Драко, сунув Тревора Невиллу, который глядел на него с благодарностью. Малфой поймал взгляд Гермионы — этот взгляд был полон восхищения. Никто никогда не смотрел на него так; он почувствовал себя странно, мурашки побежали по шее.

В ярости он специально наступил на ногу Шеймусу Финнигану, пока шел мимо него к Гермионе, и был рад услышать как тот вскрикнул от боли.

Мадам Помфрей смотрела на спящего Драко Малфоя со смесью озабоченности и неприязни. Ей не нравился этот мальчик, но она не могла не чувствовать жалости к нему. У него явно были ужасные ночные кошмары; он размахивал во сне руками и кричал. Вдруг он открыл глаза и, как ей показалось, в ужасе посмотрел на нее.

— Ты проснулся, — бодро сказала она.

— Что происходит? — спросил он, садясь. — Где я?

— Тихо, Драко, у тебя большая шишка на голове, тебе надо отдыхать, — сказала она, укладывая его обратно.

— Я не Драко Малфой! — закричал он, широко открывая серебристо-серые глаза. — Я не Малфой! Нет!

Мадам Помфрей была в ужасе: все было гораздо хуже, чем она предполагала.

— Вот, выпей это. — Она подала ему чашку со снотворным зельем. Он глотнул и упал обратно на подушки, закрывая глаза.

Мадам Помфрей встала, качая головой: неважно, что сказал Дамблдор, надо бы послать сову отцу мальчика, чтобы тот приехал и забрал сына домой.

Глава 2. Гарри в Имени

После обеда у Гриффиндорцев должна была быть тренировка по Квиддичу. Драко пришел на стадион пораньше и сел на солнышке, вертя в руках метлу Гарри. Всполох был хорош — даже ему пришлось признать это.

Отец отказался ему купить такой до тех пор, пока он не выиграет у Гарри в Квиддич, но, как подозревал Драко, ему и не удастся сделать, пока у него не будет метлы, которая бы могла сравниться со Всполохом Гарри.

Краем глаза он заметил какое-то движение и понял, что на поле не один. Кто-то шел к нему. Это была очень красивая девочка в голубой мантии с длинными черными косами. Драко узнал ее: она была ловцом Рэйвенкло, он как-то играл против нее.

— Привет, Гарри! — позвала она.

Драко помахал в ответ. Он все еще рассматривал Всполох. Признаться, он немного нервничал из-за тренировки. У Гарри был весьма своеобразный стиль полета, и... хотя Драко не любил признавать это, Гарри летал лучше, чем он. Его товарищи по команде могут...

Девочка села на траву рядом с ним, сбив его с мысли. Драко разозлился, он хотел провести еще несколько мгновений наедине со Всполохом, чтоб почувствовать его.

— Гарри, Гарри, Гарри, — сказала девочка, глядя на него, как на очаровательного, но немного глупого ребенка.

— Да? Ты что-то хотела?

— Ты не приглашал меня погулять уже два дня подряд. Обычно ты постоянно бегал за мной или засыпал письмами.

— Я был занят, — ответил Драко.

— Занят? — судя по тону, еще ни один мальчик ей ничего подобного не говорил.

— Это не очень-то спокойная жизнь — быть Гарри Поттером, — продолжил Драко. — У меня уроки, плюс Квиддич, плюс интервью с «Ежедневным пророком», куча добрых дел, которые надо переделать, и зло, которое надо победить. Плюс за мной охотится безжалостный убийца, погубивший моих родителей. У меня нет времени таскаться за девчонками.

Девочка смотрела на него, открыв рот, сразу став гораздо менее привлекательной.

— Если ты думаешь, что я буду гулять с тобой, когда ты разговариваешь со мной так, — ее голос звенел от ярости, — то ты ошибаешься, Гарри Поттер!

— Хорошо, — сказал Драко, — не гуляй со мной. Я знаменит, и могу гулять с любой девочкой.

С воплем ярости девочка вскочила на ноги и побежала через поле. Драко смотрел ей вслед, немного благодарный за то, что она отвлекла его от мыслей и страха перед тренировкой.

Если бы Гарри знал, что Драко Малфой в этот момент разрушил все шансы, которые у него когда-либо были с Чоу, он был бы жутко расстроен. Но он крепко спал на заднем сиденье невидимого экипажа Люция Малфоя (мадам Помфрей не разрешила им телепортироваться, пока мальчик был без сознания), который вез его в имение Малфоев.

На поле Драко обнаружил, что ему не о чем беспокоиться: он получил не только плохое зрение Гарри, но и его выдающиеся навыки в Квиддиче. Он пикировал и нырял на метле, удивляясь, как это легко. Когда они тренировались, он с легкостью поймал Снитч и, пока товарищи по команде хлопали и свистели, закладывал мертвые петли в воздухе. Гермиона тоже пришла посмотреть тренировку.

— Это потрясающе, Гарри! — кричала она.

Драко помахал ей, и вдруг... не заметив Гермиону на поле, Джордж отбил Бладжер прямо вниз. Бладжер понесся прямо к ней, слишком ошеломленной, чтоб убежать.

Не раздумывая, Драко направил Всполох Гарри вниз, летя к земле со скоростью пули. Он мчался за Бладжером, он летел так быстро, что сам едва верил в это. Поравнявшись с мячом почти у самой земли, обогнал его, быстро развернул метлу, оказываясь между бладжером и Гермионой, и... мяч ударил Драко прямо в живот, сбив на землю всего с трех футов.

Несколько секунд Драко лежал неподвижно, пытаясь вздохнуть. Он слышал, как топают по земле приземляющиеся Гриффиндорцы — это команда бежала посмотреть, что с ним.

Он медленно приподнялся на локтях — живот болел, но вроде ничего не сломано. Драко посмотрел вверх и увидел белое от испуга лицо Гермионы.

— Гарри, — сказала она, — ты же мог убиться.

Почувствовав себя неловко, он взглянул в другую сторону, чувствуя себя неловко, и увидел подбегающих к нему остальных ребят. Джордж рассыпался в извинениях, Фред бил Джорджа, Анджелина, Кэти и Алисия по очереди успокаивали Гермиону и гладили Драко по голове. В конце концов Драко заставил себя подняться.

— Ладно, — заявил Фред, который был теперь капитаном, — иди назад в замок, Гарри, с тебя волнений достаточно.

— Я провожу его, — Гермиона вскочила на ноги.

Испытывая странное волнение, она болтала на протяжении всего пути в замок.

— Все говорят о том, как ты напугал Гойла на Уходе за Волшебными животными. Гарри, это было здорово! Что ты ему сказал?

Драко усмехнулся.

— Ничего, я просто пригрозил ему небольшой дуэлью... Ты же знаешь, он несилен в этом.

— Ну, это было великолепно, какое у него было лицо! А как он бежал!

Гермиона засмеялась. Драко посмотрел на нее, и, не останавливаясь, чтоб спросить себя, что же, черт возьми, он делает, бросил на землю Всполох и Квиддичную мантию, обнял Гермиону и поцеловал.

На секунду она растаяла в его объятиях. Потом она оттолкнула его:

— Гарри, нет!

Впервые в жизни Драко не нашел, что сказать.

— Ты не должен смеяться надо мной, — сказала Гермиона, слезы потекли из ее глаз. — Это не честно.

— Я не смеюсь над тобой! — пробормотал Драко, найдя в себе силы заговорить.

— Это нечестно, — повторила она, — Гарри, ты мой лучший друг, и я знаю, что ты чувствуешь к Чоу...

— Чоу? — недоуменно переспросил Драко. — Ловец Рэйвенкло?

Гермиона уставилась на него.

— Да, это объясняет, почему она себя так вела! — воскликнул Драко, затем посмотрел на Гермиону и весело заявил:

— Слушай, я порвал с ней, Гермиона. Она даже не...

— Гарри! — предупреждающе начала она.

Они посмотрели друг на друга. И Драко сделал то, чего не делал никогда раньше.

— Прости меня, Гермиона. — Ее лицо смягчилось, и он добавил: — Я не очень хорошо себя чувствую, ээ, с тех пор как Драко ударил меня головой об пол на алхимии...

Вот это было явно зря: Гермиона повернулась к нему.

— Все в порядке, — сказала она и направилась к замку. — Я знаю, что ты не хотел.

Но я хотел, подумал Драко, следуя за ней, я хотел.

Они уже прошли половину пути, когда видели бегущего к ним Рона.

— Гарри! — орал он. — Я не могу простить себе, что пропустил Уход за Волшебными животными! Я слышал, ты растоптал Гойла!

— Ну, растоптал — это слишком сильно сказано, — запротестовал, смеясь, Драко.

— Мне надо в библиотеку, — сказала Гермиона, как только они вошли в замок. — Извините!

Она побежала, не оглядываясь.

Рон с любопытством смотрел ей вслед:

— Что это с ней?

— Да волнуется из-за завтрашнего экзамена по колдовству, ты же ее знаешь, — соврал Драко, ощутив легкий укол совести.

Они поднялись в гостиную Гриффиндора, где их встретили приветственными воплями Дин Томас и Невилл Лонгботтом. Драко же был не в настроении, он пробился к лестнице и пошел наверх, где

долго сидел, глядя на фотографии родителей Гарри. Они махали ему и улыбались — его собственные родители никогда так не делали.

Гермиона же действительно пошла в библиотеку, но не учиться — ей просто хотелось побыть одной и подумать.

Гарри поцеловал ее. Она должна быть в восторге, ну или, хотя бы, просто довольной. Она затрепетала, когда он ее обнял, но уже в следующую секунду ей овладело чувство, что все это — какая-то ужасная ошибка. Такого она не испытывала никогда раньше. Именно поэтому она оттолкнула Гарри. Она думала, что хорошо знает его: как он выглядит, когда только проснулся, когда устал, когда счастлив, когда боится чего-то или беспокоится; как он пахнет — обычно мылом и травой с Квиддичного поля. Но в этот раз, когда она обвила его шею руками, он пах по-другому... перцем?

Она тяжело вздохнула и положила голову на парту.

Гермиона, думала она, ты такая дура. Ты любишь Гарри целую вечность, имеет ли значение то, что он просто сменил одеколон?

Она встала и спустилась на ужин.

В этот вечер Драко, сидя за Гриффиндорским столом между Роном и Гермионой (она вела себя так, как будто ничего не произошло), не чувствовал себя голодным. Гоняя еду по тарелке, он слушал, как другие смеются и болтают. У него в голове роились вопросы. Почему никто не замечает, что он не Гарри?

Ясно, он не может вести себя так же, как Поттер, — он ненавидит Поттера, он не смог бы вести себя так, даже если бы захотел. Он просто выглядит, как Гарри, и все думают, что он и есть Гарри, и любят его. Не только Гриффиндорцы, но и Хаффлпафцы, и ученики из Рэйвенкло — ученики, имена которых Драко никогда не пытался узнать, подходили и говорили с ним. Это обескураживало.

Еще больше обескураживало то, что ему это нравилось. Казалось, что, превратившись в Гарри внешне, он получил частичку Гарри внутри и не мог убить или уничтожить ее. Она просто была у него в груди, заставляя его делать странные вещи, — спасти жабу Невилла или Гермиону от бладжера или... или целовать ее.

Он не мог поверить в то, что сделал это. Почему? Должно быть, Гарри все-таки чувствовал что-то к ней, и теперь вот и Драко тоже. Но если бы она знала... знала, кто он на самом деле...

Вдруг что-то, что уже давно мелькало где-то в подсознании, выкристаллизовалось в четкую и болезненную мысль. Что, если Гарри умер? Что, если он никогда не очнется? Ему, Драко Малфоем, придется вечно быть Гарри Поттером?

— Гарри, — раздался голос Гермионы. — Что-то не так? Ты как будто за миллион миль отсюда.

Драко отодвинулся от стола и вскочил.

— Мне надо идти, — пробормотал он и побежал из зала, через холл и по ступенькам в больничное крыло. Он барабанил в запертую дверь до тех пор, пока обеспокоенная мадам Помфрей не открыла. Она очень удивилась, увидев его.

— Что случилось, Поттер, ты заболел?

— Я пришел... Мне надо увидеть... Малфоя, — выдохнул он, — он все еще без сознания?

Мадам Помфрей оглядела его с подозрением.

— Ну, я думаю, что могу сказать тебе, — сказала она, — Драко больше нет с нами.

Шок, который испытал Драко, едва не сбил его с ног. Перед глазами запрыгали цветные точки, он пробормотал заплетающимся языком:

— Он... он ведь... он ведь не умер?

Мадам Помфрей была поражена:

— Нет, Поттер, конечно же, он не умер! — резко сказала она. — Вот уж воистину! Его отправили домой. Его отец приехал и забрал его сегодня днем.

И закрыла перед Драко дверь.

Свет, сначала мутный, затем все более яркий и режущий глаза — Гарри застонал и перевернулся, открыв глаза. Он хотел сесть, но удивление приковало его к постели.

Он был в спальне — в спальне, какой еще не видел никогда в своей жизни. Стены, отделанные необработанным камнем, потолок — такой высокий, что просто исчезал в темноте над головой, несмотря на то, что солнечный свет лился в комнату через отделанные свинцом окна в форме арок. Огромная кровать с четырьмя столбиками по краям, на которой он лежал, покрытая черным бархатом с серебряными змеями. Кровать была единственной мебелью в комнате, не считая огромного шкафа, стоявшего у стены напротив. На шкафу красовались золотые буквы «М».

Эти буквы объясняли все. Гарри сел, выругался вслух, глядя на свои руки — это были не его руки, а длинные, бледные и незнакомые. Он потрогал лоб и не нашел шрама. В отчаянии он вырвал у себя несколько волосков и смотрел, как серебристые волосы упали на черное покрывало.

Он все еще был Драко. И, что еще хуже, он был — каким-то образом — в доме Малфоев. Должно быть, он долго был без сознания, если его успели привезти сюда.

В это мгновение распахнулась дверь. На пороге стоял Люций Малfoy, весь в черном, как и всегда, когда Гарри его видел. Гарри похолодел от нехорошего предчувствия.

— Итак, мальчик, — сказал Люций, подходя к кровати. — Теперь-то ты знаешь, кто ты?

Гарри уставился на него. Конечно, Люций не мог знать, кто он на самом деле. Если бы он знал, что в его доме находится Гарри Поттер...

— Драко Малfoy, — сказал он. — Твой сын.

Люций холодно улыбнулся.

— Я так и сказал этой Помфрей, что она не знает, о чем говорит, — удовлетворенно заметил он.

— С тобой все в порядке. ни один Малfoy еще не забывал, кто он такой.

Гарри посмотрел в холодные серые глаза отца Драко и ничего не сказал. В горле стоял ком.

— Ну, раз уж ты здесь, мы можем немного развлечься, — мистер Малfoy распахнул плащ, и Гарри увидел длинный серебряный меч.

Желудок неприятно сжался.

Он не верит, что я Драко, в отчаянии подумал Гарри, и хочет снести мне голову.

— Как насчет того, чтобы попрактиковаться в фехтовании? — продолжал Люций Малfoy. — Проверить твоё мужество, мальчик?

Отлично, Гарри никогда не пробовал фехтовать. Люций верит, что я Драко, и все еще хочет снести мне голову.

— Хорошо, отец, — сказал он, стараясь растягивать слова, как Драко. Мистер Малfoy нетерпеливо смотрел на него. Гарри свесил ноги с кровати и почти вскрикнул — пол оказался почти ледяным. Люция, видимо, не беспокоило то, что сын отморозит себе пальцы ног — он быстро вышел из комнаты, и Гарри, все еще босой, почти бегом последовал ним по коридору, стены которого были увешаны портретами членов семьи Малфоев. Там были пара ведьм, несколько очень красивых молодых женщин — наверняка Вил (вот откуда у Малfoя его светлые волосы), бледные мужчины, которые, судя по всему, были вампирами, и неприятный волшебник верхом на огромном пауке, с поводьями, привязанными к ядовитым клыкам.

Фу, какая отвратительная компашка...

Люций открыл тяжелую каменную дверь взмахом волшебной палочки и вошел, Гарри за ним. Они оказались в просторной комнате с гладким каменным полом, украшенной гобеленами, с вытканными сценами сражений волшебников. Злобные колдуны бежали друг к другу, размахивая палочками, чтоб обезглавить, выпотрошить или поджечь жертву. Гарри смотрел с открытым ртом, как гоблин с длинным сверкающим мечом преследовал вопящего волшебника, перебегая с одного гобелена на другой.

Люций, перехватив взгляд Гарри, довольно кивнул:

— Да, их только что почистили, а то кровь начала выглядеть тускло. Ну что, начнем? — и он подал Гарри длинную острую рапиру. Гарри с тоской взглянул на нее.

— En garde!

Гарри поднял оружие, решив, в случае смерти, истечь кровью и как следует испортить этим напольное покрытие Малфоев. К счастью, в этот момент в дверь постучали.

На пороге стоял высокий волшебник в темно-зеленой мантии.

— Привет МакНейр, — сказал Малфой, опуская меч и отворачиваясь от Гарри. — Тебя впустила Нарцисса?

— Да, она мне сказала, что Вы здесь, ответил высокий волшебник. Гарри узнал его — он работал в Комитете по Устранению Опасных Существ и был Пожирателем Смерти. — Я пришел, чтобы сообщить кое-какие новости... — он замолчал, увидев Гарри. — Привет, Драко, я не знал, что ты вернулся домой.

— Мать хотела его видеть, — спокойно сказал Люций. — Ты же знаешь женщин. Она скучает, когда он в школе.

Чокнутая, подумал Гарри.

— Ну, вообще-то, новости, которые я хотел сообщить, связаны с Хогвартсом, — произнес МакНейр.

— Люций... — он перевел взгляд с Люция Малфоя на Гарри.

— Ты можешь говорить в присутствии Драко, — сказал Люций Малфой. — Он уже давно часть этого плана.

— Да, конечно, я забыл, — МакНейр повернулся к Гарри. — Как твоя работа в школе? — спросил он. — Распространяешь ли ты слово Темного Лорда?

— Что? — Гарри был просто ошеломлен. Он знал, что Драко гад, но такое...

— Ну, ты же знаешь, — продолжал МакНейр, — продолжать дело Темного Лорда... распространять это среди его молодых последователей... Проводить собрания Пожирателей Смерти... — он подмигнул, — угнетать нечистокровных...

— Ах да, — Гарри уже просто трясло от ярости, и он едва понимал, что говорит, — мы со Слитеринцами устроили распродажу и выручили много денег на нужды Зла, так что все в порядке.

МакНейр, похоже, не слушал.

— Я помню, когда я был в Слитерине... Какие это были времена! — Он повернулся к Люцию Малфой. — Я хотел поговорить о нашем плане. И о Гарри Поттере.

Глава 3. Нарцисса Малфой

Меч выскользнул из пальцев Гарри и с громким звоном упал на пол. Люций и МакНейр взглянули на него.

Люций нахмурился:

— Да, Драко? Ты хочешь что-то сказать?

— Что там насчет Гарри Поттера? — Гарри с трудом выдавливал из себя слова. Малфой внимательно смотрел на него.

— Драко, — обратился он к МакНейру, — все время говорит о юном Гарри, да, мальчик?

Это вовсе не информация, которая была нужна Гарри.

— Я играю против него в Квиддич, — натянуто пояснил он.

— Да, и насколько я помню, он всегда выигрывает, — холодно заметил Люций.

— Это точно! — Гарри не смог удержаться от улыбки.

МакНейр и Малфой удивленно уставились на него; наконец, к облегчению Гарри, отец Драко отвернулся к своему другу.

— Ты сказал, у тебя для меня новости, МакНейр? Только не говори, что это еще один идиотский план, как убить мальчишку Поттеров.

МакНейр смотрел в пол:

— В этот раз это очень хороший план, Люций. Очень хитрый и коварный.

— Да ну? — огрызнулся Люций Малфой. — Ты то же самое говорил про план, когда вы собирались убить Гарри, послав ему отравленный торт на День Рождения в дом его родственников, где, как я должен напомнить тебе, он защищен Семейным заклетием Дамблдора. И что произошло? Его кузен сожрал этот торт, и его стошнило из окна прямо на Пожирателя Смерти, пришедшего забрать тело Гарри. Ты помнишь это, МакНейр?

А тогда, когда Нотт пытался пробраться в Хогвартс и похитить мальчика? Он был обезглавлен Драчливым Дубом! А когда Забини послал Поттеру взрывающуюся метлу, а Дамблдор перехватил посылку и отослал назад? Забини пришлось похоронить в спичечном коробке! — Малфой орал, размахивая мечом. — Больше Пожирателей смерти погибло, пытаясь осуществить безумные планы убийства Поттера, чем были убиты Магами-убийцами из Отряда Волшебников Особого Назначения!

Гарри был поражен. Он даже не представлял себе... Ну если вспомнить, то он, кажется, слышал вопли ужаса из сада, когда Дадли тошило, но он тогда подумал, что это шумные соседи.

— Да ладно, Люций, ты только послушай, — взывал МакНейр.

Люций скрестил руки на груди.

— У тебя есть пять минут.

— Это правда, что мальчик защищен, когда он со своими родственниками, — говорил МакНейр, — и правда, что он защищен в Хогвартсе. Мы пытались выманить его из замка — помнишь, мы послали ему билеты на баскетбол? — но Дамблдор не пустил его.

— И вряд ли он отпустит его когда-нибудь.

— Я знаю, — сказал МакНейр. — И мы придумали похитить кого-нибудь, кто дорог мальчишке, чтоб ему пришлось покинуть замок и спасти его. Но почти все, кого он любит — в Хогвартсе. Он ненавидит свою Магглскую семью, а Висли защищены сильным заклетием.

Люций явно заскучал.

— Но, -торопливо добавил МакНейр, — теперь кое-что изменилось. Мы знаем того, кого мальчик захочет защитить во что бы то ни стало.

Глаза Люция вспыхнули.

— Значит, вы своими грязными лапами наконец поймали кого-то, кто дорог Гарри? — спросил он.

— И кого же?

У Гарри от страха засосало под ложечкой

МакНейр улыбался все той же противной улыбочкой, с которой приехал в Хогвартс казнить гиппогрифа.

— Сириуса Блэка, — сказал он.

Драко плелся обратно в гостиную Гриффиндора из больничного крыла.

— Бумсланг, — сказал он Толстушке и прошел сквозь отверстие в стене. Машинально прошел к огню и сел рядом с Гермионой, весьма очаровательной в розовой мантии, и Роном, который читал здоровенную книгу под названием «Искусство Ведения Войны Магглами».

— Отец Драко забрал его в Имение, — тихо сказал Драко.

— Куда забрал? — спросил Рон, опуская книгу.

— В Имение Малфоев. Туда, где они живут.

— Чудесно, — Рон вернулся к чтению. — Если нам повезет, он никогда не вернется.

Драко закашлялся. Гермиона с сочувствием посмотрела на него.

— Гарри, ты не виноват. Ты просто дал сдачи — это он ударил тебя первым.

Драко не ответил. Он представлял себе отца. Если Гарри не сможет долго притворяться... если он вернет себе нормальный облик... если его отец каким-то образом узнает, что привез домой не сына, а заклятого врага Волдеморта... Он убьет Гарри, в этом Драко не сомневался. Ведь его отец рассказал ему о том, что говорил Волдеморт: «Тот, кто принесет мне тело Гарри Поттера, будет награжден так, как и не снилось никому из Пожирателей Смерти».

Голос Рона ворвался в его мысли.

— Война Магглов действительно интересная штука, — говорил тот. — Интересно, есть ли шанс уговорить правительство сбросить... как-ее-там... ядерную бомбу на Имение Малфоев?

Драко встал.

— Пойду наверх, — сказал он.

Он начал подниматься по лестнице в спальню мальчиков. Вдруг он услышал шаги и повернулся — его догоняла Гермиона.

— Гарри, — сказала она, — подожди пожалуйста.

Он остановился.

— Гарри, ты расстроен, — начала она. — Что тебя беспокоит? Ведь не Малфой же?

Драко смотрел на нее. Все его эмоции сплелись в один клубок в желудке: напряжение из-за того, что вот уже два дня он притворяется Гарри, ярость, шок, боль и теперь — ужас, ужас от того, что что-то может случиться с Гарри — в любой момент, может, даже прямо сейчас, и в этом будет виноват он. Драко не знал, чего ему больше всего хочется в этот миг: наорать на Гермиону или поцеловать ее опять; и то, и другое казалось весьма привлекательным.

— Я очень устал, Гермиона, — сказал он. — Я просто хочу лечь спать.

— Это из-за того, что случилось раньше? — спросила она. — Ну, после... после бладжера? Я ведь действительно не хотела сердиться на тебя, Гарри, вообще-то...

Она подошла ближе к Драко, глаза ее были полны любви. Любви к Гарри.

Драко взорвался.

— Не все в этом мире связано с тобой, Гермиона! — заорал он. — Не все!

Отпихнув ее, он побежал вниз по ступенькам и вылез через портрет наружу.

Когда прозвучало имя Сириуса, у Гарри подогнулись колени. Стой, как ни в чем ни бывало, приказал он себе.

— Мы давно знали, что он крестный отец мальчика, — сказал МакНейр. — Проблема была в том, чтобы найти его. Но мы накрыли его — это сделал Червехвост, все было просто и гениально. Червехвост вспомнил пещеру, куда они с Сириусом лазали во время каникул, когда гостили у его родителей. Он явился туда и наложил Связывающее заклинание на Блэка...

— Переходи к сути, МакНейр, — прервал его Люций. — При чем здесь я?

МакНейр выглядел разочарованным.

— Ну, это просто. Завтра Червехвост привезет Блэка из Корнуэлла, и нам нужно место, где его можно было бы держать. Хотя бы пару дней, пока Поттер не придет за ним. Мы не можем оставить Связывающее заклинание, а то он умрет, а у тебя самое большое подземелье...

— О, спасибо, — саркастично заметил Малфой. — Конечно, план довольно глуп и прямолинеен, но он все же лучше всего предыдущего. Привозите Блэка сюда. Я не видел его со школы. Устроим

встречу выпускников.

Они с МакНейром засмеялись. Гарри — нет, у него было ощущение, что сейчас ему станет дурно.

Дверь открылась, вошла высокая стройная белокурая женщина. Она была не в мантии, а в длинном черном платье с разрезом. Гарри немедленно узнал ее: это была мать Драко.

— Нарцисса, — удивился Люций, — что-то случилось?

Женщина улыбнулась и сразу стала очень красивой. Гарри вспомнил, что видел ее на Кубке мира по Квиддичу, и подумал: вот откуда Драко получил эту бледную красоту.

— Я хочу забрать Драко, — спокойно сказала она. — Я еще не видела его, с тех пор, как ты привез его домой, Люций.

Малфой махнул рукой:

— Ладно, забирай.

Гарри посмотрел на отца Драко. Он ужасно хотел остаться и услышать еще о Сириусе.

— Но я...

— Драко, — голос Люция Малфоя был холоден, как лед. — Иди со своей матерью.

Гарри неохотно вышел следом за Нарциссой из комнаты. Он ожидал, что она захочет обнять, поцеловать или как-то еще поприветствовать сына, но она просто пошла по коридору. Гарри плелся за ней, внимательно глядя по сторонам.

Неплохо бы изучить Имение...

Нарцисса остановилась в коридоре, на стенах которого была, как сперва показалось Гарри, целая выставка портретов каких-то куколок, в разноцветных платьях. Присмотревшись, он понял, что это были младенческие и детские фотографии Драко. Гарри заулыбался.

— Да, твои детские фотографии, — улыбнулась Нарцисса в ответ. — Милые, правда?

На одном портрете Драко — в розовых штанишках и берете — было примерно года три. Гарри перевел взгляд на другую фотографию — Драко было пять и из-за светлых кудряшек он выглядел точь-в-точь как девочка, при нем были все Малфоевские регалии, включая черный плащ. С весьма недовольным видом он теребил край своего плюшевого воротника.

— Да, очень, — кивнул Гарри.

Нарцисса провела его по извилистым коридорам в большую столовую, где велела посидеть, пока она принесет что-нибудь поесть.

Устроившись за огромным столом, на котором не было ничего, кроме чудовищных размеров серебряного канделябра с семью зелеными свечами в форме ящериц, Гарри почувствовал себя очень маленьким: казалось, стол тянется примерно милю. Стены были увешаны страшными портретами Малфоевского семейства, на одном из которых мрачный волшебник, рассмотрев Гарри, полоснул себя пальцем по горлу. На другой стене висел здоровый шелковый гобелен с фамильным гербом: зеленая змея в виде буквы «М», на фоне которого человек в плаще с капюшоном всаживал нож в спину другому. Ниже была написана фраза по латыни «**DE GUSTIBUS NON DISPUTANDEM**» — Гарри даже не представлял, что она может означать. Гермiona бы знала, но мысли об Гермione причиняли боль.

Нарцисса вернулась в комнату, неся поднос с чайником, чашкой, кувшином молока и тарелкой печенья.

— Вот, — сказала она, ставя поднос перед Гарри и села напротив, глядя, как Гарри ест. — Мадам Помфрей сказала, что тебе нужна легкая пища в течение нескольких дней, — произнесла она, глядя, как он набивает рот печеньем.

— Мам, — сказал Гарри, желая прервать неловкое молчание. — А чем ты занималась в последнее время?

— Я вышивала одеяло тебе в школу. Твой отец предложил на нем вышить золотом девиз нашей семьи. Он думает, что настало время тебе выучить его наизусть. Хочешь посмотреть?

— Да, конечно, — Гарри вовсе этого не хотел. Она вышла и вернулась почти тут же, неся кусок зеленого бархата, на котором Гарри увидел вышитые золотом слова: **НАКАЗАНИЕ ВЕДЕТ К СТРАХУ. СТРАХ ВЕДЕТ К ПОСЛУШАНИЮ. ПОСЛУШАНИЕ ВЕДЕТ К СВОБОДЕ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, НАКАЗАНИЕ ЕСТЬ СВОБОДА.**

Так вот в чем причина того, что Драко был таким ужасным человеком.

— О, — безжизненным голосом выговорил Гарри. — Очень мило, мам. Все ребята захотят иметь

одеяло с таким жутким девизом.

На секунду ему показалось, что он зашел слишком далеко; но Нарцисса просто улыбнулась, и Гарри отвернулся. Взгляни он на мать Драко в тот миг, он бы увидел слезы в ее глазах.

Двойные двери в конце зала распахнулись, и вошли МакНейр и Люций Малфой.

— Нарцисса, — рявкнул Люций, — подай МакНейру чашку чая.

Нарцисса заторопилась исполнить приказание мужа, а МакНейр присел напротив Гарри и улыбнулся ему.

— Ну, Драко, — отеческим тоном сказал он. — Я помню, когда я был в Слитерине, мы здорово веселились. Могу поспорить, ты постоянно попадаешь в переделки, так ведь?

— Ну, — сказал Гарри, — вы знаете, мы очень заняты, проводя собрания Молодых Пожирателей Смерти, и мы тратим много времени на унижение сырых и убогих учеников, не имеющих денег и положения в обществе. Иногда по ночам пытаемся вызывать демонов, но чаще всего просто заказываем пиццу и отрываем крылышки мухам.

Гарри знал, что переигрывает, но МакНейр, казалось, ничего не заметил.

— Какой хороший у тебя сын, Люций! — сказал он, поворачиваясь к отцу Драко. — Ты должен им гордиться.

— Ребенком он не подавал больших надежд, — сказал Малфой без тени каких-либо эмоций. — Был слабым и болезненным. Я сказал жене, что в старые добрые времена в семье Малфоев, такого бы бросили умирать где-нибудь в лесу, но она настояла на том, чтоб оставить его.

МакНейр рассмеялся, однако Гарри был абсолютно уверен, что Люций Малфой не шутил.

Нарцисса вернулась с чайным подносом. МакНейр подошел к ней.

— Извини, Нарцисса, я захвачу это с собой. Надо идти. Дела.

Он взял чашку с подноса и, подмигнув отцу Драко: «Увидимся завтра, Люций», — телепортировался.

Драко сидел в темной библиотеке, закрыв руками лицо и поставив локти на книгу «Самые Сильные Снадобья». Воистину, дурная шутка: именно из-за Многосущного Зелья он и попал в эту передрыгу.

Он перебирал в уме возможности, но все они казались нереальными. Он мог послать сову отцу, объяснив, что случилось — но в этом случае Люций Малфой поймет, что мальчик в его доме — это Гарри Поттер, и убьет его. Он мог совершить возвращающее заклинание, которое вернет Гарри в его тело, — Люций увидит Гарри и все равно его убьет. Он сам мог поехать в Имение Малфоев и попытаться вытащить Гарри, что было бы храбрым и эффектным поступком, но если его отец поймает его, то подумает, что Драко — это Гарри и он умрет от руки собственного отца. Ему не приходило в голову пойти со своими проблемами к Дамблдору. Он ведь все еще был Малфоем.

Дверь библиотеки открылась и вошла девушка. Она подняла волшебную палочку, произнесла «Иллюмос», и комната озарилась мягким светом. Драко поднял голову — это была Чоу Чанг.

— Я так и думала, что найду тебя здесь, — удовлетворенно сказала она.

— А я думал, что отвязался от тебя там, на поле.

Чоу улыбнулась, казалось, слова Драко совсем не оскорбили ее.

— Это было до того, как я поняла, что ты прикидываешься недотрогой.

— Значит ты хочешь, чтоб я еще раз обидел тебя? Весьма по-женски.

— Я почувствовала себя виноватой, — объяснила Чоу, — я так вела себя с тобой... Сказала, что ты слишком мал для меня и что ты вечно растрепанный... По отношению к тебе это было несправедливо.

— Да, ты была плохой девочкой, — согласился Драко. — Тебе стоит пойти и подумать, что именно ты делала не так. Сколько бы времени это ни заняло.

Чоу подошла ближе и облокотилась на стол, проведя кончиком палочки по его руке.

— Я знаю, что ты так не думаешь, Гарри. Ты говоришь так, только потому, что обиделся на меня — я понимаю...

Драко с отвращением взмахнул руками.

— Ты только посмотри на себя. Я поспорить могу, Гарри бегал за тобой годами, нося твои книжки,

посылая цветы... А ты игнорировала его — и все тут. Как только он послал все подальше и начал вести себя, как подонок, ты не хочешь оставить его в покое!

Чоу не верила своим ушам.

— Ты понимаешь, что говоришь о себе в третьем лице? — спросила она.

— Гм...

— Простите, — произнес голос рядом. Драко вскинул глаза. Кто-то еще был в библиотеке. — Я надеюсь, что не прервала вас, но...

Это была Гермиона.

— Ты? — удивилась Чоу. — Уходи.

— Нет! — быстро сказал Драко. — Ты ничего не прервала, — он встал с такой поспешностью, что сбил на пол несколько книг. — Гермиона...

Чоу посмотрела на него, на Гермиону, потом опять на него.

— Это она, — яростно вскрикнула она. — Вот почему ты меня бросил! Я поверить не могу, что ты сделал это из-за этой... этой магглской девчонки с кроличьими зубами!

— У меня не кроличьи зубы! — огрызнулась Гермиона, зубы которой стали нормальными еще с четвертого года в Хогвартсе.

— И она не Маггла! — крикнул Драко. — И я не бросал тебя — мы никогда не встречались! Уходи!

Чоу зло смотрела на него.

— Это все потому, что ты великолепный Гарри Поттер и у тебя нет времени любить меня?

— Нет, — ответил Драко. — Потому что ты здорово меня раздражаешь.

Чоу схватила свою палочку и вылетела из библиотеки, захлопнув за собой дверь.

Драко повернулся к Гермионе.

— Я ей очень, очень нравлюсь, — сказал он. — Не знаю, в чем дело.

Гермиона молча подошла к нему, скрестила руки на груди и внимательно на него посмотрела.

На Драко никогда так не смотрели. Так, как будто она могла видеть его насквозь.

— Гермиона, пожалуйста, — взвыл он, прежде чем сумел остановить себя. — Мне очень жаль, что я сказал все это.

— Нет, — начала Гермиона.

Драко перебил ее:

— Слушай, я сказал, что сожалею, что еще...

— Нет, — резко повторила Гермиона, нетерпеливо взмахнув палочкой, — я не имею в виду, что тебе не жаль. Я имею в виду, что ты не — не он.

— Не кто?

— Не Гарри, — сказала Гермиона. — Ты не Гарри Поттер.

Драко смотрел на нее. Внезапно он почувствовал себя таким усталым.

— Конечно я не он, я — Драко Малфой.

Глава 4. Заклинание Истины – Веритас

Минуту они просто смотрели друг на друга. Вдруг Гермиона кинулась на Драко, совершенно не готового к такому натиску и потому рухнувшего навзничь.

Она налетела на него и начала колотить обеими руками.

— Где Гарри? — кричала она. — Что ты с ним сделал? Где ты его держишь? Ты не мог убить его, он нужен тебе, чтобы готовить Многосущное зелье...

— Гермиона, — Драко не делал не малейшей попытки защититься от ударов. — Я клянусь тебе, я ничего ему не сделал...

— Врешь! — она схватила его за воротник и стукнула головой об каменный пол, отчего у Драко из глаз искры посыпались, потом вытащила палочку и нацелила ее ему в сердце. — Если ты что-то сделал Гарри... если ты отрезал его пальцы, чтобы приготовить зелье...

— Слушай, — Драко пытался успокоиться, — ничего я не сделал твоему дружку, ни волоска не тронул. Хотя стрижка ему бы не помешала. И я не готовил Многосущное зелье. Это то зелье, которое Снейп дал нам в классе, просто оно не прекратило действовать.

Гермиону трясло, но палочку она не опускала.

— И ты думаешь, что я поверю в это?

Драко посмотрел на нее.

— Мой отец научил меня Черной Магии...

— Не меняй тему, Малфой.

— Наложил на меня заклинание истины, — сказал он. — Я покажу тебе как.

— Это сложная Черная Магия, — побледнела Гермиона. — Ее использование контролируется Министерством...

— Хорошо, — Драко поднялся, схватил ее за руку и направил палочку себе в сердце.

— Веритас, — произнес он.

Сноп черного света вырвался из палочки и ударил Драко в грудь. Он видел, как отец подвергал этому заклинанию множество людей, но никогда не представлял, что они чувствуют. Теперь он знал это, и знал, почему это заклинание относилось к Черной Магии, — будто два огромных крюка вонзились в его грудь и раздирали ее изнутри, обнажая его сердце.

— Спрашивай быстро, — сквозь зубы проговорил он. — Больно.

Гермиона ошеломленно смотрела на него, собираясь с мыслями.

— Гарри... С Гарри все в порядке?

— Да. — Голос Драко звучал странно и как-то прозрачно, он сам его не узнавал.

Она моргнула.

— Как получилось, что у тебя его внешность?

— Мы выпили зелье на уроке Снейпа, и не превратились обратно. Гарри думал, что я что-то сделал с зельем, но это не так... Он мне не поверил — ударил меня — я дал сдачи, он стукнулся об стену. А потом я понял, что все думают, что я — Гарри. Пришлось притворяться.

— Почему?

— Я хотел посмотреть, как это будет, — сказал Драко. — Сначала я думал, что смогу получить все его преимущества, узнать его секреты, а потом использовать их против него. Но все вышло не так, — он вздохнул. Казалось, каждое слово выдирали из него клещами. — Как будто часть Гарри перешла ко мне. Я начал действовать, как он, и не мог ничего поделать. Я спас жабу Невилла, защитил тебя от Бладжера. Теперь я вижу и испытываю совершенно другие чувства, каких не чувствовал никогда.

— Например, жалость? — Гермиона хмурилась.

— Да, — ответил Драко.

— Где Гарри?

— Когда я сказал, что отец Драко Малфоя забрал сына домой, это была правда. Только вместо меня он забрал Гарри.

Поняв, что на самом деле произошло, Гермиона содрогнулась, но палочку все равно не опустила.

— Почему ты думаешь, что с ним все в порядке?

— Я чувствую, — сказал Драко. Он слушал свой голос и сам удивлялся. — Я не понимал этого раньше, только сейчас... Это как шрам Гарри. Он и Волдеморт связаны неудавшимся проклятьем;

теперь я связан с Гарри действием зелья. Я почувствовал, когда он покинул замок, вот почему я убежал с ужина. Я понял, когда он очнулся.

— Что ты собирался делать? — спросила она. — Продолжать быть Гарри? Кто-нибудь бы тебя разоблачил, как я. У тебя был план?

— Нет, не было. Я пытался придумать, как добраться до Гарри.

— Какое тебе дело до Гарри? Какое тебе дело, если он умрет?

— Слушай, я же сказал, — Драко выговаривал слова с трудом. — Во мне есть часть Гарри. Она заставляет меня делать вещи, которые я никогда бы не стал делать сам. Сейчас, например, она борется за самосохранение. Похоже, у Гарри, действительно сильная воля... Голос в моей голове продолжает повторять — найди Гарри, найди Гарри.

Он усмехнулся, эта усмешка была призраком его старой и гадкой.

— Потому что, если бы это был просто я, я бы, скорее всего, позволил ему умереть.

Гермиона не купилась на это и продолжала смотреть на него:

— Почему ты меня поцеловал?

— Не спрашивай, — Драко закрыл глаза, но никакого толку — все равно пришлось ответить. — Ты... Ты мне нравишься. Мне хочется стать лучше, когда ты рядом.

Он открыл глаза и поднял их на Гермиону. Несколько секунд они смотрели друг на друга в изумлении. Потом по лицу Гермионы промелькнула хитрая ухмылка.

— Малфой, ты когда-нибудь занимался сексом?

— Нет, — сказал он и заорал, — Гермиона, СНИМИ ТЫ ЭТО ЧЕРТОВО ЗАКЛЯТИЕ, СЕЙЧАС ЖЕ!

— Хорошо, хорошо, — хихикнула она. — Заклихваем!

Боль и чувство, будто тебя раздирают, исчезли. Драко втянул воздух, он чувствовал, словно только что пробежал марафон.

— Гермиона, — сказал он не без некоторого восхищения, — это было жестоко!

— Мне жаль, — без всякого раскаяния ответила она. — Я поспорила с Роном. Ты заслужил это, поцеловав меня и заставив думать, что ты Гарри.

Она встала и к его удивлению, протянув ему руку, помогла подняться с пола.

— Нам лучше уйти. В замке везде сенсоры, которые улавливают Черную Магию, учителя уже наверно бегут сюда.

— Ах да, — он встал, — это было в «Истории Хогвартса».

Гермиона остановилась и уставилась на него:

— Ты читал «Историю Хогвартса»?

— Да, — ответил он. — А что?

— Ничего... Пойдем.

После ухода МакНейра Люций тоже исчез, сказав Гарри и Нарциссе, что у него дела. Гарри не хотелось болтаться тут и вести дурацкие разговоры с матерью Малфоя — он решил обследовать имение. Может, сможет найти проход к подземелью? Сириус будет здесь завтра... Гарри решил подготовиться.

Сначала он вышел во двор и пошел вокруг имения, пытаясь определить его форму и размеры. Зря он это сделал: сначала было довольно интересно, хотя и жутковато. Огромное имение казалось вырубленным из цельного куска гранита. Гарри обнаружил сад камней, конюшню (пустую), ужасно унылую террасу и гигантский лабиринт, куда Гарри не пошёл (он не очень любил лабиринты с четвертого года в школе). За лабиринтом он нашел маленький садик с кустами подстриженными в форме животных. Волшебных существ, поправил он себя: там были гиппогриф, феникс, единорог, тролль с топором, дракон и еще несколько отвратительного вида существ, которых Гарри не узнал.

Рассеянно он вытянул руку и ткнул пальцем куст в виде тролля, кажущийся таким натуральным...

Когда тролль повернулся и вцепился в его палец зубами, Гарри заорал и пригнулся — как раз вовремя, чтобы избежать топора, может, и сделанного из листьев и веток, но ударившегося об землю с весьма настоящим звуком. Гарри выхватил из рукава палочку и направил на тролля.

— Оглушить, — крикнул он, и тролль замер в движении.

Вскочив на ноги, Гарри побежал прочь из сада. Он гордился своими проклятьями, но не знал,

насколько Ошеломляющее заклятие применимо к кустарнику.

Из раны от укуса тролля кровь текла ручьем, когда он вбежал в дом, его рукав весь намок. Проходившая через переднюю Нарцисса вскрикнула.

— Драко! Что случилось? — она повернула его руку, чтоб осмотреть. Несколько листочков пристали к ране и выглядели, как сжатые зубы.

— Драко, ты же прекрасно знаешь, что нельзя ходить в сад с фигурными деревьями! Твой отец так разозлится, если... если... — она замолчала и, несмотря на все его протесты, втащила в кухню, где забинтовала его руку, смазав ее сперва чем-то фиолетовым, что жгло и щипало.

— Тебе придется вечером надеть перчатки, Драко, — сказала она. — Если твой отец...

— Вечером? — встревоженно переспросил Гарри, сразу забыв про руку. — Что вечером?

Закончив бинтовать, Нарцисса выпрямилась и с удивлением поглядела на него.

— Ты же знаешь, что по субботам у нас гости. Коллеги твоего отца скоро будут здесь.

— Ээ, да, — сказал Гарри. — Я забыл.

Он не мог не представить обед у Десли с коллегами дяди Вернона, однако подозревал, что большой обед с Пожирателями Смерти будет совсем иным.

— Должен ли я переодеться? — не подумав, спросил он.

— Драко! — Нарцисса смотрела ему прямо в глаза. — Ты знаешь, что должен одеть фамильную парадную мантию Малфоев.

— Точно, — сказал Гарри, но Нарцисса все равно поглядывала на него с подозрением, и он почувствовал, самое время уходить. — Я, пожалуй, начну одеваться, — сказал он, пятась к двери. — Ты же знаешь эти нарядные мантии... столько застежек... — Нарцисса смотрела на него так, как будто он отрастил вторую голову. Гарри выскочил из кухни и припустил по коридору в сторону комнаты Драко.

Велев Драко подождать в гостиной Гриффиндора, потому что «я лучше тебя знаю, где Гарри держит свои вещи», Гермиона взлетела по лестнице и ворвалась в спальню мальчиков. Раньше она поступала так только в экстренных случаях и еще в Рождественское утро. Дин Томас, уже почти одевший пижаму, завопил и плюхнулся за кровать.

— Ты что делаешь, Гермиона? — прошипел он, высовывая голову из-за спинки. — Ты могла что-то... увидеть.

— Дин, клянусь, я ничего не видела, — сказал Гермиона. — Я просто забежала взять кое-какие вещи Гарри. Дай мне пять минут и можешь и дальше наслаждаться тишиной голым.

Она открыла сундук Гарри, нашла Плащ-невидимку Джеймса, Карту Грабителя и пару свитеров, на случай если похолодает. Оглядевшись в поисках мешка и увидев под кроватью школьную сумку Гарри, медленно потянула ее к себе.

Эту сумку она подарила Гарри в прошлом году. Сумка была совсем обычной, но Гермиона наложила на нее всяческие заклятия: чтоб она не рвалась, чтобы Гарри мог ее запереть, чтобы мог найти, если забыл где-нибудь — это случалось довольно часто. Еще она вышила на ней надпись — не волшебным способом, а сама, своими руками — «**ГАРРИ ПОТТЕР ЛОВЕЦ ГРИФФИНДОРА**».

Сумка напомнила ей о Гарри так явственно, что она всхлипнула. До этого она все делала на автопилоте, не думая о Гарри, иначе у нее просто опустились бы руки...

— Гермиона... — Дин на цыпочках пробежал к ней через комнату, встревоженный ее слезами. Гермиона редко плакала. — Не плачь...

— Спасибо, Дин, — Гермиона подняла руку, чтобы остановить его. — Спасибо. Ты бы мог надеть штаны, но все равно — спасибо!

Настроение Гермионы не поднялось и тогда, когда она вернулась в гостиную и увидела Драко, сидящим в одном из кресел и, по всей видимости, спящим. Она подошла к нему.

— Просыпайся!

Он открыл свои зеленые глаза и посмотрел на нее.

— Я не спал.

— Отлично, — сказала Гермиона, чувствуя себя по-идиотски. — Я иду за Гарри, — продолжала она. — Я подумала о том, чтобы взять Всполох, но я уверена, что ты не сможешь летать на нем так же хорошо за пределами Хогвартса. Так что я иду в Хогсмид. Там есть поезд в полночь до Кинг Кросса...

Драко уже был на ногах.

— Я не пущу тебя одну, — спокойно, но твердо сказал он. — Ты никогда не найдешь Имение Малфоев, оно ненаходимое, как Хогвартс. И даже если ты его случайно найдешь, то там только на одних воротах семнадцать проклятий; и каждое требует специального разоружающего заклинания...

— Малфой, — перебила его Гермиона, — я и не думала идти без тебя, так что можешь заткнуться. Вообще-то я собиралась угрожать тебе заклятием Истины, если ты не захочешь помочь мне попасть в твой кошмарный дом.

Теперь Драко почувствовал себя дураком.

— Ты не можешь просто так совершить заклинание Истины, — огрызнулся он. — Черная магия — не просто слова, это сложнее.

— Я бы не очень выпендривалась на твоём месте, если бы знала Черную Магию.

Гермиона повесила сумку Гарри на плечо и быстро пошла к выходу из гостиной. Драко поспешил за ней. Его бесило, что последнее слово всегда остается за ней.

Гарри сидел на краешке кровати Малфоя и тер глаза. Он уснул и ему снился странный сон, будто он бежит по темной дороге с Гермионой. Сон был очень реальным, казалось, что он действительно был там, рядом с ней, и когда он проснулся, тоска по Гермионе была просто невыносимой.

Конечно, сказал он себе, он скучал по всему в Хогвартсе, не только по Гермионе.

Гарри заставил себя встать и подойти к шкафу, где начал искать «Фамильную парадную мантию Малфоев». Это было трудно — оказалось, что у Драко много одежды: от длинных бархатных плащей всех цветов радуги до жутко дорогих на вид льняных рубашек от Дольче и Габбана. Должно быть, его родители тратят огромные деньги на это, обалдело думал Гарри. Одна коллекция модных очков от солнца стоила, наверно, больше шестисот фунтов. И они не были принадлежностью волшебников, однако, видимо, ненависть Малфоев ко всему Магглскому не распространялась на одежду от Армани.

— Драко!

Гарри подпрыгнул. Голос Нарциссы раздавался откуда-то сверху.

— Ты готов? Друзья твоего отца уже прибыли!

— Оп... — сказал Гарри. — Я не могу найти парадную мантию!

— Ну тогда оденься в черное! — резко ответила она.

— Ладно! — прокричал он, а затем подумал, надо ему кричать или она и так прекрасно его слышит? Чувствуя себя жутким идиотом, он подошел к шкафу и уже собирался достать пару черных брюк, когда голос Нарциссы вновь раздался над головой:

— И Драко, никакой магглской одежды!

— Черт, — тихо пробормотал Гарри, надеясь, что Нарцисса его не услышит.

— Я pošлю Антона помочь тебе, — сообщила она.

Раздался громкий хлопок, как будто повернули выключатель. Гарри полагал, что она прервала заклятие, которое позволяло говорить с ним на расстоянии. Интересно, кто такой Антон? Был ли он родственником Малфоя? Тихо ругаясь, он выбрал пару черных атласных брюк (редактор: интересно, бывают атласные брюки?), длинную черную рубашку, пару высоких черных ботинок из шкафа Драко и надел все это. Эти вещи выглядели наиболее волшебными из всех, но Гарри чувствовал себя глупо.

В дверь постучали, и Гарри, полный дурных предчувствий, открыл ее. Там стоял высокий мужчина в форме дворецкого и держал в руках черную с серебром бархатную мантию. Мужчина был прозрачным.

О, подумал Гарри, слуга-привидение. Круто.

Гарри уже привык к привидениям.

— Ваша мать велела принести Вам это, — сказал Антон-привидение, подавая мальчику мантию.

Она была длинной и дорогой на вид, с большой серебряной застежкой у воротника в виде змеи. Гарри подумал, что будет счастлив, если больше никогда в жизни не увидит ни одной вещи в виде змеи. — Вы забыли ее в кабинете в прошлый раз.

Гарри перестал надевать мантию. Эта фраза будто зажгла огонек в его голове. Кабинет. В этом что-то было, что-то очень важное. Но что?

— Я думаю, вам будет удобнее застегивать мантию перед зеркалом, мастер Малфой, — сказала привидение, — это трудно.

Если он и находил борьбу Гарри с застежкой странной, то не выказывал этого.

Гарри подошел к зеркалу, все еще раздумывая над гостиней Малфоев, и у него вырвался возглас отвращения. Если бы Гарри был девушкой, он считал бы себя очень привлекательным: серебристые волосы Драко красиво контрастировали с черной мантией, вышивка серебром удачно оттеняла глаза. Но Гарри не был девушкой и думал, что выглядит как трансвестит. Оборки! Атлас! Бе-е!

Они сидели на станции в Хогсמיד, ждали поезда, когда Драко вдруг засмеялся. Гермиона повернулась к нему и нахмурилась:

— Что смешного?

— Гарри, — ответил он. — Он надел мою одежду и ему она явно не нравится... Эй! — добавил он, — а мне нравится эта рубашка и совсем она не женская!

Гермиона пялилась на него.

— Малфой, перестань подслушивать мысли Гарри, — сказала она, — меня это жутко нервирует, — она подергала ремень сумки. — А он может видеть, что ты делаешь? — в конце концов спросила она.

— Немного... но он думает, что это сны.

— Почему?

— У Гарри воля сильнее, чем у меня, — спокойно сказал Драко. — Его легче чувствовать.

— А он... — Гермиона вцепилась в ремень сумки, — он думает обо мне?

Драко посмотрел на нее. Выражение его глаз невозможно было угадать:

— Иногда.

Она было открыла рот, но в этот момент подошел ярко-красный поезд с большими буквами на боку **ХОГСМИД-ЛОНДОН**.

Гермиона и Драко вошли в поезд, став единственными пассажирами в купе.

— Гермиона, — начал Драко, как только они уселись. — Как ты узнала, что я не Гарри?

Гермиона кусала губу. Почему он спросил об этом сейчас? У нее не было внятного ответа; было бы глупо сказать, что он не так пах, когда поцеловал ее, — не так, как Гарри. Она всмотрелась в его лицо, но оно было непроницаемым. Может, вот это?... — подумала она.

— Я всегда знаю, что Гарри думает. Он никогда не скрывал своих чувств. Но когда я смотрю на тебя, то я вижу его лицо, а самого Гарри нет. Я не могу даже предположить, что у тебя на уме.

Драко молча смотрел в окно. Они уже проехали густые леса рядом с Хогсמיד и теперь за окном летели поля с темными точками ферм. Вставала огромная белая луна.

— Хочешь знать о чем я думаю? — спросил он, наконец.

— Нет, я думаю, это не очень приятно.

Гермиона тут же пожалела, что сказала это, но теперь не знала, как взять эти слова назад. Купе погрузилось в молчание.

Гарри и представить не мог, что большое собрание Пожирателей Смерти может быть таким скучным. Это были очень хмурые люди даже без их кошмарных масок.

Люций Малфой сидел во главе стола; некоторые имена были знакомы Гарри: там были Крабб и Гойл, такие же большие и противные, как их отпрыски; еще Нотт, Забини, Розье и Франц Паркинсон.

Гарри немного надеялся, что они будут говорить о Сириусе, но ему не повезло. Видимо, только МакНейр и отец Драко знали об этом плане. И Червехвост, конечно. И, похоже, они не хотели делиться славой с остальными.

Гарри сидел, втиснутый между Хьюго Забини (братом того Забини, что послал Гарри взрывающуюся метлу) и Элефтерией Парпис (единственная женщина среди Пожирателей Смерти), огромной женщиной в черном атласе, весьма симпатизировавшей Люцию Малфою. Она смеялась над всем, что он говорил, и постоянно наваливалась на стол, чтобы продемонстрировать свою обширную грудь. Нарцисса, занятая тем, что носила подносы с кухни и обратно, ничего не замечала.

Забини же очень нравилось расспрашивать Гарри о Хогвартсе и о веселье, которое там царит. Гарри, для которого даже мысль о веселье сейчас казалось далекой и призрачной, продолжал изобретать способы повеселиться для Драко и Слитеринцев.

— Ну, мы много учимся, — говорил он, — и мы играем с пыточными инструментами в подземелье, и кто-то дал нам яйцо Василиска, и мы пытаемся его вывести.

— Это разумно? — спросил Розье, высокий человек с очень тонкими бровями.

Гарри, ошеломленный тем фактом, что его действительно кто-то слушает, пробормотал:

— Ну, МакНейр сказал, что убьет его, если он вырастет слишком большой.

— Я, например, — сказала Элефтерия, — люблю, чтобы дети учились для себя. Вот почему я послала сыновей в Дурмштранг, где они уже на пятом уровне по Темной Магии.

— Правда, что в Дурмштранге приковывают цепями учеников к леднику, если они получают мало СОВ? — спросил Гарри с любопытством.

— Не на ночь, — размахивая вилкой, ответила Элефтерия.

Забини повернулся к Гарри:

— Северус Снейп еще возглавляет Слитерин?

— Да, — сказал Гарри.

Люций Малфой внезапно повернулся и плюнул на пол.

— Драко, — сказал он сквозь зубы, — очень дружен с Северусом, несмотря на то, что тот предал нас. Я говорил сыну, что это неподобающе для него, но он не слушает.

Гарри уставился в тарелку.

— Северус получит по заслугам, Люций, — сказал Розье голосом, от которого у Гарри застыла в жилах кровь. — Когда мы запустим наш план.

Гарри и представить себе не мог, что от того, что что-то плохое должно случиться со Снейпом ему будет дурно — но он именно так себя и чувствовал.

— Отец, — вырвалось у него, прежде чем он успел подумать. — Я не очень хорошо себя чувствую. Могу я пойти к себе?

Это было ошибкой, Люций бросил на него взгляд, полный ледяной ярости, однако его голос был ровным:

— Конечно, Драко.

Гарри отставил стул и пошел к выходу. Когда он проходил мимо Люция, тот схватил его за руку.

— После ужина я хочу видеть тебя в кабинете, Драко, — сказал он. — Не опаздывай.

— Хорошо, — механически ответил Гарри и, высвободившись, заторопился из зала.

Выйдя, он прислонился к стене и взялся за голову. Слова Люция Малфоя прозвучали как гром — он вспомнил, как четыре года назад Малфой говорил, что именно под кабинетом его отец прятал предметы Темной Магии. Тогда Гарри подумал, что, может у них там секретная комната. Сейчас же он сообразил, что там находится вход в подвал, а может, и в подземелье. Шанс был ничтожный, но расследовать все равно стоило.

— Антон, — позвал он. — Антон.

Перед ним появилось привидение, с чайным полотенцем в руке и с удивлением на лице.

— Антон, — шепотом сказал Гарри. — Как мне попасть в кабинет? Я забыл.

Как Гарри и ожидал, привидение не удивилось.

— Следуйте за мной, мастер Малфой, — и он поплыл вниз по коридору, приведя Гарри в большую комнату с мягкими бархатными креслами, где над камином висел портрет высокой женщины с ожерельем из рубинов, а на полу лежал персидский ковер.

— Спасибо, Антон.

Привидение исчезло.

Гарри встал на колени и отогнул ковер. Под ним обнаружилась крышка люка с железной круглой ручкой. Гарри схватился за ручку и дернул.

Крышка легко поднялась. Гарри успел увидеть исчезающие в темноте ступени прежде чем раздался вопль, от которого раскалывалась голова.

— Мастер Люций! Мастер Люций! — Это верещала женщина на портрете, ее рот был открыт. — ЛЮК ОТКРЫТ! МАСТЕР ЛЮЦИЙ! КАБИНЕТ!

Гарри уронил крышку люка, но даже зажав уши руками, все равно слышал крики: «МАСТЕР ЛЮЦИЙ! БЫСТРЕЕ!»

В поезде Драко открыл глаза.

— О, нет... — сказал он. — Гарри, придурок, что ты наделал?

Глава 5. Встреча выпускников

Сквозь вой портрета Гарри слышал топот бегущих ног в коридоре. Он огляделся. Из комнаты был только один выход и вел он прямо в коридор. Если бы он только умел телепортироваться!

Камин, сказал голос прямо ему в ухо. Гарри бешено завертелся; никого не было, но ему было все равно. Он кинулся к камину, и только-только успел залезть в него, как дверь в кабинет открылась. Гарри увидел приступку на уровне груди в трубе; он залез на нее и, дрожа, затаился.

Сквозь трещину он видел Люция Малфоя, за ним следовали Пожиратели Смерти и Нарцисса. Малфой выглядел злее, чем когда-либо, чем Гарри вообще мог его представить.

Шаря глазами по углам, он увидел сбитый ковер и люк, его взгляд упал на портрет.

— Мона, — спросил он. — Кто это сделал? Кто пытался влезть туда?

Гарри передернуло.

— Мальчик, — сказала женщина на портрете, — незнакомый мне мальчик.

— Не Драко? — выражение лица Нарциссы было таким же злым, как у мужа, но ее взгляд бегал по комнате, придавая ей странный, почти шизофренический вид.

Гарри вытаращил глаза.

— В нем не было крови Малфоев, — ответил портрет.

— Он вошел в подземелье? — спросил Люций.

— Нет, — сказал портрет. — Он убежал, когда я закричала.

— И куда же?

Повисла пауза, затем портрет сказал:

— Я ведь не вижу, я только чувствую. Я не знаю, куда он пошел...

— Значит, ты плохо исполняешь обязанности охранника, — холодно произнес Люций и поднял палочку. — Пламенио!

Женщина на портрете вскрикнула, зеленое пламя коснулось ее, на пол просыпалась горка пепла.

— Люций... — начала Нарцисса, но Люций повернулся и посмотрел на нее. Ее выражение не изменилось, но она вышла из комнаты.

Один из Пожирателей Смерти произнес:

— Ой, посмотрите, сколько времени. Люций, спасибо за чудесный вечер, привет Нарциссе, — и телепортировался.

Другие Пожиратели тоже начали исчезать, пока Люций не остался один на один с Элефтерией Парпис.

— Ну-ну, Люций, — сказала она мягко, — по-моему, все это устроил портрет. Они иногда делают такие вещи, когда чувствуют себя заброшенными. Я уверена, что в доме нет чужих.

Кажется, Люция это не убедило; он все еще смотрел на крышку люка.

— Но в любом случае, — добавила Элефтерия, — сейчас-то мы одни.

Она бочком подошла Люцию, который, к удивлению Гарри, обнял ее и поцеловал в шею. Затем Гарри провел самые отвратительные десять минут своей жизни, пока Люций и Элефтерия страстно обнимались. Он зажмурил глаза, но все равно слышал их; уши он заткнуть не мог — ему же надо было чем-то держаться.

— Мастер Малфой, — кто-то тихо шепнул ему в ухо.

Гарри открыл глаза и увидел Антона, парящего рядом со спокойным видом. Похоже, его совсем не удивило то, что наследник Имения Малфоев висит в трубе.

— Мастер Малфой, могу ли я предложить Вам влезть чуть выше по трубе? Если я не ошибаюсь, вы окажетесь в пустой спальне на втором этаже.

Гарри с благодарностью кивнул и полез. Через три минуты он вылез из камина на голый каменный пол, кашляя и отряхиваясь от золы.

Драко моргнул и увидел, что Гермiona смотрит на него с открытым ртом.

— Что случилось? — спросила она. — Ты сказал: «Гарри, ты придурок» и потом заорал «КАМИН!»

— Да? — Драко странно улыбался.

— Гарри упал в камин? — продолжала Гермiona. — И не улыбайся так, ты выглядишь, как

психически больной.

— Я не уверен, что именно произошло, — пояснил Драко, — Я же не вижу его глазами. У меня просто как вспышки, когда он что-то сильно чувствует.

— Не так, как смотришь кино?

— Я все равно бы не узнал, ведь я его никогда не видел.

Поезд начал тормозить, они подъезжали к Магглской станции. Из окна Гермиона увидела группу подростков на скамейке под неоновой вывеской, видимо, возвращавшихся домой с вечеринки — они смеялись и подшучивали друг над другом. Среди них был один мальчик — высокий, с растрепанными волосами и в очках. На самом деле он не был очень похож на Гарри, но Гермиона все равно почувствовала комок в горле.

— С ним все в порядке? — не глядя на Драко, поинтересовалась она.

— Если он вдруг умрет, я тебе сообщу, — ответил Малфой.

Выбравшись из спальни на втором этаже, Гарри принял душ — он вымазался в золе с головы до пят, надел пижаму Драко (с маленькими пожарными машинками) и вернулся в спальню, где его уже поджидали Люций и Нарцисса.

— Мальчик, — сказал Люций, как только Гарри вошел. — Где ты был?

— Душ принимал, отец, — Гарри был ужасно рад, что оставил в ванной вымазанное в золе полотенце.

— Подойди, — позвал Люций и Гарри неохотно пошел к нему. Как только он оказался на расстоянии вытянутой руки, Люций схватил его за предплечье и уставился в лицо. — Я не дурак, — угрожающе произнес он. — Ты ведешь себя очень странно, и я хотел бы знать причину. Пойти в сад с фигурами! — Гарри посмотрел на Нарциссу, та отвернулась. — Не знать о парадной мантии Малфоев! Просишь разрешения уйти с МОЕГО вечера! — кричал Люций. — И если бы я только думал, что ты имеешь отношение к происшествию после ужина...

— Твой отец пытается сказать, Драко, — Нарцисса перебирала пальцами складки на юбке, — что... Ты принимаешь наркотики?

У Гарри отвалилась челюсть.

— Ты можешь сказать нам, — добавила она. — Мы пришли, чтобы выслушать тебя.

Гарри перевел взгляд с Нарциссы, взгляд которой метался по комнате, на Люция, лицо, которого было так искажено яростью, что стало похоже на карнавальную маску.

— Нет, я не наркоман. Извините.

— Тогда... — Нарцисса неуверенно посмотрела на Люция.

— Твоя мать, — Люций улыбался не очень-то приятно, — беспокоится, что ты сходишь с ума, Драко. У нас в семье были сумасшедшие, так как у нас почти прямая линия от Урика Странного, но, признаться, я не думал, что это проявится у тебя. Хотя когда она упомянула...

— Я не чокнутый, — отрезал Гарри. — Я заработал большую шишку на голове не далее как вчера и все. Черт возьми! Я же не говорю сам с собой.

— Пока нет, — коротко сказал Люций. Он наклонился к уху Гарри и прошепел: — Иногда я спрашиваю себя, что я сделал не так, что меня прокляли таким сыном-идиотом вместо наследника, которого я должен был иметь.

Раздражение Гарри достигло предела.

— Да хватит! — рявкнул он. — Убийства, пытки, Темная магия!... А что ты сделал так? Тебе еще повезло, что у сына не три головы. Да у тебя худшая карма, какую я в жизни видел!

Люций внимательно смотрел на него. Нарцисса пискнула.

— Должно быть, ты правда чокнутый, если так со мной говоришь, — сказал Малфой. — Или же ты просто пытаешься показать свой темперамент... — он улыбнулся, показав острые зубы. — Я в восхищении. И не накажу тебя.

Нарцисса облегченно опустила плечи и отвернулась. Люций тотчас наклонился к Гарри и прошептал:

— Только попробуй переступить черту после этого, мальчик, и загремишь в Госпиталь Св. Мунго. Тебя посадят с Лонгботтомами, и ты проведешь остаток своей жизни, привязанным в кровати, с

пеной у рта.

Упоминание родителей Невилла привело Гарри в такое бешенство, что он мог забыть и дать Малфою-старшему в глаз, но в этот момент в дверь вошли два человека в плащах. Один из них был Ангус МакНейр. Второй — коротышка в темно-зеленом плаще с надвинутым на глаза капюшоном. Одна его рука была в перчатке, из другого рукава торчала рука из серебристого металла.

Червехвост.

— Извини, что прерываем, — МакНейр снял капюшон. — Антон сообщил, где вас найти.

— Так быстро вернулись? — удивился Люций.

— Да, — ответил Ангус, слегка нервничая. — Дорога из Корнуэлла заняла меньше времени, чем мы думали.

— А Сириус Блэк?

Пожалуйста, скажите, что он убежал, молился Гарри про себя.

— Здесь, — коротко сказал Червехвост. В последний раз Гарри слышал этот голос умоляющим Волдеморта излечить его отрезанную руку. Что Волдеморт и сделал: дал Червехвосту руку из сверкающего металла. И именно ей, словно волшебной палочкой, Червехвост указал на дверь.

— Сетиум! — прокричал он, и луч белого света вырвался из его руки, растя и расширяясь, превращаясь в сеть из серебряных шнуров, напоминающую паутину. Фрагменты сети разделились, и что-то пролетело сквозь них, тяжело шлепнувшись на пол. Это был Сириус.

Он был в своем зверином облике, в виде огромной черной собаки, лапы неподвижно торчали как палки; он лишь вращал глазами, переводя взгляд с Люция на Червехвоста.

— Очень впечатляет, Червехвост, — глядя на Сириуса произнес Малфой-старший.

— Мой господин дал мне руку великой силы, — с любовью посмотрел на свою железку Червехвост, небрежно махнул рукой, и Сириус беспомощно проехал по полу к Люцию. Нарцисса вскрикнула.

— Хватит, — отрезал Малфой.

— Преврати его обратно, — добавил МакНейр резко.

Червехвост щелкнул пальцами.

— Сапиенс, — прошипел он, собака дернулась, и на ее месте появился Сириус, одетый в лохмотья, с исцарапанными и изрезанными руками.

Он все еще не мог двигаться, но его глаза смотрели на Люция с ненавистью.

Гарри услышал вздох Нарциссы. Люций прошел и пнул Сириус в бок ногой. Гарри рванул было в перед, но запутался в штанине пижамы Драко и упал.

Он начал было подниматься, но замер: Нарцисса, к всеобщему удивлению, как подкошенная, рухнула на пол в глухом обмороке.

— Мы на месте, — Драко тронул Гермиону за плечо. Она подскочила и выглянула в окно — маленькая, освещенная фонарями станции. Деревянная вывеска гласила «Чиппинг Содбери».

Это было не совсем то, что она себе представляла. Ей виделось что-нибудь вроде огромного замка на горе посреди пустыни, в которой хищные звери бросаются на каждого, кто бежит недостаточно быстро. Но уж никак не маленький уютный городок с таким названием. Хотя по виду не судят.

— Пойдем, — позвал Драко. Они сошли с поезда на платформу и пошли налево в конец платформы.

— Эй, Малфой, — сказала Гермиона, — станция в другую сторону...

В это мгновение он повернул еще раз налево и прошел прямо через кирпичную стену.

— Черт, — Гермиона подбежала к стене. — Как он это сделал?

Из стены высунулась рука. Это был Драко. Он дернул девочку вперед, и она, пролетев сквозь стену, растянулась на земле по ту сторону.

— Ой, — ее сумка стукнула Драко по голове.

— Прости, — Гермиона поднялась и с интересом оглядывалась вокруг. Они стояли у подножия огромных кованых ворот, наверху которых было написано «Малфой парк».

— Я полагаю, мы больше не в Чиппинг Содбери?

— Конечно, нет, — Драко двинулся дальше. — Это Малфой парк — деревня у подножия холма, на котором стоит наш замок. Сюда можно попасть из Чиппинг Содбери, если знать как.

— Целая деревня названа в вашу честь? — ошеломленно спросила Гермиона.

— Да, удивительно, что я не выпендриваюсь, правда?

Гермиона уже собиралась сказать что-нибудь нехорошее в ответ на это, но поняла, что он шутит. Я уже совсем ничего не соображаю, одернула она себя.

Они вышли на широкую улицу с магазинами и пабами. Это был почти такой же маленький волшебный городок, как и Хогсмид, вся разница заключалась в том, что все либо имело в названии слово «МАЛФОЙ», либо относилось к Темной магии.

Это была Мрак Аллея в исполнении Люция Малфоя: Малфой-маркет, втиснутый между Заведением Зловещих Заклятий Злодейки Зары и пабом «Рождество на холоде», предлагавшим специальный Малфоевский Ланч (бутерброд с жареной летучей мышью).

— Наверно, они здесь вас очень любят, — Гермиона пыталась не засмеяться.

— Ха! — сказал Драко. — Они ненавидят мою семью. Мы всегда угнетали их, и мой отец иногда приходит сюда, делает какое-нибудь Темное заклинание, чтоб держать их в узде.

— И ты считаешь это нормально? — спросила она резко, но Драко потряс головой и прошептал:

— Ш-ш-ш... последнее, что нам нужно — это, чтоб нас заметили и настучали моему отцу, что Гарри Поттер шастает по деревне.

— Да уж, — сказала Гермиона, хотя пропустила его слова мимо ушей. Почему-то, когда он стоял так близко к ней и так шептал ей на ухо, у нее по спине бегали мурашки.

Драко отвернулся и пошел дальше по дороге из городка, Гермиона следовала за ним. Оба молчали; Драко, казалось, думал. Наконец на вершине холма он повернул направо, и они вышли с аллеи на открытое место. Гермиона не смогла удержаться от возгласа — имение Малфоев было именно таким, каким она себе его представляла.

Высокий заостренный наверху забор тянулся в обе стороны от них; прямо посередине были открытые ворота в форме больших букв «М». Верх каждой из колонн украшен статуями свернувшихся змей. Сквозь ворота нависала тень огромного, невероятно огромного замка.

Гермиона двинулась было вперед; не успела она сделать и пары шагов, как Драко схватил ее за руку.

— Нет, — резко сказал он, — Что я тебе говорил?

— Ах да! — она чувствовала себя глупой. — Семнадцать заклятий.

— Мой отец сам придумал одно, которое наложил на эти ворота, — гордо сказал Драко. — Оно называется «Ножовка»: если кто-то, кто не приглашен, попытается пройти — его распилит на кусочки.

— Похоже, твой отец затейник на всех вечеринках.

В ответ Драко вынул ручку из кармана и бросил ее сквозь ворота. Когда та долетела до ворот, Гермиона увидела вспышку зеленого света и услышала громкий хлопок. Через пару секунд ручка выкатилась обратно, разрезанная на две половинки.

— Значит, получилась такая головоломка «Ножовка» из двух кусочков, — с иронией произнесла Гермиона.

— Это не смешно, — серьезно сказал он и вынул палочку. Направил ее на ворота и произнес «Раптус Регалитер». Свет полыхнул голубым, Драко прошел через ворота. Взяв себя в руки, Гермиона последовала за ним.

Теперь они были уже на территории Имения Малфоев, вокруг было темно, вдалеке маячили огни замка.

— Мы можем избежать многих проклятий, просто обходя их, — сообщил ей Драко. — Давай-ка, возьми меня за руку.

Она послушалась.

Какое-то время они шли вдоль ограды, затем Драко свернул на узкую тропку, петлявшую между деревьями. Иногда они слышали жуткий треск и странные звуки из кустарника. Гермиона даже думать не хотела о том, какие твари там могут быть, она полностью сосредоточилась на том, чтоб производить как можно меньше шума.

Рядом с замком кустарник закончился и перед ним зазмеилась узкая белая дорожка, ведущая к

стене замка, а затем вдоль нее. Высокая черная башня со светлыми пятнами окон вздымалась над их головами, Драко показал на ряд окон:

— Это моя спальня.

— Гарри там? — взволнованно спросила она.

Драко кивнул.

Это была ошибка, так как Гермиона тотчас же бросилась по дорожке. Он рванулся за ней, вытянул руку, но схватил лишь пустоту. Открылась маленькая металлическая дверка внизу башни — он знал, что будет дальше, он сам ставил туда эту ловушку. Выругавшись, он подбежал к Гермионе и оттолкнул ее в сторону.

Что-то засвистело, глухо ударило, и Драко упал на траву рядом с ней. Встав на колени, она огляделась; рядом никого не было кроме Драко, сидевшего на земле и с удивлением смотрящего на ногу. Серебряная стрела дюйма четыре длиной торчала из его бедра. Джинсы потемнели от крови.

— Черт, — сказал Драко и добавил еще пару слов, куда более грубых.

Гермиона не винила его за это, крови было много и рана, видимо, была очень болезненная.

Она положила руку на стрелу — та была странно холодной. Гермиона почувствовала, как непрошеные слезы каплют из глаз.

— Это все моя вина, — бормотала она, — и перебинтовать нечем... хотя я могу оторвать кусок от сумки Гарри... Драко, может тебе снять штаны?

Драко очумело уставился на нее.

— Не то, чтобы я очень возражал, Гермиона, — заметил он. — Я имею в виду, когда-нибудь потом — обязательно, но сейчас почему бы тебе не подумать минутку! — последние слова он прошипел. — Кто самая умная ведьма в нашем классе? У кого Продвинутые уроки Первой помощи? Кто может вылечить мою ногу за пять секунд?

— Да, конечно. Извини! — она вытащила палочку, направила ее на рану и тихо произнесла «Заростию».

Он расслабился, когда от раны не осталось и следа, стрела, вся крови и еще в какой-то липкой жидкости, упала на землю. Гермиона швырнула ее в кусты.

— Спасибо, — сказал Драко, ощупывая ногу. — Вроде все нормально.

— Как ты? — она обеспокоенно смотрела на него.

— Определенно жить можно, — ответил он, беря ее за руку, чтобы встать. — Теперь у меня будет классный шрам, чтоб показывать внукам.

— Шесть дюймов левее, и о внуках не было бы и речи, — сказала Гермиона. — Действительно есть чему радоваться.

Гарри и правда был в спальне Драко; но, честно говоря, у него не было выбора: он был привязан к кровати.

Удача, что Нарцисса упала в обморок, так что Люций расценил попытки Гарри добраться до Сириуса как желание помочь матери. Иначе он был бы в куда большем бешенстве, чем, помешав потерявшему голову Гарри проскочить мимо и получив от него в глаз. В ярости Люций наложил на Гарри Связывающее заклятие, привязав его к кровати. Затем Люций наколдовал носилки для Нарциссы и, выходя с ней из комнаты, рявкнул МакНейру и Червехвосту, чтоб они заперли Сириуса в подземелье.

Гарри пытался сбросить Связывающее заклятие уже несколько часов, но все, чего он добился, — снял верх от пижамы. Теперь ему было очень холодно и неудобно, но он представлял, что делают с Сириусом в подземелье.

— Ему, наверное, еще хуже, — решил Гарри.

И тут разбилось окно.

После небольшого совещания, чтоб добраться до окна спальни, Драко и Гермиона решили использовать Поднимающие заклятия. Драко пойдет первым — Гермиона выполнит заклинание; если все получится, то он поднимет ее.

— Хорошо, — сказала Гермиона, — давай. Вингардиум Левиоза, — И она направила палочку на Драко. Он почувствовал, как поднимается в воздух, слегка вращаясь.

Гермиона наблюдала за ним, он поднял большие пальцы вверх, она показала жестом, что он должен поднять ее тоже — Драко достал палочку, направил на нее и прошептал заклинание.

Он был не так хорош в этом деле, как Гермиона и, вместо того, чтобы медленно подняться в воздух, она взвилась, как ракета, и врезалась в Драко. Ему было не за что схватиться, и они вместе врезались в стену замка. Гермиона в ужасе обхватила его за шею.

— Перестань, — прошипела она.

Драко только покачал головой; он пытался направить на нее палочку. Заклинание все еще направляло Гермиону вверх; даже ее волосы торчали кверху, когда она обнимала его (ни одна девочка еще не обнимала его так, но сейчас не было времени получать удовольствие).

— Левиоза! — прокричал он, абсолютно потеряв голову, и они начали падать, потом снова взлетели и помчались к Имению со скоростью выпущенного снаряда. Гермиона закричала, когда они разбили окно и приземлились на пол.

Несколько мгновений они просто лежали, не двигаясь. Уткнувшись в шею Драко, Гермиона тяжело дышала.

«Я думал, мы умрем, — промелькнуло у него в голове, — Наверное, и она тоже...»

В этот момент очень знакомый голос над ними произнес:

— Что? Как?

Глаза Драко были закрыты, он почувствовал, как объятие Гермионы ослабло и та села.

— Ой! — услышал он. — Гарри!

— Что-о? — сказал Гарри. — Как?

Гарри знал, что должен закрыть рот, но это было просто невозможно. Гермиона с кусочками стекла в волосах таращилась на него и, хотя он был ужасно счастлив ее видеть, его шокировало, что она обнимала... Драко Малфоя? Драко Малфоя, который выглядел точно как Гарри, но все равно был Драко Малфоем.

— Ой, — выдохнула она, и он подумал, что это прозвучало как-то виновато, — Гарри!

Драко тоже обнимал Гермиону. Его глаза были уже открыты, и он смотрел на Гарри с удивленным выражением лица, по которому Гарри очень хотелось вмазать.

— Привет, Гарри, — сказал он. — Я смотрю, ты нашел мою пижаму. Хотя я обычно ношу верх тоже.

Гермиона заплакала.

— Гарри, -повторила она, вскакивая на ноги и подлетая к нему, — ты жив!

— Я же тебе говорил, что он жив, — Драко начал раздражаться.

Гермиона выглядела так, как будто хотела обнять Гарри, но ее останавливало то, что он был без рубашки и привязан к кровати.

— Это...? — начала она.

— Связывающее заклятие, — закончил Гарри.

Гермиона вынула палочку, направила ее на Гарри:

— Заклихваем!

Руки Гарри упали на одеяло, и через секунду она уже обнимала его и плакала.

Через ее плечо он видел, как Драко встал и стряхивал стекло с одежды, очень холодно глядя на Гарри и Гермиону. Гарри обнял Гермиону не очень охотно, сам не зная, почему, он злился на нее.

— Где Рон? — резко спросил он.

— Рон? — Гермиона убрала руки и вытерла слезы. — Он... он в школе, Я оставила ему записку.

— Оставила записку? — не веря, переспросил он.

Гермиона открыла рот и закрыла его снова. Она не могла поверить, что Гарри такой бестолковый; она не могла поверить, что его первые слова были «Где Рон?» Неужели он не рад ее видеть?

— Рон ненавидит Драко, — дрожащим голосом произнесла она. — Он бы не согласился пойти.

— Согласился бы, — и Гермиона должна была признать, что так оно бы и было.

— Хорошо, он бы пошел — ради тебя. Но мне бы пришлось объяснить, что ты — это не ты, а

Драко. Прошло бы несколько часов, пока бы он понял и поверил. А я думаю, мы должны вернуться к утру, и, Гарри... — ее голос сорвался. — Когда я узнала... все, о чем я думала, — это как добраться до тебя и удостовериться, что ты в порядке.

Гарри смотрел на нее со странным выражением лица.

— Я правильно понял? Ты только что назвала Малфоя «Драко»?

Драко сделал шаг вперед, вставая между Гарри и Гермионой.

— Слушай, Поттер, — резко сказал он. — Я знаю, ты меня не любишь. Я от тебя тоже не в восторге. Если бы решал я, я бы оставил тебя моему отцу — он запер бы тебя умирать в подземелье. Но, увы, это не так. И если ты не веришь мне, то поверь Гермионе: мы здесь, ЧТОБЫ СПАСТИ ТВОЮ ЖИЗНЬ, НЕБЛАГОДАРНЫЙ ПРИДУРОК! — проорал Драко. — Так что пошли!

Гарри моргнул. Затем спокойно сказал:

— Я с вами не пойду.

Драко и Гермиона уставились на него. Даже Малфой не нашел, что сказать. Наконец Гермиона выдохнула:

— Почему?

Гарри вздохнул. Потом объяснил им про Сириуса, про план МакНейра заманить Гарри в Имение Малфоев и сдать его Волдеморту, про Червехвоста... В конце он добавил:

— И я думаю, что с твоей матерью что-то не так, Малфой.

— А, — сказал Драко. — Оскорбления пошли. Ну, конечно.

— Нет, я имею в виду, что-то действительно не так. Она кажется несчастной и сегодня упала в обморок, когда они привезли Сириуса.

Это заткнуло Драко рот.

Губы Гермионы дрожали, но подбородок твердо поднят.

— Ну, все! — сказала она. — Придется спасти Сириуса тоже.

— Это будет нелегко, — объяснил Гарри. — Я пытался попасть в подземелье сегодня и... там, видно, какая-то сигнализация.

— Заклятия наложены на все входы в подземелье, — пояснил Драко. — Чтобы войти, надо иметь Малфоевскую кровь. Мы не любим чужаков.

— И все остальных тоже, — заметил Гарри. — В вашем доме не так уж много положительной энергии, ты знал об этом, Малфой? Это то, что я твердо запомнил. Это — и еще то, что вам нужно наладить центральное отопление.

— Гарри, я уверена, что ты узнал много полезного, — успокаивающе проговорила Гермиона. — Я уверена, ты...

— Для тебя все это домашнее задание, да? — невежливо перебил ее Гарри. — Ну хорошо: я узнал, что у Малфоев в роду были сумасшедшие — несомненно, все в этом доме просто чокнутые; я узнал, что у блондинов развлечений не больше чем у нас; да, я узнал, что у Малфоя родимое пятно в форме Великобритании на заднице.

— Нет, — сказал Драко.

— Есть!

— Ооо, покажи, — попросила Гермиона.

— Нет, — одновременно ответили Гарри и Драко.

— Какая тебе разница, Гарри, это ведь не твое тело, — резонно заметила она.

— Ну, если будешь хорошо себя вести, я, так и быть, покажу тебе Шотландию.

— Это мое тело, — оборвал Драко, — и я не позволю эксплуатировать его. Только посмотри на себя! Ходишь тут полураздетый, не можешь дождаться, чтобы совсем раздеться? Приятно иметь мускулы хоть иногда, да, Поттер?

— Дурак, — сказал Гарри, — у тебя руки как палки, Малфой, ты же сам знаешь, — он помахал руками в доказательство. — Посмотри — одни кости!

— ДА ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ ОБА! — рявкнула Гермиона. — Мы должны поговорить о Сириусе.

— Да, конечно, — Гарри чувствовал себя виноватым.

И тут...

Раздался стук в дверь. Они замерли, глядя друг на друга вытаращенными глазами и надеясь, что, кто бы это ни был, он просто уйдет.

Но постучали громче и настойчивей, дверь задрожала.
Гарри, показывая на Драко и Гермиону, прошипел:
— Вы двое! В шкаф! Сейчас же!

Глава 6. Мальчик, который дулся

Драко и Гермиона нырнули в шкаф и захлопнули за собой дверь. Гарри, дрожа, направил палочку на окно, прошептал «Репаро!» и разбитое стекло взлетело в раму. Затем он прыгнул на кровать и схватился за один из столбиков. В этот момент дверь не выдержала, распахнулась, и в комнату влетел разъяренный Люций Малфой.

— Ты! — проорал он Гарри. Малфой-старший был очень похож на Драко, когда злился: очень бледный, с красными пятнами на щеках. У Гарри было чувство, что Люций мог открыть дверь с помощью магии, но захотел выместить на ней свой гнев. — Почему ты не открывал?

— Я не знаю, — спокойно ответил Гарри. — Может потому, что ты привязал меня к кровати?

Люций выглядел уязвленным.

— Я забыл, — заметил он, направил палочку на Гарри и произнёс, — Заклихваем!

Гарри уронил руки.

— Спасибо, — сказал он. — Как Нар... моя мать?

— Нормально, — отрезал Люций.

— Могу я ее увидеть?

— Нет. Я хочу, чтоб ты мне кое с чем помог. Мне надо вниз, в подземелье, и ты пойдешь со мной.

Гарри уставился на него. Это было приглашение, о котором он мечтал — пойти посмотреть, где держат Сириуса. Только ему совсем не хотелось оставлять Гермиону в шкафу вместе с Драко. С другой стороны, отказывать Люцию Малфою тоже нельзя. Похоже, он вот-вот начнет плевать на огнём.

— О'кей, — сказал Гарри, вставая, и, думая о тех, в шкафу, вышел за Люцием.

В шкафу было абсолютно темно. Лицо Гермионы было прижато к какой-то грубой ткани, колено упиралось в ногу Драко, а рука затекла под сумкой Гарри. Она чувствовала рядом дыхание Драко, и слышала сквозь дверь разговор Люция и Гарри. Она слышала, как Люций сказал Гарри, что берет его в подземелье, слышала, как Гарри согласился и как они ушли из спальни, захлопнув дверь.

Драко заговорил первым. Вообще, он не столько говорил, сколько ругался, с необыкновенной изобретательностью и богатством словарного запаса. Его словарь и воображение просто поразили Гермиону. Ей даже в голову не приходило, что такое можно сделать с метлой.

— Эй, — сказала она. — Извини, что перебиваю, мне даже нравится, но я думаю, нам надо выбираться из шкафа. У меня сейчас рука отсохнет.

— Мы не можем выбраться из шкафа, — почти спокойно ответил Драко. — Он запирается снаружи.

— Что ты хочешь сказать?

Голос Драко был резким:

— Какую часть из «он запирается снаружи» ты не поняла? Вот уж воистину! Я думал, ты сообразительная.

— А простое Открывающее Заклятие?

— Нет, — сказал Драко. — Шкаф защищен. Мой отец запирает меня в нем, когда я плохо себя вел, так что я знаю.

— Твой отец — просто изверг!

— Оставь в покое мою семью, Грейнджер, — отрезал Драко.

— «Грейнджер?» — раздраженно фыркнула Гермиона. — Сначала Гарри, теперь ты! Почему вы ведете себя так, как будто внезапно возненавидели меня? Все, что я сделала Гарри — это пыталась спасти его жизнь. Что же касается тебя, я не знаю, на что ты жалуешься, но...

— Ты правда, не знаешь? — голос Драко, холодный и далекий, теперь звучал так, как Гермиона помнила по стычкам в Хогвартсе.

— Нет.

— Иллюмос, — сказал Драко, и свет вырвался из палочки, озаряя внутренности шкафа. Гермиона вздрогнула. Говоря с Драко в темноте, она представляла его себе таким, как в школе. А теперь она оказалась лицом к лицу с Гарри. Свет из палочки заставлял его глаза мерцать малахитовым цветом.

Но улыбался он злобной улыбкой Драко.

— Поттер, — коротко пояснил Малфой, — придуривается по двум причинам. Первая: ему ненавистна мысль быть спасенным мной. Это я понимаю. Сам бы чувствовал то же самое на его месте.

— А вторая? — с любопытством спросила Гермиона.

— Он ревнует.

Гермиона почувствовала, как сердце проваливается вниз, затем стрелой взлетает вверх и застревает в горле.

— Ревнует? Как так?

— Не будь душой, Гермиона.

Гермиона схватила Драко за руку и сильно ее сжала.

— Что ты имеешь в виду?

Драко не выдергивал руку.

— Я знаю, что ты хочешь услышать, — сказал он. — Но ты уверена, что хочешь услышать это так?

Гермиона задумалась. Так ли она хотела услышать, что у Гарри — возможно! — могут быть чувства к ней (или чувство... любое чувство)? От Драко, который шпионил в голове у Гарри? Это было насилие, хоть и не добровольное. И, в конце концов, Драко может ошибаться. Она покачала головой и убрала руку.

— Нет.

— Только потому, что я чувствую то, что чувствует Гарри, — неожиданно сказал Драко, — я не перестал чувствовать, то, что чувствовал.

Гермиона уставилась на него.

— Что ты чувствуешь? — спросила она — и к собственному удивлению, ей хотелось услышать ответ, так же как и на предыдущий вопрос.

Но Драко опустил голову и она больше не видела его глаза, только отражение света в очках.

— Прямо сейчас я чувствую голод, — сообщил он. — Жуткий голод. Я не ел со вчерашнего обеда.

— А, — разочарованно вздохнула Гермиона. Она подтянула сумку Гарри, чтобы достать молнию. Теперь она сидела рядом с Драко. — Я взяла поесть... Шоколадные лягушки, масляный эль и маринованные огурцы.

Драко скорчил рожу:

— Я сказал, я голодный, а не беременный.

Гермиона хихикнула.

— Ну, это все, что есть.

— Ладно. Дай мне эль. Может, если я выпью много, я не буду так сильно против того, чтоб сидеть здесь взаперти.

Гарри шел за мистером Малфоем по все более знакомым коридорам Имения до самого кабинета, где Люций открыл люк и жестом велел Гарри следовать за ним. Гарри шел осторожно, чтоб ничего не задеть. Он не хотел, чтобы отсутствие Малфоевской крови дало повод для еще какой-нибудь сигнализации. Серые каменные ступени вели вниз, в холодную темноту, где светился только кончик палочки Люция Малфоя. Там было что-то вроде лабиринта: узкие проходы разбегались во всех направлениях как змеи. Гарри пытался запомнить путь, бормоча про себя, когда они поворачивали: «Налево, направо, направо, резко налево». Но он знал, что это, скорее всего, бесполезно. Люций Малфой заговорил с ним только раз, когда они переходили из одного коридора в другой, украшенный мраморной мозаикой.

— Это будет хорошая практика для тебя, сын, — сказал он.

Наконец они дошли до входа в подземелье — огромной каменной арки с ржавыми железными воротами, запертыми на здоровый замок в виде переплетенных змей. Люций Малфой положил на замок руку и тот открылся, ворота распахнулись. Гарри вошел вслед за Люцием.

Малфой прошел вдоль ряда клеток около стен и остановился у одной из них, заглядывая туда. Гарри остановился рядом, уже зная, что увидит. Клетка была голой с мокрыми каменными стенами и соломой на полу. У дальней стены стояла низкая каменная скамья, на которой лежал человек.

Это был Сириус.

— Эй, Блэк, — крикнул Люций, и Сириус поднялся. Гарри с облегчением увидел, что с него сняли Связывающее Заклятие. — Удобно?

Сириус зарычал, глухо как собака.

— Вот, — сказал Люций. — Вижу, ты так гордишься тем, что ты зверомаг, что уже не можешь говорить по-человечески.

Сириус отвернулся.

Люций с отвращением покачал головой, посмотрел вниз и закатал левый рукав мантии. На руке была метка в виде черепа и змеи — Знак Мрака. Он поднял руку к лицу и заговорил в нее, как по рации.

— МакНейр, — рявкнул он. — Питер. Где вы?

Череп на руке Люция зашевелил ртом и тонкий голос произнес.

— Мы не можем войти в подземелье без тебя, нужно, чтобы кто-то открыл дверь.

— Черт, — взорвался Люций. Он посмотрел на Гарри. — У тебя палочка с собой?

— Да, — ответил Гарри, вынул ее и показал Малфоем.

— Очень хорошо, Драко, — улыбнулся Люций. — Я хочу, чтоб ты посмотрел за Блэком, пока я не вернусь с Питером и МакНейром. Если он двинется, наложи на него закливание ватных ног. Ты уже достаточно большой для такой ответственности, — добавил он. — Пришло время посмотреть, чего ты стоишь.

Гарри подозревал, что Люций меньше всего хотел дать шанс Драко показать чего он стоит. Просто Малфоем нужна была помощь, а Нарцисса была не в состоянии что-либо делать. Естественно, Гарри жаловаться не собирался.

— Да, отец, он сказал. — Я слежу за ним.

Люций ушел, оставив Гарри стоять в темноте, дрожа от нетерпения. Как только он услышал как за мистером Малфоем захлопнулись ворота, он подскочил к решетке и позвал

— Сириус! Сириус, не бойся — это я...

Сириус поднял голову.

— Гарри, что ты сделал с волосами? Это ужасно.

Гарри удивленно закашлялся.

— Ты узнал меня?

Сириус улыбнулся.

— Я собака, Гарри. Я могу узнать тебя по запаху быстрее, чем по внешности. Я знал, что ты здесь, с того момента как меня привезли.

Гарри прижался к решетке. Было приятно узнать, что кто-то узнает его, пусть даже по запаху.

— Притворятся сыном Люция Малфоя очень опасно, — неодобрительно сказал Сириус. — Что ты использовал? Многосущное зелье?

— Что-то вроде, — ответил Гарри и торопливо рассказал, что произошло за последние несколько дней. Сириус слушал молча, иногда кивая или удивленно вскрикивая, пока Гарри не дошел до части, где Червехвост и МакНейр привезли Сириуса в спальню Драко, а Нарцисса упала в обморок.

— Нарцисса, — задумчиво проговорил Сириус. — Да, это загадка.

— Что?

— Нарцисса Хардести, — сказал Сириус, — была самой красивой девушкой на своем курсе в Хогвартсе. Она на два года старше, чем Джеймс, Лили, я и остальные. Она была очень способной ученицей и очень красивой. А потом, на последнем курсе, она согласилась на помолвку с этим противным козлом, Малфоем. Никто не мог понять почему. Это была загадка года, она раньше его не выносила и его приятелей из Слитерина тоже. Нарцисса, — добавил он, — училась в Рэйвенкло.

Гарри внимательно посмотрел на Сириуса. Трудно было сказать точно, но ему показалось, что вид у Сириуса был смущенный.

— Она тебе нравилась, Сириус? — спросил он.

— Ну да, я знал ее довольно хорошо. Она была хорошим человеком, я клянусь — но... я говорил то же про Питера, а посмотри, кем он стал.

— Так ты говоришь, я должен... — начал Гарри, но Сириус прервал его

— Просто приглядывай за ней, вот и все.

— Забудь ее, Сириус, единственное, что важно — это вытащить тебя отсюда.

Сириус покачал головой:

— Не сейчас, Малфой вернется с минуты на минуту.

— Я знаю, — сказал Гарри. — Я думал вернуться позже вечером. У меня наверху плащ-невидимка. Он накроет нас всех. Я бы не стал брать Драко Малфоя, но он нужен, чтобы открывать двери. Они открываются только для Малфоев.

Сириус провел правой рукой по волосам и Гарри увидел, что левая рука прикована к каменной скамье.

— Гарри, Я знаю, ты не любишь младшего Малфоя, но пусть он обязательно наденет плащ-невидимку, хорошо? Потому что если его поймают, то подумают, что это ты. И его прикончат!

У Гарри пересохло горло.

— Они планируют меня убить, а, Сириус?

— Хуже, — хмуро ответил тот. — Я слышал, как МакНейр и Червехвост говорили об этом. Они хотят использовать меня как приманку — заманить тебя в замок, поймать и отдать Волдеморту. Он хочет попробовать на тебе Заклятие Мучения.

Сириус замолчал. Послышался скрипящий звук открывающихся ворот в подземелье. Гарри отпрянул от решетки и стоял с вынутой палочкой, когда Люций, МакНейр и Червехвост вошли. Они не обратили внимания на Сириуса. Люций кивнул Гарри:

— Останься, я хочу, чтоб ты увидел.

Гарри сжал кулаки. Он знал, что Сириусу не сделают ничего — мертвый заложник — не заложник, но ему не понравились слова Люция.

А тот уже достал палочку и держал ее перед собой. МакНейр тоже вынул палочку и прикоснулся к палочке Люция. Червехвост поднял руку и положил ее сверху на палочки.

— Доминус Вокаре, — просипел он.

Сноп зеленого света вырвался из палочек и из руки Червехвоста, постепенно превращаясь во что-то. Уже были видны голова и плечи. Лицо было расплывчатым, но Гарри уже понял — не было на свете другого такого лица, плоского и злого, с кошачьими глазами.

Волдеморт.

— Хозяин, — приветствовал его Люций елейным голосом.

— Зачем вы звали меня? — спросил призрачный образ Волдеморта хрипло.

— Мы хотели сообщить, что преуспели в поисках и захвате Сириуса Блэка, — Червехвост улыбался во весь рот. — Вон там он, видите?

Образ Волдеморта повернул голову к клетке, в которой держали Сириуса. Когда взгляд Волдеморта скользнул по Гарри, тот почувствовал знакомую боль во лбу. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, но не пошевелился.

— Я вижу его, — сообщил Волдеморт-образ. — А Гарри Поттер? Его уже известили?

— Я послал ему в школу сову, Хозяин, — объявил МакНейр.

— Вы проделали хорошую работу. Вы будете награждены. — и, когда все трое улыбнулись, Волдеморт резко добавил, — Когда мальчишка будет у вас.

Их улыбки слегка угасли.

— Это будет скоро, Хозяин, — сказал Люций. Но Волдеморт снова смотрел на Гарри, и боль у Гарри в голове усиливалась.

— Это твой сын, Люций?

— Да.

Волдеморт не шелохнулся.

— Он похож на тебя, — наконец проговорил он. — Когда он вырастет, ты приведешь его ко мне?

— Конечно, Господин.

С этим образ Волдеморта исчез. Видимо, он был не из тех, кто говорит «до свидания». Что было хорошо, думал Гарри, так как в следующую секунду, он был уверен, что рухнет на колени из-за невыносимой боли в голове. И все же, он был рад этой боли. Она означала, что Гарри был самим собой — под этой чужой внешностью, он все еще оставался Гарри Поттером. Люций же казался довольным, довольным как никогда. Он даже положил руку на плечо Гарри, когда они выходили из подземелья. Гарри вертелся, когда они выходили через ворота — ему хотелось взглянуть на

Сириуса, но тот лежал лицом к стене и не смотрел на мальчика.

Драко уже выпил четыре бутылки масляного эля, Гермиона тоже. Короткая и веселая драка состоялась из-за последней бутылки. Драко выиграл. Алкогольный градус масляного эля очень низок, но четыре бутылки, выпитые на пустой желудок, сделали Гермиону сонной и немного пьяной.

— Что если твой парень вообще не вернется? -хмуро спросил Драко. — Это очень неприятно — умереть запертым в своем собственном шкафу.

— Он мне не парень, -автоматически поправила Гермиона. — И он вернется.

Драко внимательно посмотрел на нее поверх бутылки с элем.

— Почему?

— Потому, что Гарри не оставит нас умирать, -ответила Гермиона, вздрогнув. — Он может и сердиться на меня, но он же не убийца, так?

— Так, -согласился Драко, — но я имел в виду, почему он не твой парень?

Гермиона нашла, что ей трудно сфокусировать взгляд на Драко. Конечно, было уже четыре утра, а она не спала двадцать часов.

— Потому, что он не любит меня. Он сказал мне.

— Вот придурок, -спокойно констатировал Малфой. — Я думаю, он сам не знает, чего хочет.

— Что он чувствует сейчас? -спросила Гермиона, вопреки желанию.

Драко минутку подумал:

— Печаль.

— Знаешь, чего мне действительно будет не хватать? -спросила Гермиона, которая чувствовала себя очень странно — как будто уснула, с открытыми глазами.

— Здешних посиделок в окружении Армани? — предположил Драко.

— Нет, -ответила она. — Тебя. Такого тебя. Когда мы снимем заклятие с тебя и Гарри, ты опять станешь противным и ужасным, правда?

— С другой стороны, -Драко пытался придать своему голосу беззаботности, — Гарри перестанет быть таким придурком.

— Не называй его так, -попросила Гермиона, но ее протест был больше автоматическим.

— А знаешь, по чему я буду скучать? -Драко уставился на что-то над ее головой.

— По чему?

— По тебе — как моему другу, -быстро сказал он. — Я имею в виду, даже тогда, когда ты думала, что я — Гарри, все было здорово... У меня есть друзья, ты знаешь, такие как Крабб и Гойл. Но я не думаю, что они умерли бы за меня. Ну, они могли бы умереть из-за меня; если бы я велел им выпить яд, они наверно так и сделали бы. Но это больше глупость, чем привязанность, я думаю, -вздыхнул он. — Но ты бы умерла за Гарри, правда?

— Да, — сказал Гермиона, — хотя я думаю, что могу так же умереть и из-за него, -добавила она, и Драко криво усмехнулся. Гермиона откинулась назад, и теперь ее голова лежала на плече Драко. Он сидел очень тихо; она смотрела на его профиль, очень серьезный и знакомый в свете волшебной палочки.

— Мне будет очень грустно, когда ты начнешь бриться, — мечтательно произнесла она (она была немного пьяна, помните?). — Мне нравится прозрачность твоей кожи, всегда нравилась. А когда ты первый раз проведешь по ней лезвием, это исчезнет навсегда.

Она подняла голову и поцеловала его в щеку.

Он посмотрел на нее. Ее глаза были в дюйме от его собственных.

— Гермиона, с кем ты разговариваешь?

— Я не знаю, — ответила она и поцеловала его в губы.

Какие бы предчувствия его в этот момент не одолевали, он их не выказал. Взяв ее за плечи, он стал целовать ее, и если у Гермионы и были мысли, что она целует Гарри, то они исчезли. Она никогда не целовалась с Гарри, но знала, что это будет не так. Сейчас это было так, словно целуешь незнакомца, или почти незнакомца; при каждом прикосновении его губ она чувствовала жуткое волнение. Он даже не пах как Гарри, он пах как Драко: лимонным соком, перцем, прохладным ночным воздухом. Но вместе с тем, он называл ее по имени голосом Гарри. Ей было все равно. Они

целовались и целовались в шкафу, стучаясь об его стенки. За этим занятием они не заметили, что кто-то открыл шкаф и впустил свет снаружи, и они не остановились, пока голос не прервал их уединения, резко и яростно спросив:

— КАКОГО ЧЕРТА ВЫ ТУТ ДЕЛАЕТЕ? — это был Гарри.

Гермиона чувствовала себя ужасно. Гарри не разговаривал с ней, и было похоже, что он решил никогда больше с ней не говорить. Что странно — он разговаривал с Драко, хотя и без особого энтузиазма.

Драко и Гермиона отпрыгнули друг от друга, как только заметили, что Гарри здесь, но было уже слишком поздно. Гермиона выбралась из шкафа, на грани нервного срыва, обалдевшая от масляного эля и поцелуев, и попыталась взять Гарри за руку, но он только посмотрел на ее руку как на Огнеплюя-Мантикраба, который приземлился на его рукав и произнес очень холодно и ровно:

— НЕ. ТРОГАЙ. МЕНЯ.

Затем он сказал:

— Выходи из шкафа, Малфой, мне надо с тобой поговорить.

Драко выбрался из шкафа, предчувствуя, что Гарри собирается врезать ему, но Гарри этого не сделал. Видимо он считал, что виновата во всем Гермиона, которая примостилась на краю кровати Драко, наблюдая, как мальчики разрабатывали план вызволения Сириуса из подземелья.

— Мы оба пойдем, — сказал Гарри. Он объяснил ситуацию Сириуса, и теперь он и Драко склонили головы над картой, которую набросал Гарри. — Ты должен впустить меня в подземелье, так как мне нужен кто-то с кровью Малфоев, чтобы открывать двери. Мы оба влезем под плащ-невидимку, но лучше, если его наденешь только ты, а я буду идти сразу за тобой. Просто могут начаться проблемы, если двери будут открываться сами собой, а рядом никого не увидят. И оставайся под плащом — ты здесь Враг Номер Один в таком виде.

Драко кивнул.

— Лучше нам сделать все быстро, — сказал он, — а то скоро они будут ждать, что объявится Гарри Поттер, и если ты не...

— Да, — отрезал Гарри. — Я думаю, мы пойдем прямо сейчас.

— Хороший план, а как насчет Гермионы?

Гарри холодно и недружелюбно посмотрел на Гермиону.

— Давай запрем ее в шкафу? — предложил он.

— Я не останусь в шкафу, — сказала она. — Я иду с вами.

— Нет, не идешь, — Гарри не смотрел на нее. — Это будет очень рискованно, и я не могу постоянно беспокоиться, что сделаешь какую-нибудь глупость и подвергнешь себя опасности.

— Ты прекрасно знаешь, что я не делаю глупостей, — яростно возразила Гермиона.

— А я думаю, что ты только что доказала обратное, — сказал Гарри, не пытаясь скрыть презрение.

Даже не помедлив, чтобы подумать, Гермиона сделала пять шагов к Гарри, замахнулась и врезала ему по лицу. Карта выпала у него из руки, он уставился на нее в таком удивлении, как будто его палочка выпрыгнула у него из кармана и начала распевать гимны.

Драко усмехнулся.

— Тебе лучше присесть, Гарри, — сказал он. — В последний раз, когда она врезала мне, у меня неделю искры из глаз сыпались.

Гарри и Гермиона одновременно повернулись к нему:

— Заткнись, Малфой!

— Хорошо, я сяду там, — и ушел в дальний конец комнаты. Он выглядел обиженным, но Гермиона чувствовала, что ему хочется уйти и предоставить им разбираться в их ссоре самим.

— Я не собираюсь извиняться, — заявила она Гарри. — Ты заслужил это.

— Да, — Гарри все еще был в шоке, но он послушался совета Драко и сел на кровать. — Я думаю, это не мое дело.

Он выглядел таким несчастным, что Гермиона почувствовала себя виноватой.

— Гарри... я знаю, что ты думаешь...

— Нет, не знаешь.

— Я знаю, тебе не нравится Драко...

— Не нравится? — голос Гарри звучал так, словно она сообщила ему, что идет ужинать с Волдемортом. — Это Драко Малфой, Гермиона, ты понимаешь, что мы говорим о Драко Малфое? О том, кто пытался засадить Хагрида в Азкабан примерно миллион раз? О том, который называл тебя Нечистокровной? О том, чей отец добился, чтобы отца Рона уволили из Министерства Магии?

— Я не знал об этом! — раздался голос Драко из другого конца комнаты.

— Заткнись! — сказал Гарри, глядя на Гермиону. — Драко Малфой, который сказал, что хочет, чтобы ты умерла? Ты помнишь, Гермиона?

— Он теперь другой, — запротестовала она, зная, как глупо это звучит. — Он изменился.

— Изменился? — переспросил Гарри, так, как будто она сообщила, что не только идет ужинать с Волдемортом, но и прихватила бутылочку хорошего вина. — Что бы сказал Рон, если бы он знал, что ты делала в шкафу с парнем, чей отец отобрал работу у его папы и практически обанкротил его семью? Если бы не Фред и Джордж со своим магазином, то Висли бы уже были на улице!

— Это нечестно, — сказала Гермиона, которую как обожгло, когда Гарри упомянул Рона. — Это был Люций, а не Драко. Я же не виню тебя за то, что делают Десли. — она понизила голос до шепота. — Гарри... он теперь другой. Когда мы пытались пробраться в замок, он заслонил меня от стрелы. Он спас мне жизнь. Разве это ничего не значит?

Гарри смотрел на нее. Ее карие глаза казались огромными на бледном лице, а губы дрожали.

— Это все Многосущное зелье, Гермиона, — сказал он наконец. — Ты знаешь это. Ты сейчас как Хагрид, когда он берет какого-нибудь монстра и утверждает, что он самый милый и воспитанный. Когда-нибудь он отхватит тебе руку. Когда мы снимем с него заклятие или до этого.

— Откуда ты знаешь, что это заклятие? — Гермиона обеспокоенно глянула на Драко.

— Потому что, — сказал он, посмотрев на нее. Она поняла, что он решает, говорить ей или нет. — Потому что я чувствую, как абсолютно противоположное происходит во мне, понятно?

— Ты говоришь... ты слышишь, что он думает?

Гарри покачал головой.

— Нет. Другое, — он вытащил палочку из кармана и подозвал Гермиону ближе. — Смотри, — он направил палочку на пару пауков, стремительно бежавших по каменному полу. — Жестокос!

Сноп черного света выстрелил из палочки и ударил одного паука. Тотчас же, паук повернулся и начал с невероятной жестокостью атаковать своего собрата, откусил тому голову и начал поедать ее. Гарри хмуро смотрел на эту сцену.

Глаза Гермионы расширились.

— Гарри, — сказала она, в ужасе, — это была... Темная Магия, да?

— И не самое отвратительное заклинание, — ответил Гарри безжизненно, наблюдая, как оставшийся паук, заметно потолстевший, бежал по полу. — Большинство гораздо хуже.

— Но ты никогда не занимался Темной Магией, — Гермиона была в шоке. — Нужно много практиковаться...

— Я не занимался, но он — да, — он мотнул головой в сторону Драко. — Теперь ты поняла?

— Ох, Гарри... — она села рядом с ним на кровать. Она видела, каким несчастным он был, и у нее разрывалось сердце. Она обещала себе, что не будет чувствовать себя виноватой из-за поцелуев с Драко в шкафу, но теперь она именно так себя и чувствовала. Это не имело смысла, она ничего не должна Гарри, она наверное даже не нравится ему, но так было, и ничего нельзя было изменить. Пообещав про себя никогда больше не целовать Драко, она горячо произнесла. — Мы выберемся из этого, Гарри. Мы спасем Сириуса из подземелья, и снимем с тебя заклятие, и все будет как раньше.

— Что я могу сделать для Сириуса в таком состоянии? — сказал Гарри мрачно. — Что если я вдруг свихнусь и стану злым? И что если заклятие нельзя снять?

— Тогда мы сможем пойти и уладить это в Министерстве, когда здесь все закончим, — Драко, явившийся из другого конца комнаты, смотрел на Гарри с раздражением. — Ты перестанешь себя жалеть, Поттер? Ты не станешь злым и жестоким, в тебе часть меня, а не Волдеморта.

— Какая разница, — Гарри уставился в пол.

— Ну да, — продолжал Драко. — Скажи мне: когда это Мальчик, Который Выжил, стал Мальчиком, Который Дуется?

— Очень смешно, — откликнулся Гарри. — Жаль, что здесь нет ни одного слитеринца, чтоб похлопать тебе и оценить шутку, Малфой.

— Я тоже не хотел иметь Одинаковые Силы с тобой, но я же ною, — коротко сказал Драко.

— Нет, — сказал Гарри с убийственным сарказмом, — твой метод решения проблемы, целуясь с Гермионой каждый раз, когда выпадает возможность, просто творит чудеса. Ты преодолеваешь кризис своим путем, я — своим.

— Мой путь приятней.

— Твой путь приведет тебя к тому, что тебе снесут башку.

— Вот это я говорю, — Драко был явно доволен, — я узнаю этот характер.

Гарри выглядел так, будто у него не хватает сил даже сказать Драко, чтобы тот заткнулся. Он посмотрел на Малфоя, встал, взял карту и сказал:

— Если мы собираемся идти, то надо двигаться.

Они пошли: Драко, надевая плащ-невидимку, а Гермиона, беря свою палочку, которая выпала еще в шкафу. Когда они подошли к двери, Гарри пропустил Драко вперед и прошипел так, чтобы его не слышала Гермиона.

— Ты ей нравишься только потому, что выглядишь как я.

Драко разом перестал улыбаться.

Первая часть их плана прошла великолепно. Драко, в плаще-невидимке, вошел в кабинет, убедился, что там никого нет, и открыл люк для Гарри и Гермионы. Они спустились по ступенькам, и Драко последовал за ними. Используя воспоминания Драко о подвале и неполную карту Гарри, они медленно продвигались вглубь по туннелям. Гермиона удивлялась их размерам. Они проходили подземные залы, размером с теннисные корты; некоторые из них сверкали сталактитами, свисавшими с потолка.

— В твоём доме и то меньше комнат, чем здесь, — сказала она Драко.

— Я знаю, — ответил бесплотный голос Драко слева от нее. — Имению только шестьсот лет, а подземелью как минимум тысяча. Мама говорит, что здесь когда-то был подземный город.

— Ты знаешь, что твоя мать училась в школе вместе с моими родителями? — спросил Гарри, который все еще не выглядел дружелюбным, но уже смирился с ситуацией.

— Да, я знаю, что она училась в Хогвартсе.

— Она дружила с Сириусом, — добавил Гарри.

Голос Драко был ровным. Он явно не хотел говорить о своей матери.

— Она никогда не упоминала его.

Гермиона шла за ними. Она размышляла о том, что произошло между ней и Драко в шкафу. Интересно, думал ли Драко о том же? Трудно было сказать, ведь он по-прежнему был невидим. Это был не первый ее поцелуй. Она целовалась с Роном пару раз, когда они были на пятом курсе, но ничего больше не получилось, так как каждый раз, когда их губы встречались, Рон начинал паниковать и сбегал. А затем игнорировал ее в течение нескольких дней. Это действовало на нервы, и она объявила, что отныне они будут просто друзьями, что стало большим облегчением для них обоих.

Потом был еще Виктор. Гермиона улыбнулась про себя. Бедный Виктор. Он никогда сильно ей не нравился, хотя она позволила поцеловать себя пару раз. Она встречалась с ним в надежде, что Гарри будет ревновать, но ничего не вышло.

Гарри, как обычно, видел ее насквозь и мог сказать, что Виктор ее не интересует.

Она помнила, как была счастлива перед вторым заданием Трехмагового Турнира, когда ей сказали, что она будет заложницей для одного из защитников — тем, «чего защитнику будет больше всего не хватать». Она полагала, что этим защитником будет Гарри. Воспоминание о разочаровании, которое она испытала, когда увидела Виктора, стерло улыбку с ее лица.

— Мы пришли, — сообщил голос Драко откуда-то справа.

Он были у входа в подземелье, теперь запертого на замок в виде змей. Раздался хруст — это Драко подошел к замку и, видимо, сделал то, что нужно, чтобы открыть его. Замок упал, и ворота скрипнули, открываясь.

Гарри взял Гермиону за руку, когда они проходили через ворота, и она сильно сжала его ладонь. Было страшно и подземелье было темным. Гарри тащил ее вперед, и она слышала дыхание Драко

сзади. Гарри упал на колени перед решеткой, и Гермиона последовала его примеру.

— Сириус, — прошептал Гарри, — Сириус, ты не спишь?

Ответа не было.

— Сириус, — повторил Гарри настойчивей.

Маленькое светлое пятнышко, похожее на светлячка, появилось в темноте клетки.

Постепенно оно росло, и Гермиона поняла, что это свет волшебной палочки. Он осветил всю клетку: стали видны решетка, покрытый соломой пол, сырые стены и...

Люций Малфой и Червехвост, сидевшие вместе на каменной скамье, где раньше лежал Сириус. Люций, держа светящуюся палочку в правой руке, смотрел на Гарри с выражением нарастающей ярости.

— Драко, — сказал он сквозь зубы. — Что ты здесь делаешь?

Гермиона услышала, как сзади нее настоящий Драко шумно вздохнул. Но Гарри был слишком ошарашен, чтобы говорить. Его глаза метались от Люция к тому месту, где он последний раз видел Сириуса, и обратно к отцу Драко.

Гермиона поняла, что если кто-то и должен что-нибудь сделать, то это она. Она внезапно встала, отпустив руку Гарри.

— Мистер Малфой, — сказала она, — Это все моя вина.

Взгляд Люция метнулся к ней и она увидела в нем недоверие.

— А ты кто такая?

— Я подруга Драко, — Гермиона помедлила. — Я... Лаванда Браун.

Она закусил губу и послала мысленные извинения Лаванде, чье имя она выбрала, так как Брауны были старой и уважаемой семьей в волшебном мире, факт, который должен быть хорошо известен Люцию Малфой. Гарри, который таранился на нее как чучело лягушки, попытался схватить ее за лодыжку. Она наступила ему на руку.

— Драко и я поспорили, — сказала она, хлопая ресницами. — Он сказал, что у вашей семьи самое большое подземелье в Британии, а я сказала, что самое большое у Руквудов, и... ну... — она посмотрела вниз. — Я заставила его привести меня сюда. Это я виновата!

И Гермиона ударилась в слезы, что не составило ей никакого труда, учитывая обстановку. Как она и ожидала, Люций Малфой, привыкший к пыткам всех видов и отвратительной Темной магии, растерялся при виде рыдающей девушки. Он выглядел жутко потрясенным.

— Перестань, — сказал он Гермионе. — Как ты сюда попала?

— Дымолетный порошок, — Гермиона заплакала еще сильнее. — Я соскучилась по Драко, когда его не было в школе... И я хотела увидеть Сириуса Блэка, потому что он один из самых опасных волшебников в Англии, и я не могла поверить, что вы поймали его, мистер Малфой... О, я никогда не знала, что отец Драко такой могущественный волшебник...

Это явно подняло Люцию настроение.

— Ну, — сказал он, — никакого вреда вы не причинили. Да к тому же, Блэка здесь нет. Мы перевели его в другую клетку.

Гермиона взглянула на него сквозь пальцы в надежде, что он скажет что-нибудь еще, но он явно не собирался развивать эту тему.

— Я должен сказать, — добавил Люций, глядя на Гарри. — Я рад видеть, что у тебя есть подруга, Драко. Я уж начал думать, что ты голубой.

Гермиона услышала, как Драко возмущенно фыркнул.

— Э-э, — пробормотал Гарри. — Да. Нет, я не... Хотя я понимаю, почему ты так думал. Все эти тряпки с оборками.

Он умолк, потому что Драко двинул невидимой ногой ему по лодыжке.

— К тому же, она очень красивая, — продолжал Люций, переведя взгляд на Гермиону. Ей не понравился его взгляд. — Почему бы нам всем не пойти наверх и... не познакомиться поближе? — Он повернулся к Червехвосту. — Питер, ты останься с пленником, пока он не придет сюда.

Червехвост кивнул. Он в замешательстве смотрел на Гермиону. У Гермионы сжался желудок, когда она поняла, что он наверняка пытается вспомнить, где он ее раньше видел. Потому что он действительно видел ее — с Гарри. Конечно, тогда ей было тринадцать, а теперь шестнадцать. И

нет бОльших перемен во внешности девушки, чем между тринадцатью и шестнадцатью годами: теперь она была, по крайней мере, на фут выше, у нее были гладкие шелковистые волосы вместо растрепанных и торчащих, зубы были ровными и фигура... Бррр, она надеялась, что Червехвост не будет разглядывать ее.

— Тем временем, — сказал Люций, — мы с Лавандой пойдем наверх и поговорим. Драко, вставай с пола. Ты тоже можешь пойти с нами, если хочешь.

Люций вышел из клетки, взял Гермиону под руку и повёл ее наверх. Очень расстроенный Гарри поплёлся следом.

Глава 7. «Подружка Драко Малфоя»

Гермиона сидела напротив Люция у него в кабинете, который, при иных обстоятельствах ей бы даже понравился, поскольку от пола до потолка был уставлен книгами. В камине рычало пламя, Люций подтянул к огню два громоздких кресла — одно для себя, другое для Гермионы.

Гарри сесть было некуда, и он встал возле кресла Гермионы.

— Итак, Лаванда, — начал Люций. Он сплел пальцы под подбородком и улыбался, выставив напоказ все свои острые зубы. Гермиона подумала, что раздраженным он ей больше нравился. — Как ты познакомилась с моим сыном? Мне интересно, что могла найти в Драко такая красивая девушка, как ты.

— Ну и пронира, — подумала сердито Гермиона.

— Многим девочкам нравится Драко, — спокойно ответила она. — Он весьма популярен.

— Ты тоже учишься в Слитерине? — спросил Люций.

— Нет, — быстро ответила Гермиона, отчасти из-за того, что ей претила сама мысль о том, что она могла учиться в Слитерине, и, кроме того, скажи она это, Люций мог бы удивиться, что Драко ни разу не упомянул ее имя за прошедшие шесть лет. С другой стороны, нельзя было говорить, что она из Гриффиндора.

— Я учусь в Рэйвенкло.

— В таком случае, ты должна быть очень способной, — заметил Люций.

Гермиона не знала, что ответить на это. Гарри кашлянул.

— Она лучшая ученица на нашем курсе, отец, — сказал он.

Люций стрельнул глазами в Гарри, затем вернулся к Гермионе, будто Гарри здесь и не было.

— Я рад, что ты здесь, Лаванда, — заявил он. — Ты выбрала удачное время для визита: в Имени Малфоев происходят важные события... Собственно, несколько моих друзей прибывают вечером сюда, и я готовил небольшой прием... Могу я рассчитывать, что ты примешь участие? — Он мельком взглянул на Гарри. — В качестве... девушки Драко?

Люций так сказал «девушка», будто он не произносил этого слова лет тридцать.

Глаза Гермионы широко раскрылись от удивления.

— Но... у меня же нет ничего... что надеть, — пробормотала она.

Люций окинул Гермиону взглядом — от потертых джинсов и футболки до ее волос, которые снова вились на концах (она и забыла, когда последний раз пользовалась Волосо-Выпрямляющим настоем), и вниз, к сбитым ботинкам.

— Ты невысокая ростом и стройная... — вслух размышлял он, и уж теперь-то ей точно не понравилось выражение его лица. Рука Гарри неожиданно тяжело опустилась на ее плечо, и сжала его, — ...как и моя жена, — тихо добавил Люций. — Я уверен, что она сможет одолжить тебе что-нибудь. Драко!

— Что? — спросил Гарри, на скулах которого выступили яркие красные пятна — в точности, как у Драко, когда он злился.

— Иди, разыщи свою мать, — велел Люций. — Спроси ее, не может ли она принести сюда платье для твоей подружки. Мне кажется, ей к лицу будет что-нибудь... лавандовое. (Ред.: лаванда — сиреневого цвета)

Отпустив каламбур, Люций улыбнулся, явно считая себя остроумным, но Гарри думал иначе: он перевел дикий взгляд с Люция на Гермиону, которая вымученно улыбнулась.

— Иди, — одними губами прошептала она. — Я справлюсь.

— Хорошо, — сказал Гарри. Он повернулся, чтобы уйти, потом быстро обернулся, наклонился к Гермионе и прошептал ей в ухо — достаточно громко, чтобы услышал Люций. — Я скоро вернусь, дорогая.

— Да, конечно, — слабым голосом ответила она.

Их глаза встретились. В глазах Гарри горело беспокойство, гнев и что-то еще. Неожиданно он наклонился и поцеловал ее в губы.

Это был быстрый, но настоящий поцелуй, который прервался прежде, чем Гермиона сообразила, что происходит. Она закрыла глаза и подалась было навстречу, но Гарри уже отпрянул. Какую-то долю секунды он смотрел в ее глаза, и Гермиона была готова поклясться, что она смотрела в

зеленые глаза Гарри, а не серые — Драко... в этот момент он был Гарри.

Затем он выпрямился и взглянул на Люция.

— Я скоро вернусь, — повторил он, повернулся и покинул комнату.

Как только дверь закрылась за ним, сердце Гермионы сжалось. Она могла бы выдержать что угодно, пока она была с Гарри... даже с Драко все было нормально, поскольку он выглядел, как Гарри... но наедине с Люцием Малфоем ей было не по себе.

— Итак, Лаванда, — начал Люций, улыбаясь всем своим бледным, острым лицом. — Ты так и не рассказала мне, как вы познакомились с Драко.

— Квиддитч! — быстро ответила Гермиона. — Вы же знаете, он Ловец в команде Слитерина... они играли с Гриффиндором и победили, и после игры я подошла и поздравила его, поскольку он побил Гарри Поттера. А он назначил мне свидание.

Глаза Люция сверкнули при имени Гарри.

— Ты знаешь этого парня, Поттера?

— Все знают Гарри Поттера, — искренне ответила Гермиона.

— Он твой друг?

Гермиона глубоко вздохнула.

— Нет, — сказала она. И слова эти, несмотря на то, что были ложью, отозвались болью где-то под ребрами. — Он ужасно относится к Драко, поэтому он мне не нравится, — она снова набрала воздуха. — И к тому же он Враг, правда?

Люций улыбнулся еще шире.

— Я был прав, когда назвал тебя умницей, — сказал он. — Так ты на нашей стороне?

— О да, Драко объяснял мне, и теперь все понятно. Когда... когда План осуществится, те, кто сохранили верность, будут вознаграждены...

— Это правда. И ты — одна из верных... Лаванда?

— Я верна Драко, — твердо сказала она.

— Так ли? — задумчиво спросил Люций. — Подойди сюда на минутку, дорогая. Я хочу кое-что показать тебе.

Он поднялся и подошел к книжным полкам. Гермиона последовала за ним. Люций снял с полки толстую книгу в зеленой обложке, озаглавленную «Энциклопедическое Совершенствование Волшебства», открыл ее и начал перелистывать страницы.

— Видела эту книгу раньше? — спросил он.

— Нет, — ответила Гермиона, совершенно уверенная, что, ищи она эту книгу в библиотеке Хогвартса, то нашла бы ее в Запретной секции.

— Взгляни сюда, — сказал Люций, положив книгу на стол и указывая на иллюстрацию, изображавшую мужчину, взрослого волшебника в причудливых одеждах с волшебной палочкой в левой руке. А правая ладонь, точнее вся рука до плеча, была покрыта чем-то вроде сложной металлической перчатки, заканчивающейся резной клешнеобразной весьма неприятно выглядящей конечностью.

Гермиона сглотнула комок в горле.

— Это... это оружие? — спросила она, указывая на картинку.

— Это, — сказал Люций, глядя любовно на книгу, — Заклятие Мучения (лат. *Lacertus* — плечо; мед. — сроссток, узел; англ. *lacerate* — мучить, разрывать). Очень продвинутая форма колдовства... Металлическая рука, созданная Темной Магией, прирастает к руке живого человека...

— Зачем? — спросила Гермиона.

— Когда эта рука пересаживается на человеческое существо, она становится мощным и избирательным волшебным оружием. В сущности, ее прикосновение уничтожает любого, в ком нет магического начала.

— Оно убивает Магглов, — ровным голосом закончила Гермиона.

— И Нечистокровных, — уточнил Люций. — В этом смысле оно очень эффективно.

Гермиона взглянула на него — он выглядел страшно довольным, будто показывал ей не ужасное оружие, а фотографию красивых, собственноручно выращенных бегоний.

— Вы хотите навести это заклятие на Гарри Поттера, — тусклым голосом сказала она.

— Не я лично, разумеется, — Люций захлопнул книгу. — Волдеморт. Конечно, я буду ему

помогать.

Он снова посмотрел на нее, этот взгляд Гермионе не понравился и она начала отступать к стене, тогда как Люций придвигался к ней все ближе и ближе.

— После того, как он подвергнется Заклятию Мучения, наш Повелитель направит на него Заклятие Империи. Представь, как это будет выглядеть — великий Гарри Поттер бродит по свету, используя Темную Магию, чтобы убивать Магглов и полукровок. Многие побегут к Волдеморту в поисках защиты, и он даст им ее... за определенную цену.

Теперь они стояли прямо у книжных полок, и Люций оперся руками на них, прижав ее спиной к стене и отрезав пути к отступлению. Гермиона разрывалась между отчаянным желанием оттолкнуть его прочь и не менее сильным желанием узнать побольше о том, что они собирались сделать с Гарри.

— Но почему Гарри? — спросила она и тут же поправилась. — Почему Гарри Поттер? Почему бы Волдеморту попросту не убить Гарри Поттера и прирастить руку кому-нибудь другому — на кого не нужно накладывать Заклятие Империи?

— Потому, что Заклятие Мучения смертельно для его носителя, — объяснил Люций, — оно истощает его энергию и медленно убивает. Так что Гарри умрет, но умрет, служа нашему Повелителю, — я уверен, ты оценишь эту иронию. А теперь постой спокойно, глупая девчонка, я хочу поцеловать тебя.

Гермиона уставилась на него.

— Но Вы же отец Драко, — пролепетала она.

— И значит, это прекрасная возможность убедить тебя, что ты слишком хороша для него, — ответил Люций.

— Вы совсем меня не знаете, — возразила Гермиона, отталкивая его руки.

— А вот это мы сейчас исправим, — заявил Люций.

Он снова потянулся к ней, крепко обхватив ее за талию. Гермиона пыталась отпихнуть его, но Люций проворно увернулся. Для своего роста он был весьма ловок.

Что-то пролетело возле головы Гермионы, взъерошив ей волосы.

ШМЯК!

Люций взвыл! Он отшатнулся, прижимая руку к рассеченной до крови макушке: тяжелый бронзовый подсвечник пролетел по воздуху и сильно разбил ему голову.

— Кто это бросил? — дико озираясь вокруг, заорал Люций. — Где ты?

В воздух взмыл следующий предмет — китайское пресс-папье в виде ящерицы. Люций увернулся, и оно шарахнуло в стену позади него.

Гермиона вдруг почувствовала, что улыбается.

Драко.

— У вас что, полтергейст в доме, мистер Малfoy? — спросила она, перекрикивая звуки бьющегося стекла: кто-то невидимый перевернул поднос с напитками.

Люций разразился водопадом очень грубых выражений — теперь было ясно, откуда Драко пополнял свой обширный запас ругательств.

«Эпициклическое Совершенствование Волшебства» внезапно взлетело вверх и нацелилось прямо Люцию в голову, но он сгреб рукой Гермиону и прикрылся ей, как щитом. Книга ударила ее в плечо и упала на пол.

— Ой! — вскрикнула она, укоризненно глядя на Люция. Тот был бледен и покрыт потом, вторую руку он прижимал к груди так, что на мгновение ей показалось, что у него болит сердце, но потом она поняла, что он прячет что-то в сжатом кулаке.

В кабинете наступила тишина. Вероятно, Драко уже выпустил весь пар.

Люций опустил руки, и Гермиона заметила что-то блестящее у него на груди. Она хотела заговорить, но поняла, что он смотрит поверх ее головы на что-то у двери. На пороге стояли Нарцисса с неподвижным лицом и Гарри, с беспокойством смотрящий на Гермиону.

— Я принесла платье, которое ты просил, Люций, — Нарцисса в руках держала сверток ткани.

— Благодарю, — ответил Люций. Он держался удивительно спокойно, с учетом того, что он только что подвергся нападению невидимых сил, и его голова все еще кровоточила. Когда он поднес руку к голове, Гермиона смогла рассмотреть, что же блестело на его груди, — это был круглый стеклянный

кулон на серебряной цепочке. Стекло было совершенно прозрачным, и в середине что-то висело. Что-то, похожее на... зуб.

— Странно, — подумала она. Хотя, с другой стороны, в окружении Люция было не странным? Гермiona и Гарри переглянулись через комнату.

«Забери меня отсюда», — страстно подумала она. Гарри широкими шагами пересек комнату и взял ее за руку.

— Я думаю, Лаванда хотела бы прилечь перед приемом, — сказал он. — Можно мне проводить ее в... — он неловко осекся. Он готов был сказать «в мою комнату», но Люций и Нарцисса не походили на тех родителей, которые позволяют подружке своего сына-подростка спать в его спальне.

— ...в ее комнату? — закончил за него Люций. — Нет. Твоя мать проводит ее. Сейчас ты мне нужен, Драко.

Гарри беспомощно посмотрел на Гермiona. Она пожала ему руку и подошла к Нарциссе, которая тут же повернулась и повела ее прочь из кабинета. Гермiona семенила позади нее. Мать Драко не произнесла ни слова, пока они не подошли к узкой дубовой двери. Нарцисса распахнула ее, открыв маленькую спальню с каменными стенами, к чему Гермiona уже начала привыкать, и довольно милым покрывалом с рисунком из голубых цветов.

— Это твоя комната, — сказала Нарцисса. Она протянула Гермione сверток, прохладный и шелковистый на ощупь. — А это платье.

— Ээ... Спасибо, поблагодарила Гермiona.

Нарцисса оценивающе оглядела ее.

— Подожди... — она и вышла из комнаты и вскоре она вернулась с парой изящных серебряных туфель и коробкой. — Думаю, это тебе пригодится. Прием начнется в четыре.

Она снова вышла, на этот раз закрыв за собой дверь. Сгорая от любопытства, Гермiona открыла коробку. Там была косметика. «Странно, — подумала она. — Большинство ведьм просто используют Чары Красных Губ и всякое такое...»

Она положила коробку и туфли на кровать и начала было стягивать с себя майку. Тут ей в голову пришла неожиданная мысль, и она медленно опустила руки.

— Драко? — окликнула она. — Ты здесь?

Никто не ответил, но Гермione показалось, что у гардероба прозвучал виноватый вздох.

— Я знаю, что ты здесь! — сказала она. — Мне нужно переодеться!

— Ну так давай, — голос Драко звучал немного приглушенно. — Я не возражаю...

— Малфой... — угрожающе начала Гермiona.

— Ну хорошо, хорошо, — отозвался Драко, и неожиданно возник возле гардероба, держа в руке плащ и ухмыляясь во все лицо. — А ты почти...

— Ничего я не почти, — отрезала Гермiona. — А теперь отвернись к стенке!

Драко, ворча, подчинился. Не спуская с него глаз, Гермiona выскользнула из джинсов и майки и натянула платье. Материя была роскошная, тяжелая, и, несомненно, дорогая. Она холодила кожу. Гермiona расправила кружева и нагнулась, чтобы застегнуть туфли. Наконец, она выпрямилась и откинула волосы.

— Готово, — объявила она.

Драко обернулся и потерял дар речи.

— Гермiona... — выговорил он. — Ты выглядишь потрясающе...

— Правда? — удивленно спросила она.

— Посмотри в зеркало, — предложил Драко, показав на трюмо возле кровати.

Гермiona подошла к зеркалу взглянуть на себя — и покраснела.

Она никогда не понимала, как девочки вроде Лаванда и Парвати могут тратить так много на одежду, но теперь до нее дошло: при чем тут деньги, если платье может сделать тебя такой...

Прекрасная тяжелая ткань отражала свет, как вода, густой сиреневый оттенок идеально подходил к ее темным волосам (Гермiona подумала, что он никак не подошел бы настоящей Лавендер, которая была блондинкой). Платье облегло ее и сидело так хорошо, что невольно приходило в голову, не было ли оно заколдовано. Впрочем, Гермione это не волновало. Она крутнулась перед зеркалом, наблюдая, как взметнулась юбка: «Ух ты!...»

Драко продолжал сидеть на кровати, наблюдая за ней — Гермiona видела его отражение в

зеркале. Она присела у трюмо, достала щетку из коробки Нарциссы и принялась расчесывать волосы. В зеркале она по-прежнему видела Драко позади себя, прислонившегося к стойке кровати.

— Тебе надо бы играть Отбивающим, а не Ловцом, — сказала она. — У тебя отличный бросок.

Драко фыркнул.

— Просто не верится, что я стукнул своего отца подсвечником по голове.

— Я была очень рада, что ты оказался там.

— Рада? — переспросил Драко. Он пытался сказать это беззаботным тоном, но палочка в его левой руке беспокойно постукивала по ноге. — Я видел, как Гарри целовал тебя. По-моему, тебе понравилось...

— Он просто хотел показать твоему отцу, что у него, как бы сказать... права на Лаванду, — спокойно сказала Гермиона.

— Но это не сработало, а? — заметил Драко, все быстрее стуча палочкой.

— Драко... — Гермиона повернулась к нему и протянула руку.

Драко отмахнулся.

— Все нормально. Я знаю, что он подонок, мой папаша.

Гермионе ужасно сочувствовала его, но сказать было нечего. Какое-то время оба молчали. Наконец Драко заговорил.

— Как ты думаешь... когда мы вернемся в школу... мы останемся друзьями, вот как сейчас?

— Когда мы избавим тебя от заклятья, ты и сам не захочешь, — ответила Гермиона, но Драко это не убедило.

— Хорошо, предположим, я захочу, — продолжил он. — Ты не под действием заклятья. Что ты сама думаешь?

— Драко, занятия, наверное, закончились. Уже июнь.

Драко с повышенным интересом рассматривал шнурки на своих ботинках:

— Может быть, я мог бы навестить тебя как-нибудь... летом.

— Что? — уронила щетку Гермиона.

— Если у тебя нет других планов, — быстро добавил он.

— Что? — снова переспросила она.

Теперь он рассердился — что-то от прежнего Драко сверкнуло в его глазах — «мальчик с гонором», как называла его Парвати.

— Ты что, не хочешь, чтобы я приехал?

Совершенно невообразимая картина представилась Гермионе: Драко, сидящий в их столовой между толстой теткой Матильдой и глухим дядюшкой Стюартом, они оба были бухгалтерами. Они пытаются вовлечь Драко в разговор об Уимблдоне, но Драко, явно не в своей тарелке в длинных черных одеждах и колпаке, ничего не понимает. В конце концов, он вытаскивает свою палочку и превращает всех сидящих за столом в жаб.

Безумное видение исчезло, и Гермиона воскликнула:

— Драко! Ты их возненавидишь! Они же все — Магглы!

— Может, все обойдется, — чопорно возразил Драко. — Я умею вести себя в обществе.

Еще одна, не менее безумная картина предстала перед ней — Драко с ее семьей на ежегодном празднике на пляже в Брайтоне. Драко был в плавках (да есть ли они у него? Колени хоть у него есть? — она же никогда их не видела) и надменно отказывается от мороженого, которое предлагает ее мать.

— Ну попробуй, тебе понравится, — уговаривает мама Гермионы. Драко вытаскивает палочку и превращает ее в жабу.

— Гермиона, ты сходишь с ума, — сказала она себе. Повернувшись в кресле, она взглянула на Драко.

— Послушай, — сказала Гермиона, — если мы вернемся в школу, и ты все еще захочешь навестить меня летом, так и быть — можно.

Драко просиял:

— Правда?

— Ну да, — ответила Гермиона, размышляя о том, что к сентябрю вся ее семья, вероятно, будет прыгать по листьям кувшинок.

— А Гарри гостил у тебя летом? — безразличным тоном спросил Драко.

— Да, — ответила Гермиона. — Но он привык быть среди Магглов, и мои родители любят его, так что... — она осеклась при виде его гримасы. — Может, хватит меня допрашивать о Гарри? — отрезала она. — Он мой лучший друг, и если у тебя проблемы по этому поводу...

— А целовал он тебя в кабинете далеко не по-дружески, — парировал Драко.

— Я же тебе говорила! Просто надо было поставить твоего отца на место!

— Ты это себе доказывай, — ответил Драко. — Уверен, что тебе это понравилось. Скажешь, нет?

— Малфой, заткнись, наконец.

— Так да или нет?

Она со стуком швырнула щетку.

— Да! Понравилось!

— Ты уж разберись сама с собой, Гермиона, — зло сказал Драко. — Мы все-таки волшебники, а не мормоны.

— Я буду иметь это в виду, если решу выйти замуж за одного из вас.

Они смотрели друг на друга, закипая.

— Ты знаешь, что я хочу сказать, — мрачно сказал Драко.

— А может быть, я не знаю, — не приветливо ответила Гермиона. — Может быть, ты мне объяснишь.

Драко сверкнул на нее глазами и получил в ответ такой же взгляд. Она всегда считала, что только Гарри способен по-настоящему вывести ее из себя, похоже, она ошибалась.

— Я не твоя девушка, — ядовито сказала она. — И не Гарри тоже. И позволь мне обратить твое внимание на то, что ни ОДИН ИЗ ВАС даже не намекал, что хочет быть моим парнем. Так что, если я захочу... сбежать с... Невиллом Лонгботтомом, это будет касаться только МЕНЯ, и никого из вас.

Драко перестал таращиться на нее и фыркнул:

— Ты в самом деле хочешь убежать из дому с Невиллом Лонгботтомом? Потому что Гермиона Лонгботтом звучит ужасно.

Гермиона почувствовала, как ее губы растягиваются в невольной улыбке. Драко облокотился на спинку ее кресла. Их лица отражались в зеркале, щека к щеке. Его темные волосы торчали во все стороны, похоже, он справлялся с ними не лучше, чем Гарри.

«Мы так хорошо посмотримся вместе... — подумала Гермиона, и почувствовала, будто пузырек винового смущения всплыл откуда-то из живота и лопнул у нее в груди. — Возьми себя в руки», — велела она самой себе и принялась рыться в косметичке Нарциссы.

Кто-то постучал в дверь спальни, она открылась, и вошел Гарри. Гермиона не поверила своим глазам — таким уставшим он выглядел: под глазами черные круги, он был даже бледнее прежнего Драко. Но при виде ее он улыбнулся.

— Привет, — сказал он.

— Гарри, — спросила Гермиона. — С тобой все в порядке?

— Пока да, — ответил он. — А как ты?

— Прекрасно, — сказала она и поднялась.

Результат оказался совершенно неожиданным: у Гарри был такой вид, словно что-то ужасно тяжелое свалилось ему на голову — он буквально отшатнулся и уставился на нее.

— Гермиона, — проговорил он с теми же интонациями, что и Драко, — ты... выглядишь...

— Как? — спросила она.

Но Гарри будто растерял все слова. Он только стоял и смотрел.

— Похоже, он на какое-то время отключился, — сказал Драко. — Продолжим разговор?

Гермиона приняла решение: что бы ни произошло, она оставит это платье себе. Люций Малфой получит его только через ее труп.

— Конечно, — сказала Гермиона.

— Так о чем мы говорили? — спросил Драко.

— Об «Истории Хогwartса», — ответила, улыбнувшись, Гермиона.

Эти слова вывели Гарри из оцепенения. Он с удивлением посмотрел на Драко.

— Ты читал «Историю Хогwartса»?

— Ну и что в этом особенного? — удивился Драко.

Похоже, Гарри это не обрадовало.

— Если ты не знаешь, в чем дело, я не стану тебе объяснять, — заявил он.

Драко холодно взглянул на него.

— Ты не можешь быть на приеме в таком виде, Поттер, — заметил он. — Как будто ты где-то валялся.

Гарри, нахмурясь, повернулся к нему.

— Уж извини, если я недостаточно опрятно выгляжу, Малфой, — огрызнулся он. — Я немного устал. Весь последний час я помогал твоему бедному папочке чистить его дурацкий кабинет. Который, кстати, ты изгадил.

— Да, мне не стоило это делать, — ответил Драко с притворным раскаянием. — Наверное, мне надо было спокойно сидеть и не мешать ему РАЗДЕВАТЬ Гермиону И ТИСКАТЬ ЕЕ НА ПИСЬМЕННОМ СТОЛЕ! — он буквально выкрикнул последнюю фразу, и Гарри отпрянул от неожиданности. Его глаза остановились на Гермионе.

— Это правда? — с трудом выговорил он.

Гермиона закусила губу и кивнула.

— Я его убью, — сказал Гарри безо всякого выражения. — Как только мы освободим Сириуса. Я вернусь и убью его. И если я не смогу направить на него Авада Кедавра, я снесу ему башку одним из этих чертовых фехтовальных мечей.

Гермиона была настолько потрясена, что не могла говорить, она еще никогда не видела Гарри таким, ни разу, это ее напугало.

— Вообще-то это невежливо, — заметил Драко, — говорить об убийстве моего отца в моем присутствии. Ты не находишь, Поттер?

— Собираешься остановить меня, Малфой? — спросил Гарри. — Не советую.

Драко, который до этого навзничь лежал на кровати, медленно сел.

— А я советую тебе оставить это дело, — произнес он. — С Гермионой все нормально.

— С ней не все нормально, — возразил Гарри. — Когда всякие Малфои весь день пытаются залезть ей в трусы, что тут может быть нормального?

— Да пошел ты, Поттер! — воскликнул Драко, вскочив на ноги и выхватывая палочку, Гарри сделал то же самое, но Гермиона метнулась и встала между ними, возмущенная всем происходящим до глубины души.

— Я В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ! — заорала она. — У МЕНЯ ВСЕ НОРМАЛЬНО. И ЕСЛИ У КОГО ЗДЕСЬ И ЕСТЬ ПРОБЛЕМЫ, ТАК ЭТО У ВАС ДВОИХ!

— У меня проблем нет, — сказал Драко. Он улыбался совершенно ужасной улыбкой. Гермиона смотрела на него, не веря своим глазам — никогда в жизни она не видела такого выражения на лице Гарри; это было так странно — все равно, что увидеть Люция Малфоя, танцующим ламбаду в холле. — Это у него проблемы.

— Ох, Бога ради, хватит, — с отвращением произнесла Гермиона. Она вытащила из кармана свою палочку и воскликнула:

— Разоружармус!

Обе палочки противников подлетели ей в подставленную ладонь, и Гермиона спрятала их в карман. Мальчишки смотрели на нее в изумлении.

— Теперь, — продолжила она, — если вы хотите убивать друг друга, то придется делать это по старинке, с кровопролитием. Советую только вам обоим, пока вы колотите друг дружку, на мое платье не наступать и его не портить, потому что, если вы это сделаете, в этой комнате будет сотворена Черная магия. И сотворю ее я.

Драко снова усмехнулся, но на этот раз его улыбка была гораздо приятнее.

— Как скажете, — произнес он.

Но Гарри не улыбался. Гермиона посмотрела на него, и от того, что она увидела, у нее засосало под ложечкой. Гарри был очень бледным, бледнее, чем был прежний Драко, его белесые волосы прилипли ко лбу потными прядками. Дыхание его прерывалось.

— Гарри, — спросила она в тревоге, — ты в порядке?

Гарри покачал головой и неожиданно опустился на пол. Гермиона бросилась к нему, схватила его руку и крепко сжала. В течение нескольких секунд никто не двигался. Наконец Гарри поднялся. Его

лицо было мертвенно-бледным, но в остальном он выглядел нормально.

— Мне нужно идти одеваться к приему. Я сейчас вернусь, — сказал он и вышел, хлопнув дверью.

— Спятил, — ровным голосом констатировал Драко, как только закрылась дверь.

— Нет, — ответила Гермиона, вставая, — просто он чувствует то, что никогда не случилось с ним раньше, и он не знает, что с этим делать. Гарри не привык ненавидеть, он не умеет ненавидеть людей. Даже тебя, — добавила она с мимолетной улыбкой.

— Да брось ты, — отмахнулся Драко. — Конечно же, он меня ненавидит.

Гермиона покачала головой.

— Похоже, я теряю чутье... — пробормотал Драко и, когда она улыбнулась, добавил более серьезным тоном. — Ну не святой же он, Гермиона.

— Нет, — тихо сказала Гермиона. — Просто он самый лучший и самый храбрый из всех, кого я знаю.

Драко не ответил. Он тихо присел на кровать, и, чуть помедлив, Гермиона села рядом с ним и положила голову ему на плечо. Он положил руку ей на голову и очень нежно погладил ее волосы.

— Гермиона... — начал он.

— Молчи, — перебила она. — Это ничего не означает, Драко. Я это делаю потому, что сейчас мне этого хочется. Ясно?

— Да, — ответил он. — Ясно.

Как Гермиона и предполагала, прием был ужасен: один из промозглых огромных залов был заполнен Пожирателями Смерти в черных одеждах. Она была здесь единственной девушкой, не считая огромной женщины в черном атласе, чей смех напоминал грохот бетономешалки.

— Это Элефтерия Парпис, — шепнул Гарри на ухо Гермионе. — Я засек ее и Люция, когда они обжимались в гостиной.

— Беее...

Гарри улыбнулся. Похоже, что он несколько оправился. В черной нарядной мантии Драко вид у него был еще немного бледный, но вполне спокойный и невозмутимый, несмотря на то, что ему явно доставляло трудов притворяться знакомым с разными Пожирателями Смерти, что то и дело останавливались и здоровались с ним.

Действительно, совсем как Драко. Странно, подумала она, она всегда ненавидела Драко, слишком сильно, чтобы заметить, что он привлекателен, что бы там ни говорили Лаванда и Парвати. Но сейчас она увидела это. В классическом понимании красоты он выглядел гораздо лучше, чем Гарри мог бы и мечтать: это была не та красота, которая заставляла трепетать ее сердце, как было с Гарри, но она отдавала себе отчет, что Драко весьма и весьма симпатичен.

— По-моему, Люций сексуальный маньяк, — шепнула она Гарри.

— Вполне возможно, — ответил Гарри. — В конце концов, он даже с тобой хотел поразвлечься, правда? — и он взвизгнул, смеясь, когда Гермиона шутливо шлепнула его по руке.

— Интересно, тут есть что-нибудь поесть? — поинтересовалась Гермиона, с надеждой оглядываясь вокруг.

— Не знаю, — сказал Гарри. — Мне кажется, что Люций собрал всех вместе, чтобы рассказать им о своей новой дьявольской затее. Не думаю, что он собирался их кормить.

— Слушай, мы уже можем улизнуть отсюда? — спросила Гермиона, вытягивая шею, чтобы осмотреть толпу. Где-то там, у стены стоял Драко, завернувшись в плащ-невидимку. После того, как она объяснила ребятам детали плана, придуманного Люцием, они решили немедленно отправиться выручать Сириуса, надеясь, что во время сутолоки на вечеринке сумеют все втроем пробраться в гостиную и спуститься в подземелье. Однако удачного момента, чтобы удрать, до сих пор не подвернулось.

— Мы могли бы попробовать, — предложил Гарри. — Если нас и засекут, то подумают, что мы сматываемся, чтобы уединиться.

— Да здравствуют гормоны, — согласилась Гермиона. — Пошли обниматься за портьерами.

— Действительно, — произнес позади нее голос Люция. Гермиона подскочила и залилась краской. Элефтерия Парпис сопровождала его, она смотрела на Гермиону сверху вниз почти материнским

взглядом.

— Кто может осудить тебя, милая? — сказала она. — Драко становится очень привлекательным. Весь в отца, — добавила она, глядя на Люция с выражением, от которого Гермиона заложило.

— Ой...

— Лаванда пошутила, — пояснил Гарри.

— Не сомневаюсь, — ответил Люций, улыбаясь одними губами. Гермиона чувствовала, что он все еще злится на нее за то, что она отвергла его притязания. — Элефтерия, это Лавендер Браун, подруга моего сына.

Гермиона вежливо улыбнулась Элефтерии.

— Хорошие новости, Драко, — добавил Люций. — Владелец паба «Рождество на холоде» засек Гарри Поттера в Малфой Парке. Он только что прислал мне сову.

— Да, это хорошая новость, — слабым голосом отозвался Гарри. — Его кто-нибудь сопровождает?

— Мы знаем, что с ним, по крайней мере, еще один человек, — мягко ответил Люций. — Девчонка.

— Значит, скоро он будет здесь, — сказал Гарри.

— ...и увидит, что ему приготовлен теплый прием, — подхватил Люций.

Жуткое молчание нависло над Гермионой и Гарри. Никто из них не мог сообразить, что ответить. Наконец, Гермиона собралась с духом:

— У Гарри куча подружек, это может быть любая из них.

— Разумеется, — подтвердил Люций. Он оглядел обоих испытующим взглядом и добавил. — Развлекайтесь, дети, — повернувшись, он скрылся в толпе вместе с Элефтерией, следовавшей за ним.

— Боюсь, что я сейчас выражаюсь, как персонаж из комиксов, — произнес Гарри, — но думаю, что это означает, что у нас мало времени. Надо действовать.

Гермиона энергично кивнула в знак согласия, и они направились к дальнему столу, у которого они оставили Драко. Они не говорили ничего, но шелестящий шум означал, что Драко присоединился к ним, и все трое скрылись через ближайшие двери. Следуя указаниям, которые шептал Драко, они направились к гостиной.

— Куча подружек, — повторил Гарри, покачивая головой, в то время как они заворачивали за угол. — У меня нет кучи подружек. Я в эти игры не играю, Гермиона.

— Я знаю, — кивнула она, стараясь не рассмеяться.

— В данный момент, — продолжал Гарри, — количество моих подружек равно нулю.

— Потому что ты только зря теряешь время, бегая за Чоу, — уязвленно заметила Гермиона, — которая вовсе не хочет встречаться с тобой.

— Я бы не говорил этого так уверенно, — заметил бесплотный голос Драко.

Гарри подозрительно покосился на пустое место, где, судя по всему, стоял Драко.

— Что ты хочешь сказать?

— Я думаю, что ее чувства по отношению к тебе могут решительно измениться.

— Что ты ей сделал, Малфой? — рявкнул Гарри.

— Не совсем, чтобы ей... — Гермиона могла слышать, как Драко ухмыльнулся. — С ней — так будет точнее. Немножечко старых Малфоевских чар, и она умоляла меня о свидании.

— Ах, да, — сказал Гарри. — Знаменитые Малфоевские чары... Так это из-за них твой папаша решил, что ты голубой, или это просто из-за твоих волос?

Драко пропустил его слова мимо ушей.

— Во всяком случае, я сказал ей, что ты не интересуешься ей.

— Зачем ты сказал эту глупость? — огрызнулся Гарри.

— Затем, — ответил Драко, — что это так. О, смотрите, — добавил он, прежде чем Гарри сумел возразить, — вот мы и пришли.

В камине гостиной горел огонь, но комната, к счастью, была пустой. На стене напротив люка висел новый портрет. На этот раз он изображал невысокого сердитого мужчину, явно с накладными волосами. Надпись на портрете гласила **МАРВОЛО МАЛФОЙ**.

Гарри наклонился, чтобы оттащить ковер.

— Я не думаю, что это следует делать, Драко, — произнес вежливый голос позади них.

Они резко обернулись. Люций Малфой, окруженный толпой Пожирателей Смерти, стоял в дверях, рядом с ним стояла Элефтерия, и на этот раз она выглядела совсем не по-матерински, ее большие черные глаза казались пещерами на пухлом белом лице.

— Ты, — обратилась она к Гермione, — как, ты сказала, твое имя?

— Лаванда, — запинаясь, ответила Гермione. — Лаванда Браун.

— Я знакома с Браунами, — сказала Элефтерия, выходя вперед. — И я знаю их дочь, Лаванда. Ты — не Лаванда.

Она повернулась к Пожирателям Смерти, стоящим возле нее.

— Схватить ее, — приказала она.

Сразу несколько событий произошли одновременно: Пожиратели Смерти шагнули вперед, Гермione в ужасе отшатнулась, Гарри бросил угол ковра, который он держал, скользнул вбок и встал между Гермione и Пожирателями Смерти.

— Уйди с дороги, Драко, — сурово сказал Люций.

— Нет, — ответил Гарри. — Не трогайте ее.

— Она шпионка, — холодно произнесла Элефтерия. — Она подруга нашего Врага. Хозяин паба в Малфой Парке разоблачил ее, Драко. Она пришла сюда не к тебе, она пришла с Гарри Поттером. Хозяин паба увидел ее во время приема и рассказал нам.

— Я не думаю, что тебя следует обвинять, — добавил Люций, — за твой неудачный выбор девушек. Мужчины куда лучше тебя бывали одурачены красивыми женщинами. Но я советую тебе, Драко, отойти в сторону. Я не хочу причинять тебе боль, но сделаю это.

— Лжец, — ответил Гарри. — Тебе нравится мучить меня.

Люций улыбнулся.

— Возможно, — сказал он и кивнул двум Пожирателям Смерти, стоящим перед Гарри. Гарри потянулся за своей палочкой, но это было безнадежно, их было двое против него одного. Он успел остановить одного из них Барьерным Заклятием, но второй даже не потрудился вытащить свою палочку. Вместо этого он схватил Гарри, сжал его и швырнул на пол. Гарри попытался встать, но Пожиратель Смерти с силой ударил его по голове носком сапога, окованным железом.

Гарри скорчился.

Пожиратель Смерти ударил его еще раз.

— Осторожнее, — елеинным голосом сказал Люций. — Это мой единственный наследник, а ты так грубо с ним обращаешься.

Пожиратель Смерти посмотрел вниз на Гарри:

— Живой, но очнется не скоро.

— Ну и пусть лежит, — сказал Люций. — Приведите мне девчонку.

Двое Пожирателей Смерти схватили Гермione за руки, но она почти не почувствовала этого, она, не отрываясь, смотрела на Гарри, лежащего на полу в расплывающейся луже крови. Они подталкивали ее вперед, пока она не оказалась перед Люцием.

— Привет, Лаванда, — сказал тот. — Или мне нужно спросить твое настоящее имя? Думаю, что нет, поскольку ты нам не так уж и интересна. Что нас интересует, так это мальчишка Поттер. Где он?

Гермione крепко зажмурилась, но образ Гарри по-прежнему стоял перед ее глазами.

— Вы убили его, — сказала она и назвала Люция таким словом, что она и не подозревала, что оно ей известно. Должно быть, она научилась ему от Драко.

— С Драко ничего не случится, — нетерпеливо сказал Люций. — И не притворяйся, что тебя это беспокоит. Ты пришла сюда вместе с Гарри Поттером. Где он?

Гермione открыла глаза и посмотрела в серые глаза Люция. Они были холодными, как сама зима.

Она покачала головой.

— Прекрасно, — невозмутимо сказал Люций, достал свою палочку и направил ее конец ей на грудь, прямо в сердце. Он приблизил свое лицо к ней, словно собирался ее поцеловать. — Терзатио.

Это была самая ужасная боль, которую она когда-либо испытывала, которую она даже могла вообразить. Ее жгли, резали, рубили на части, разрывали на куски, она была разрушена и опустошена, ее тело никогда уже не станет прежним. Она могла слышать свой крик, как в агонии, и в то же самое время была слепа и глуха. Мир раскалился добела, она все кричала и кричала, она умирала...

Люций убрал палочку, и боль прекратилась. Пожиратели Смерти отпустили ее руки, Гермиона упала на колени и закрыла лицо.

— Больно, да? — спросил Люций.

— Не издевайтесь, — ответила Гермиона. Ее голос был каким-то жестяным, и странно звучал для нее самой. — Конечно, больно.

Люций шагнул вперед, поставил ногу ей на плечо и надавил. У Гермионы не было сил сопротивляться, и она упала на спину, не отрывая глаз от отца Драко.

«Я умру, — в отчаянии подумала она. — Я умру здесь, и я никогда не смогу сказать...»

— Умирать вовсе не обязательно, — сказал Люций, будто прочитав ее мысли. — Скажи только, где сейчас Гарри Поттер.

Гермиона молчала.

Люций вздохнул и снова поднял свою палочку.

— Терза...

— Прекратите! — закричал кто-то с другого конца комнаты, но для Гермионы это прозвучало, как за миллион миль отсюда. — Не трогайте ее!

Она сразу поняла, кто это сказал, и острая боль отчаяния пригвоздила ее.

«Нет, — подумала она, — Драко, не надо...»

Но она ничего не могла поделать: Драко сбросил плащ-невидимку и теперь, видимый и незащищенный, держал его в руке. Все Пожиратели Смерти потрясенно повернулись к нему, на лице Люция проступило выражение триумфа.

— Не трогайте ее, — повторил Драко прерывающимся голосом. Вид у него был ужасный — бледный как призрак, с потными черными волосами, прилипшими ко лбу. Но держался он твердо.

— Это я, Гарри Поттер. Я здесь.

Глава 8. Кровь Малфоев

Свет... он проникал сквозь веки, как маленькие огненные искорки. Гарри застонал и открыл глаза.

Он был в спальне Драко, лежал, раскинувшись на кровати. По-другому он лежать никак не мог — его запястья были привязаны к столбикам кровати.

Голова болела — как будто кто-то бил в гонг у него во лбу.

— Лежи тихо, — произнес голос.

Гарри повернул голову. Это была Нарцисса, держащая большую пилу с костяной ручкой.

Гарри закрыл глаза. Мне снится кошмар, сказал он себе, и очень идиотский кошмар.

Он снова открыл глаза, но Нарцисса все еще была здесь... Очень бледная, ее глаза нервно бегали — к этому Гарри уже привык, она пыталась перепилить веревку, которой его левая рука была привязана к кровати. Признаться, ему не хотелось, чтобы она держала пилу у его артерии.

— Нарцисса, — сказал он. — То есть... мам. Что...? — его левая рука была уже свободна, и он повернулся посмотреть, как она пилит веревки на правой.

— Твой отец, — ответила Нарцисса, запинаясь, — не хотел, чтобы ты пытался спасти свою подругу из подземелья, — она подняла руку, увидев панику на лице Гарри. — С ней все в порядке. Он посадил ее вместе с Сириусом Блэком. — Ее взгляд опять метнулся. — Сириус приглядит за ней.

Она освободила его, Гарри сел и стал массировать руки, чтобы разогнать кровь. Последнее, что он помнил — его сбил один из Пожирателей Смерти Люция.

— Они ведь ничего не сделали Гермионе? — спросил он. — Потому что, если Люций собирался...

— О, он бы убил ее, — голос Нарциссы был безжизненным. — Он использовал заклинание Терзатимус, чтобы она сказала, где Гарри Поттер. Но она молчала.

Гарри, который до этого чувствовал себя онемевшим, теперь готов был взорваться.

— Что случилось?

— Твой отец, — произнесла она (он вдруг сообразил, что Нарцисса никогда не называла Люция по имени на его памяти), — сказал, что Гарри Поттер в замке. Видимо, у него был плащ-невидимка. Он обнаружил себя и, — она без всяких эмоций продолжала, — Пожиратели Смерти забрали его.

Гарри попытался сесть. Он положил свои занемевшие руки поверх холодных рук Нарциссы. Она все еще держала пилу.

— Мам, — сказал он. — Пожалуйста, поверь мне, это очень важно. Я знаю это тяжело для тебя, но скажи... Гарри еще жив?

Она кивнула.

— Где он?

— В фехтовальном зале. — Две огромные слезы скатились по ее лицу. Гарри ужасно жалел ее, но его мысли уже перескочили на Драко. Он соскользнул с кровати, проверяя ноги (они были в порядке) и помчался к двери. Нарцисса смотрела ему вслед.

В своем сне Гермиона была на Диагон Аллее. Она была с Гарри, и они покупали носки. Такое было новинку для нее — ей никогда не снилось, что она покупает носки с Гарри. Гарри часто появлялся в ее снах, и выглядел в них обычно лучше, чем в жизни; и иногда на нем не было ничего, кроме носков, — но этот сон, похоже, был из другой серии.

Этот Гарри был полностью одет и выглядел очень серьезным. Они не преуспели в поиске носков — все магазины были темными и пустыми. Люди спешили по улице, не глядя на них, а уставившись в землю. Гермиона попробовала взять Гарри за руку, но тот покачал головой.

— Мне надо сесть, — сказал он, — мне больно.

— Где больно? — спросила она.

Гарри расстегнул куртку. Она посмотрела вниз и увидела черную рукоять ножа, воткнутого между ребер. Белая майка Гарри темнела от крови, кровь дождем капала на его ботинки.

— Нож, — произнес он, — знаешь, он не мой... Это нож Драко.

Гермиона закричала.

— Оживимусь, — сказал голос прямо ей в ухо. — Давай, Гермиона. Просыпайся!

Она открыла глаза и увидела лицо Сириуса. Какой кошмарный сон, подумала она.

Обычно она никогда бы добровольно не прервала сон, в котором фигурировал Гарри, но сейчас Гермиона была рада избавиться от него.

— Сириус, — хрипло сказала она. — Привет.

Он устало улыбнулся.

— Ты очнулась, это хорошо... Извини, что кричал. У меня нет палочки, так что я делал все, что мог.

Гермиона приподнялась на локтях. Все тело ломило, как будто ее били. Она огляделась: они находились в сырой каменной клетке с решеткой вместо одной из стен. Каменная скамья стояла у противоположной стены. Они с Сириусом вроде были одни.

— О, Господи, — Гермиона села и схватила Сириуса за руку. — Гарри. И Драко! Где они?

— Я не знаю, — Сириус выглядел спокойным. — Я надеялся, что ты мне скажешь.

Она помотала головой.

— Несколько Пожирателей Смерти принесли тебя сюда, — неохотно сказал он. — Гарри и Драко с ними не было. Они запихнули тебя сюда и ушли. — Он неловко погладил ее по руке. — Ты помнишь, что случилось?

Гермиона чувствовала, как слезы подступили к глазам.

— Это было ужасно, Пожиратели Смерти схватили Драко. Они думали, что он Гарри. А Гарри... — слезы уже готовы были пролиться, но невероятным усилием она сдержала их, продолжив рассказ обо всех событиях вечера. — ...А потом Драко снял плащ-невидимку, и они... кажется... сгрудились около него. Я не видела, что случилось потом, я не видела, что стало с Драко или Гарри... Я думаю, Люций ударил меня Ошеломляющим заклятием, — теперь у нее закапали слезы. — Драко мог умереть.

— Они не убьют его, — сказал Сириус. — Они думают, что он Гарри, и хотят подвергнуть его заклятию Мучения. Для этого им нужен Волдеморт. Значит, у нас есть немного времени.

— Сколько времени надо, чтобы призвать Волдеморта? — спросила Гермиона. — Сколько времени ему надо, чтобы добраться сюда?

— Ну... — неохотно произнес Сириус. — Он, конечно, не ездит на автобусе, Гермиона. Волдеморт может телепортироваться мгновенно. Но, — добавил он, — насколько я знаю Люция, он захочет все подготовить заранее, чтобы для темного Лорда, когда тот прибудет сюда, не было никаких неприятных сюрпризов.

— Я ненавижу Люция, — страстно сказала Гермиона. — Он отвратительный, злой извращенец, носящий украшения, который не заботится о своем сыне.

— Он гораздо хуже, — Сириус слегка улыбнулся. — Он...

Он замолчал и задумчиво посмотрел на девочку.

— Что ты сказала об украшениях, которые носит Люций?

— Ну, такой отвратительный кулон, — объяснила Гермиона. — Похоже он ему очень дорог. Он все время держал его в руке, когда пытался... ну... приставал ко мне в кабинете. — Она покраснела от злости.

— Опиши его.

Гермиона рассказала: серебряная цепочка со стеклянным кулоном, в котором заключен странный маленький предмет, похожий на человеческий зуб. Когда она сказала про зуб, Сириус вскочил на ноги и начал ходить по клетке туда-сюда.

— Я так и думал... — бормотал он. — Эта мысль все время крутилась у меня в голове... Я просто не знал, как он это делает.

— Что делает? — поворачивая голову и следя за Сириусом.

— Контролирует ее.

— Кого контролирует?

— Нарциссу, — ответил Сириус, плюхаясь на скамью.

— Сириус, — сказала Гермиона, — хватит играть в загадки. Пожалуйста, говори по-английски.

— Я не знаю, как он заставил ее выйти за него замуж, — продолжал Сириус, явно думая вслух, — она всегда его ненавидела. Я думаю, он использовал заклятие Принуждения, если не заклятие Империи.

— Ты думаешь, он заставил Нарциссу выйти за него? — заинтересовалась Гермiona. — Ну конечно, это именно то, что он бы сделал, да? — она нахмурилась. — Но это не имеет смысла... Он не может держать ее под заклятием Империи или каким-то подобным семнадцать лет. Она бы умерла или сошла с ума...

— А ему и не надо было этого делать долго, только год или около того, — тихо произнес Сириус. — У него был лучший выход, — он посмотрел на обалдевшую Гермionу. — Ты слышала об Эпициклическом заклятии?

— У Люция есть книга о нем в кабинете. Там есть и заклятие Мучения, — ее передернуло. — Отвратительная вещь... я имею в виду — книга.

— Это заклятие, которое переносит частицу человеческой жизни в предмет. Это трудно объяснить, но это, очевидно, Темная Магия. Можно взять что-то у человека... чем он моложе, тем лучше... например, волосы или зуб... — и превратить это в предмет. Ну, например, кулон. Этот предмет будет содержать частицу жизни этого человека. Греки называют ее искрой жизни. Если уничтожить и повредить предмет, то...

— Убьешь этого человека? — продолжила Гермiona.

— Точно.

— Так Люций... Ты думаешь, он взял зуб Драко, когда тот был ребенком?

— Я думаю, — сказал Сириус, — что он носит на шее жизнь Драко, с тех пор, как тот родился. Конечно, Драко не знает об этом... Но Нарцисса знает. Все, что Люцию надо сделать, — это разбить кулон, и Драко умрет. Если Нарцисса бросит его...

— Но Драко его сын. Его единственный наследник — он сам так сказал.

— Он просто собственность Люция. Ты его не знаешь, но я помню его со школы. Даже тогда он уже был мастером манипулировать людьми. Драко для него — просто вещь, которой он владеет и которую контролирует.

Гермiona подумала о своих простых родителях-дантистах.

— Бедный Драко...

Гарри пронесся по коридору, молясь, чтобы его не увидели («Эй! Парень! Притормози!» — крикнул ему портрет вампира, одного из предков Драко) и влетел через двойные дубовые двери в фехтовальный зал.

Он был таким же, как и тогда, когда Люций привел его сюда в первый день — ну, или почти таким же. Gobелены со сценами битв волшебников не изменились, так же, как площадка для фехтования, но в дальнем углу было возведено какое-то странное сооружение. Такого Гарри никогда не видел.

Сверкающие лучи света шли от пола до потолка на расстоянии пяти дюймов друг от друга. Они образовывали квадрат, приблизительно пять на семь футов. Это была клетка, догадался Гарри, клетка из света... и в ней был Драко.

Гарри осторожно подошел к клетке. Было очевидно, что это сильный магический предмет, а опыт Гарри с магическими предметами подсказывал, что лучше с ними не связываться.

Драко лежал на спине на полу, глядя в потолок. На секунду Гарри испугался, что на нем Связывающее заклятие, но Драко повернул голову и почти улыбнулся.

— Привет, — сказал он.

У него был фонарь под глазом и разбитая верхняя губа. Под его левым манжетом Гарри заметил, что запястье раздулось до размеров теннисного мячика.

— Они тебя избили, — сказал Гарри.

— Да ничего, — Драко опять перевел взгляд на потолок. — Если я чему и научился, когда был ребенком, так это терпеть побои.

Гарри опустился на колени у решетки.

— Малфой, — позвал он. — Нарцисса сказала мне, ЧТО ты сделал. Это самый смелый поступок, о каком я слышал. И самый глупый. Но все-таки очень смелый.

— Спасибо, — ответил Драко. — Это, наверное, твое. Немного храбрости и немного глупости.

Гарри покачал головой.

— Я так не думаю. Хотя, — признал он, — может немного глупости — это да.

Драко натянуто улыбнулся.

— Слушай, — сказал Гарри. — Я пришел, чтобы вытащить тебя. Потом тыпустишь меня в подземелье, и мы сможем...

Драко покачал головой.

— Невозможно, — сказал он. — Я знаю, это Закрывающее заклятие. Нужен очень могущественный темный волшебник или Аурор, чтобы снять его. А сломать решетку нельзя.

Гарри не мог поверить, что Драко смирился.

— Я не оставляю тебя здесь.

— Похоже, пришло время тебе узнать, что и ты не все можешь сделать, — произнес Драко. — Может, так даже лучше для тебя.

— Но не для тебя... Давай, Малфой, думай.

— Ладно. Есть одно. — Драко опять смотрел на потолок.

— Что?

— Я думаю, ты знаешь, Поттер, — сказал Драко. — Вообще-то, это должно тебе понравиться.

Гарри обалдело помотал головой.

Драко сел и подполз к Гарри, стараясь не опираться на больную руку.

— Это очень просто, — объяснил он. — Я хочу, чтобы ты меня убил.

Гарри вытаращился на него.

— Чего?

— Я могу научить тебя делать Авада Кедавра. — Драко сказал так, как будто предлагал ему ручку. — Это нетрудно.

— Ты спятил, — воскликнул Гарри в ужасе. — Я не буду убивать тебя, Малфой.

Теперь Драко стоял на коленях напротив Гарри и очень внимательно смотрел на него.

— Подумай об этом, Поттер. Я просто умру чуть раньше, до того как они доберутся до меня и наложат это заклятие Мучения — и что случится, если оно сработает? Они наложат на меня заклятие Империи и будут использовать для того, чтобы убивать Магглов и Нечистокровных. Я могу не продержаться столько, сколько ты. У меня не такая сильная воля, но я продержусь достаточно долго, чтобы убить первого Магглорожденного, которого встречу. И, как ты думаешь, кто это будет?

Гарри закрыл глаза.

— О, нет.

— Мой отец, — продолжал Драко, — решит, что это очень забавно — заставить Гарри Поттера убить свою подружку. Если Гермиона и жива, то только для этого.

— Я ненавижу твоего отца, Малфой, — сказал Гарри, не открывая глаз.

— Да, — пробормотал Драко. — Я тоже его ненавижу.

Несколько мгновений они молчали, не глядя друг на друга, склонив в раздумье головы — светлую и темную, одна за решеткой, другая — нет.

— Действительно жаль, что мы не родственники, — в конце концов сказал Драко. — Могу поспорить твой друг Сириус там, в подземелье, вполне мог бы снять Закрывающее заклятие. Он считается могущественным волшебником.

— Да, — проговорил Гарри, — если бы... — он замолчал, потряс головой и уставился на Драко. — Вот! — выдохнул он. — Это оно! Ты гений, Малфой! Я бы тебя поцеловал, но это было бы слишком!

Драко в недоумении смотрел на него.

— А?

— Дай мне руку, — сказал Гарри.

— Зачем? — подозрительно спросил Драко.

— Просто давай и все, — нетерпеливо рявкнул Гарри. С выражением человека, которому все равно, что с ним будет, Драко просунул руку сквозь решетку и Гарри взял ее в свою. Другой же он вытащил из кармана джинсов нож, подаренный Сириусом на четырнадцатый день рождения, и раскрыл его.

Затем он резко полоснул им по ладони Драко. Кровь хлынула из раны, заливая рукав рубашки Драко.

— Эй! — крикнул Драко, пытаясь втянуть руку назад. — Ты что делаешь?

Но Гарри повернул нож к себе и порезал свою ладонь. Он уронил нож, схватил пораненную руку

Драко и крепко прижал к ней свою.

— Я тронут, что ты захотел стать моим кровным братом, — сказал Драко, глядя на их сжатые кровоточащие руки. — Но неужели сейчас подходящее время?

— Заткнись, Малфой! — Гарри улыбался как сумасшедший. — Давай, думай. Кровь Малфоев. Только кто-то с кровью Малфоев в жилах может открыть люк.

Драко открыл рот. Затем он наклонился вперед, сжал руку Гарри так сильно, что костяшки пальцев побелели.

— Что ты делаешь? — смеясь, спросил Гарри.

— А на что это похоже, Поттер? Пытаюсь, что кровь текла быстрее.

Гарри добежал до люка и положил правую руку, все еще липкую от крови — его и Драко — на ручку. Ничего не случилось, не было ни крика, ни сигнализации. Приободрившись, Гарри потянул за ручку и пролез в люк.

Он думал о том, сколько времени у них есть, пока Люций с компанией не придут за Драко. Драко — сейчас он и в мыслях называл его по имени, раньше он о таком и не думал. Особенно с тех пор, когда Гермиона начала называть Малфоя «Драко»: «Я знаю, ты не любишь Драко, Гарри, но он изменился».

Изменился. Может и изменился, думал Гарри, огибая затянутый паутиной угол.

Он был убежден, что это действие Многогусьного зелья, но было ли оно достаточно сильным не только для того, чтобы измениться и подчинить чужую жизнь своим интересам и выгоде, но и для того, чтобы героически рисковать своей жизнью ради жизни едва знакомой девочки? Гарри не был уверен. Он лишь знал, что Драко по какой-то причине спас Гермиону от пыток и, возможно, от смерти. Это делало Гарри должником Драко. Но он не собирался уподобить себя Снейпу, посвятившего свою жизнь обиде и чувству вины; он не собирался позволить Драко Малфоем умереть, пока был ему чем-то обязан.

И вот уже ворота в подземелье. Гарри поднял окровавленную руку и приложил ее к замку — тот отвалился, как будто был сделан из спагетти. Он толкнул ворота и поспешил внутрь.

Сириус и Гермиона сидели вместе на каменной скамье в дальнем конце клетки. Сириус, выглядевший очень... серьезным, что-то ей объяснял. Гермиона, удивительно красивая в атласном платье Нарциссы, кивала. Она, казалось, почувствовала, что Гарри здесь, еще до того, как он что-либо сказал; она вскочила на ноги и, пробежав через клетку, просунула руку сквозь решетку и поймала его ладонь.

— Гарри... С тобой все в порядке?

— Да... ой!

Он вскрикнул, когда она сжала его порезанную руку. Гермиона увидела кровь и ахнула:

— Люций что-нибудь...?

— Нет. И это не только моя кровь, — сказал он. — Часть крови — Драко.

Она позеленела.

— С ним все хорошо?... Он ранен?

— Они избили его, но не очень сильно. Они берегут его для Волдеморта, — натянуто проговорил Гарри. Он повернулся к Сириусу. — Ты что-нибудь знаешь о Закрывающих заклятиях?

Драко лежал на спине, глядя в потолок. Он полагал, что должен биться в панике, но — нет. Холодное умиротворение снизошло на него, и он почти ничего не чувствовал.

Гарри сейчас был в туннелях под замком. Драко закрыл глаза: ему легче было найти Гарри в темноте. Это было как струна из света, соединяющая их: он — на одном конце, Гарри — на другом; за нее как будто кто-то дергал, привлекая его внимание. Иногда было трудно найти Гарри на другом конце струны. Сейчас это было легко; он почти мог видеть его.

Странные видения, думал Драко. У меня странные видения. Но они помогали не чувствовать себя одиноким.

Гермиона уже была с Гарри. Было больно думать о ней — как будто болел зуб. Но она была жива,

и, частично, это и его заслуга. Он не жалел, что сделал то, что сделал. Обычно он стоял в стороне и смотрел, как Гарри делает сумасшедшие героические вещи, он всегда удивлялся, почему тот их делает, но теперь... Теперь он знал.

Ты просто делаешь то, что должен: только один выбор имеет смысл, только один путь — вперед, и ты идешь по нему. Это было завидно просто. Он удивлялся — почему выбор был таким легким, если Гарри не было у него в голове?

Когда дверь фехтовального зала открылась, Драко на секунду подумал, что ему это привиделось. Он медленно повернул голову.

Это был его отец.

И Люций был не один. Очень высокий мужчина в длинной мантии с капюшоном и красных перчатках стоял рядом. В руках он держал волшебную палочку. Быстро пройдя через зал к клетке, он сказал: «Либерос». Его голос оказался шипящим и наводящим ужас.

Решетка исчезла, и Драко сел, неожиданно почувствовав себя совершенно беззащитным. Высокий человек подошел ближе и впился глазами в лицо Драко. Затем он снял капюшон.

Драко едва сдержал крик. Лысый череп цвета крови — желтые узкие глаза с кошачьими зрачками — щели вместо ноздрей и — отсутствие губ.

— Люций, — сказал жуткий голос, который принадлежал, Драко теперь знал, Лорду Волдеморту. — Ты все сделал очень хорошо, право, очень хорошо.

Когда Гарри выпустил Гермиону и Сириуса из клетки, крестный отец заставил его несколько раз описать сверкающую клетку, где держали Драко, пока не был полностью удовлетворен: «Я могу снять заклятие, но мне нужна моя палочка», — сказал он.

— Ты можешь взять мою, — предложила Гермиона, но Сириус покачал головой.

— Это заклинание требует большой концентрации, мне нужна моя палочка. Я знаю, где она, я видел, как Люций спрятал ее в ящик в кабинете. Вот что: в виде собаки я доберусь туда гораздо быстрее. Значит так, я пойду вперед, а вы последуете за мной. Я сниму Закрывающее заклятие, если смогу, и встречу вас в спальне Драко.

— Что если... — Гермиона сглотнула. — Сам-знаешь-кто уже добрался до него?

Сириус хмуро глядел на нее.

— Тогда я все равно встречу вас, и мы придумаем, что делать.

Он положил руку на плечо Гарри, тот пару секунд смотрел на него, затем сказал:

— Ладно.

Сириус убрал руку и, превратившись в собаку, тут же выбежал из подземелья. Гарри и Гермиона пошли следом. Гарри молчал и выглядел очень несчастным. Он шел быстро, почти бежал.

— Драко в порядке? — спросила Гермиона. — Я имею в виду, ты сказал, что его не очень сильно избили, но, наверное, он боится.

— Ему не очень хорошо. И вообще, он просил меня убить его, — сказал Гарри, забираясь на обломок камня и протягивая руку Гермионе. Но она остановилась и уставилась на него.

— Что? А что ты ответил, Гарри?

— Я вытащил свой верный нож и полоснул его по горлу. Как ты думаешь, что я ответил? — раздраженно рывкнул Гарри. — Я сказал ему, что он псих и что не собираюсь убивать его.

Гермиона начала взбираться на камень.

— Почему? не почему ты не убил его, а почему он попросил?

— Если бы они наложили на него заклятие Мучения, это все равно бы его убило, — спокойно сказал Гарри. — Он не хотел, чтобы они сделали это, не хотел закончить свое существование, убивая людей. Он сказал, что таким образом просто умрет чуть раньше.

Гермиона опять замерла. Гарри начало казаться, что они вообще никогда отсюда не уйдут.

— Гарри... — сказала она.

— Что?

— Это то, что ты говорил. На первом курсе, когда собирался идти за Философским камнем... ты сказал, что если Сам-знаешь-кто убьет тебя, то ты просто умрешь чуть раньше.

Они посмотрели друг на друга.

— Ты думаешь, это я говорил? — горько спросил Гарри. Гермиона выглядела очень несчастной.

— Я не знаю, я не хочу так думать.

— Я не думаю, что это я, — неожиданно произнес Гарри.

Гермиона улыбнулась.

— Я надеюсь, нет, я уже пригласила его приехать ко мне на каникулах.

Теперь замер Гарри.

— Он превратит всю твою семью в жаб, Гермиона, — озвучил он ее собственные страхи.

— Не превратит, — упрямо сказала она. — Моим родителям он понравится. У него хорошие манеры, и он хорошо одевается хорошо, и... и читал «Историю Хогвартса».

Гарри повернулся и подошел к Гермионе. Взял ее за плечи и внимательно посмотрел ей в лицо — он раньше никогда так не делал.

— Он тебе нравится, Гермиона? Я знаю, ты целовалась с ним и все такое... но скажи: он тебе нравится?

— Да, — к собственному удивлению призналась она. — Да, мне он нравится.

— Ты его любишь?

— Гарри!

— Могла бы ты полюбить его?

— Да! — воскликнула Гермиона. — Могла бы! — Она попыталась вырваться, но Гарри держал ее крепко. — Меня уже достали эти отношения братьев и сестер, Гарри, — резко добавила она. — Мне не двенадцать лет, я не идиотка, и это мое дело, с кем я хочу...

— Гермиона, — оборвал он, — ты такая глупая.

И он поцеловал ее.

Этот поцелуй было иным, нежели поцелуй Драко. Целоваться с Драко было сладко, опьяняюще и забавно. Целоваться с Гарри было совсем не так: для Гермионы это была кульминация шести лет безответной любви, шести лет преданности и обид, шести лет надежды, тоски и отчаяния... Будто бомба взорвалась у нее в голове. Она прильнула к Гарри, словно иначе могла упасть, чувствуя, как он сжал ее плечи с силой, причиняющей боль... У нее потом будут синяки... но ей было все равно. Она не могла дышать... но ей было все равно. В спину впивался камень... но ей было все равно. Она чувствовала, как сердце Гарри бьется рядом с ее собственным, и только это имело значение.

Она была потрясена, когда он ее отпустил и отступил назад. Она видела, как вздымается его грудь — словно он бежал. Он продолжал и продолжал отходить, глядя на нее с выражением, очень похожим на ужас, пока не оказался у противоположной стены.

— Извини, — сказал Гарри. — Я не хотел этого делать. Прости меня.

Она была ошеломлена.

— Что? Почему ты просишь прощения?

— Это... — он показал на нее и на себя. — Ты и я. Все и так уже перемешалось. Я не хотел сделать хуже.

— Хуже? — Гермиона в шоке смотрела на него. — Ты считаешь, что целовать меня — плохо?

— Нет! Целовать тебя... было здорово, — тихо сказал Гарри. Затем он решительно выпрямился. — Но я все равно не собираюсь делать это еще раз.

— Почему?

— Потому, — Гарри вытащил из кармана ножик и вертел его в руках. На лезвии все еще была кровь. — Это было бы неправильно.

— Неправильно? («Он что, чокнулся?») Драко был прав, — сказала она. — Ты спятил.

— Нет. Я много думал об этом, Гермиона. Не считай, что я просто...

— Ты не хочешь узнать, что я думаю? — взорвалась она.

— Хочу, — Гарри выглядел несчастным и отчаявшимся, но у Гермионы не осталось терпения, чтобы жалеть его. Она сделала два шага вперед и схватила его за рубашку.

— Скажи это.

Он отвел взгляд.

— Я не могу.

— Скажи это, Гарри.

Теперь он выглядел рассерженным и ужасно упрямым.

— Если ты просишь сказать, что я к тебе чувствую, то я не могу. Не могу и не скажу.

— Я уже спрашивала тебя, — напомнила Гермиона. — И никогда не спрошу опять. Все, Гарри, это твой последний шанс, понял?

— Я не могу, — повторил он.

— Хорошо, — она отпихнула его. Ножик упал на пол, Гермиона наклонилась, чтобы поднять его. Когда она выпрямилась, Гарри смотрел на нее.

— Хорошо? — неверяще переспросил он.

— Да, — она подала ему нож. Он машинально взял его. — Хорошо. Шесть лет я думала, был ли ты предназначен для меня. А теперь я знаю, что нет.

Глаза Гарри расширились.

— Гермиона, я...

Но она уже шла прочь. Гарри постоял секунду, крепко сжимая нож, затем последовал за ней.

В облике собаки Сириус промчался по коридорам подземелья и проскользнул через люк. Стараясь оставаться незамеченным, он крался к кабинету Люция. Большая удача, что в замке никого пусто, — думал он. Он не представлял, куда девались Люций и его Пожиратели Смерти, но поблизости их, похоже, не было.

Лапой он нажал на ручку двери кабинета Люция и забежал внутрь. То, что он там увидел, привело его в такой шок, что он вернулся в человеческое обличье и вскрикнул.

За письменным столом Люция сидела Нарцисса, очень бледная. Она держала в руках волшебную палочку Сириуса. Когда она увидела его, взгляд ее начал метаться по комнате.

— Сириус, — сказала она и трясущейся рукой протянула ему палочку. — Я знаю, ты пришел за этим. Бери скорее и уходи.

Он взял палочку. Он ужасно хотел прикоснуться к ее руке, но сдержался.

— Фехтовальный зал, — спросил он, — как мне добраться туда?

Она покачала головой.

— Просто уходи, Сириус.

— Нарцисса, мне нужно найти Гарри прежде, чем его найдет Темный Лорд. Понимаешь?

— Я понимаю, — ответила она. — Но Темный Лорд уже нашел его.

Драко не мог поверить в то, каким ужасным оказался Волдеморт. Он никогда не задумывался, какой он, просто представлял себе что-то вроде еще одного Пожирателя Смерти, ну, может, чуть выше или бледнее, — но все же человека. Глядя в кошачьи глаза и безносое лицо, Драко вдруг пожалел Гарри.

Постоянно видеть во сне эту рожу. Какой ужас.

Драко полагал, что должен бояться, однако страха не было — он сам не знал, почему.

Отчасти, полагал он, это потому, что на конце невидимой струны он еще чувствовал Гарри и Гермиону, идущих по коридорам, ищущих его, он ощущал их беспокойство. Это помогало не чувствовать себя одиноким, хотя он знал, что они не успеют добраться до него вовремя.

Драко посмотрел на своего отца, в глазах которого были беспокойство и надежда одновременно.

— Вы довольны, Господин?

— Да, — ответил Волдеморт. — Люций, вы с Пожирателями Смерти сделали все очень хорошо.

— Люций и Пожиратели Смерти, — сказал Драко, надеясь, что его голос не будет хриплым. — Прямо-таки название рок-группы.

Люций и Волдеморт уставились на него. Драко смотрел на них. Если ему придется умереть, он собирался сделать это, доставив им хоть пару неприятных минут. Последнее обычно ему удавалось.

Темный Лорд наклонился и положил руку на лоб Драко, прямо на шрам. Рука была ледяной.

— Мое прикосновение обжигает тебя? — спросил он своим кошмарным голосом. — Тебе больно, Гарри Поттер?

— Нет, — ответил Драко. — Но щекотно до ужаса.

Стало ясно, что у Волдеморта не было чувства юмора. Он взглянул на Люция, который тупо

таращился на него и пожимал плечами.

— Он лжет, — сказал Люций.

Волдеморт сузил кошачьи глаза.

— Да?

Он снял одну из перчаток. Рука под ней оказалась темно-красного, кирпичного цвета с длинными черными ногтями, с ладонью, испещренной глубокими шрамами, как от заживших порезов и ран.

— Возьми мою руку, Гарри Поттер, — приказал он, протягивая руку Драко.

— ни за что, пока не намажете каким-нибудь лосьоном эти раны, — ответил Драко, — они выглядят отвратительно.

— Возьми мою руку!

Рука Волдеморта со скоростью змею скользнула к Драко, схватила его руку и сжала. Это была рука, которую Гарри порезал, и боль была сильной. На ощупь рука Темного Лорда была сухой, как кожа ящерицы. И пульса у него вообще не было.

Драко отдернул свою руку, как только смог.

Темный Лорд повернулся к Люцию с выражением лица, которое никак нельзя было назвать приятным.

— Это что — какая-то шутка, Люций?

— Я не... я не знаю, что вы имеет в виду, — начал заикаться Люций.

— Это, — Волдеморт презрительно махнул рукой на Драко. — Это не Гарри Поттер. Ты думал, этот маскарад одурачит меня? Меня, в чьих жилах течет кровь Гарри Поттера? Я не знаю, кто это — какой-нибудь Маггл, которого вы напоили Многосущным зельем?... Чего вы собирались добиться, Люций?

Лицо Люция Малфоя приобрело оттенок домашнего сыра.

— Не... Гарри... Поттер...? — булькнул он.

— Не притворяйся, что не знал, — рявкнул Волдеморт, но Люций был в слишком глубоком шоке, чтобы ответить. Он пялился на Драко. Драко помахал ему в ответ.

— Кто ты? — тихо спросил Люций. — Один из дружков Поттера?

— Едва ли, — ответил Драко.

— Есть очень простой способ разрешить вопрос, Люций. — Волдеморт вынул палочку и ткнул ее в шею Драко, причинив ему боль. — Заклихваем!

Секунду все было по-прежнему, и Драко был уверен, что заклинание не сработало.

Потом ощущение тающей кожи накатило на него, сопровождаясь болью, бегущей по нервам, как рой маленьких острых стрел. С него как будто сдирали кожу, кости плавились и трансформировались. Он согнулся пополам и упал на колени, еле дыша. Казалось, что он видит свое тело издалека, видит как оно меняется. И он увидел, как струна между ним и Гарри оборвалась, словно перегруженная леска. Образ Гарри, который он мог видеть, когда закрывал глаза, тоже растворился в темноте... — и он остался один.

Драко медленно сел, чувствуя, как боль уходит. Он все еще плохо видел... но это, догадался он, потому что он все еще был в очках Гарри... теперь они были не нужны. Он хотел снять их, но руки тряслись так, что ему понадобились три попытки, чтобы наконец-то сделать это.

Драко поднял глаза. Его отец и Волдеморт глядели на него: Волдеморт с любопытством, а Люций с выражением, ясно говорящим, что все его ночные кошмары сбылись в этот ужасный миг.

— Разве это не твой сын, Люций? — спросил Темный Лорд.

Глава 9. Люций и Пожиратели Смерти

— Привет, отец, — сказал Драко.

Люций был похож на человека, которого заставили проглотить лимон, после чего он неожиданно обнаружил, что к лимону привязан кирпич.

— Драко?

— Он действительно очень на тебя похож, Люций, — взглянул на Драко Волдеморт. — Особенно глаза. — Он поднял палочку. — Жаль, придется их выжечь.

— Господин, — отчаянно произнес Люций, поворачиваясь к Волдеморту. — Пожалуйста, поверь мне... — на одно безумное мгновение Драко подумал, что отец собирается просить за его жизнь. — Пожалуйста, поверь, я ничего не знал.

— Странно, но я верю тебе, Люций, — сказал Волдеморт. — Ты всегда был ужасно глуп и меня не удивляет, что ты не знал о делишках твоего сына. Но это не меняет дела: он предатель и должен умереть.

— Могу я высказать предложение, Господин? — спросил Люций.

— Отец... — снова попробовал Драко.

Люций не обратил на него ни малейшего внимания.

— Только быстро, — согласился Темный Лорд.

— Заклинание Истины, — продолжил Люций. — Возможно, даже очень возможно, что Драко знает, где сейчас настоящий Гарри Поттер... Если это Многосущное зелье, то он должен быть поблизости... Волдеморт холодно улыбнулся.

— Прекрасная идея.

Он опять достал палочку и направил на Драко.

— Отец... — повторил тот.

— Веритас, — прошипел Темный Лорд.

И вот, второй раз в жизни крюки впились в грудь Драко и начали раздирать ее, он задышался от боли и ужаса, что над ним так издеваются. Это было куда хуже, чем в прошлый раз, может, потому, что в этот раз он сопротивлялся. Бесполезно. Что бы он ни хотел сказать, когда открывал рот, он знал, что скажет только правду.

Волдеморт начал с простого.

— Как тебя зовут?

— Драко Томас Малфой.

— В честь меня, Люций, — похвалил Волдеморт. — Как забавно.

Люций глупо улыбнулся.

— Где Гарри Поттер?

Драко прикусил губу. Но никакого результата.

— Я не знаю, — с облегчением услышал он себя. Струна, которая соединяла его с Гарри, лопнула, и он больше не знал, где находится Гарри.

— Почему у тебя была его внешность? Почему ты им притворялся?

— Мой отец хотел убить Гермиону, — отвечал Драко. — Я не мог позволить ему это сделать.

Люций был крайне удивлен.

— Она что, и правда твоя девушка?

— Нет, — сказал Драко. — Она лучшая подруга Гарри.

— Ты счел нужным рисковать жизнью ради чьей-то лучшей подруги? — спросил Темный Лорд. — Почему?

— Я люблю ее, — покраснел Драко. До этого он думал, что большее унижение невозможно. Оказывается, он ошибался.

— Боже, как волнующе, — чуть более заинтересованно произнес Волдеморт. — Почему бы тебе не рассказать нам, юный Малфой, как ты попал в этот дом с лучшей подругой Гарри Поттера, которую ты... гм... любишь, и Гарри Поттером, который, видимо, притворяется тобой?

— Не скажу, — Драко пытался встать на колени. На лице было что-то мокрое; когда он поднял руку, чтобы утереться, рука стала красной. Кровь. Он прокусил губу. — Нет.

Но подняться Драко не смог. Чувство, будто тебя разрывают пополам и боль в груди были

слишком сильны. Он упал на пол.

— Отец, — услышал он собственный голос, и содрогнулся от того, как по-детски он звучал, — отец, пожалуйста...

Люций неловко повернулся.

— Может, Вам стоит повторить заклятие снова, Господин?

— Пожалуй. — Волдеморт так и поступил.

Они были почти у самых ступеней, ведущих вверх в кабинет, когда Гарри громко вскрикнул. Гермиона с удивлением развернулась.

— Гарри, — позвала она. — Ты уверен, что с тобой все в порядке...?

Его ответ она не разобрала: он согнулся, как от боли, и темным комом, закрыв лицо руками, рухнул на пол. Она подбежала к нему, и он поднял голову.

— Гермиона? Это ты?

Она уже собиралась раздраженно что-то сказать, когда свет ее палочки упал ему на лицо. И вместо ответа у нее вырвался крик. Она зажала рот ладонью и уставилась на него.

— Гарри, — наконец выдохнула она. — Это ты.

— Конечно это я, — раздраженно ответил он. — Ты что, надеялась увидеть Люция? А, проехали.

— Заткнись, — сказала она. — Я серьезно, Гарри, это действительно ты... ты вернулся, понимаешь?

Так оно и было: растрепанные черные волосы, зеленые глаза, шрам-молния и все остальное. Он отнял ладони от лица и слегка улыбнулся.

— Похоже на то. Эта кошмарная боль и... я опять ничего не вижу.

Гермиона не могла отвести от него взгляд. Было так странно опять видеть его лицо как ЕГО лицо; знакомые черты вновь оживали, обретая ту душу, что принадлежала им всегда. Она смотрела на него в абсолютном молчании.

Наконец она сказала.

— Теперь ведь уже так не больно, да?

Он покачал головой.

— Нет, но... — он не договорил. — Хорошо бы я мог снова видеть.

Гермиона встал рядом с ним на колени.

— Я могу вылечить твои глаза, Гарри. Хочешь?

Мгновение он молчал, кусая губу. Затем неохотно сказал:

— Думаю, да.

Гермиона знала, почему Гарри никому не разрешал исправлять его зрение: это было его изюминкой — что-то вроде знака Гарри Поттера. И, нравилось ему в очках или нет, но если бы он от них избавился, то Ведьмовский Еженедельник тут же начал бы пожинать лавры сплетен.

Они уже насочиняли историй о том, как он стрижет волосы (в ванной, сам, маникюрными ножницами) и где он берет свою одежду («Я просто позволяю Хагриду выбирать ее для меня»). Если он еще избавится и от очков, то там, наверняка, появятся заголовки типа **«ГАРРИ ПОТТЕР СЛИШКОМ ТЩЕСЛАВЕН, ЧТОБЫ НОСИТЬ ОЧКИ»**; **«МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ УЦЕЛЕЛ, СЛИШКОМ МНОГО ВООБРАЖАЕТ?»**, а Гарри ненавидел подобные вещи.

— Это только на время, — мягко произнесла Гермиона. — Корректирующее заклятие. Пока мы не найдем твои очки.

— Хорошо, — он закрыл глаза.

Она вынула палочку и коснулась кончиком его век. Затем она нагнулась вперед и прижала пальцы к его вискам.

— Не дергайся, — посоветовала Гермиона, и он взял ее за запястья, чтобы сидеть спокойно. — Окулус!

Гарри подскочил, как будто его ударили, и открыл глаза. Улыбка медленно расползлась на его лице.

— Привет. Спасибо, Гермиона.

Волдеморт измывался над ним всего лишь пятнадцать минут, но Драко они показались часами. Ему удалось отвлечь себя, и теперь он словно бы издалека слушал свой голос, рассказывавший отцу и Темному Лорду все: начиная с того момента, когда он превратился в Гарри, до последнего предположения, что Гарри находится в подземелье, спасает Сириуса.

Когда ему больше нечего было сказать, Волдеморт снял заклятие Истины. Драко испытал огромное облегчение и столь же огромное чувство вины.

— Ну, — услышал он своего отца, — может нам стоит поискать Поттера внизу, Господин?

— Нет, не нужно. — Волдеморт был доволен. — Нам надо только ждать. Гарри Поттер сам придет к нам. Он придет за твоим сыном.

Люций колебался.

— Но Милорд... они даже не друзья, Драко говорил...

Волдеморт покачал головой.

— Я знаю Гарри Поттера, — сказал он. — Он такой же, как и его отец. Он придет за твоим сыном, Люций. Я уверен.

Когда они поднялись к кабинету, Сириус уже ждал их там в своем собачьем обличье. Гарри открыл было рот, чтобы что-то сказать, то Сириус покачал головой и показал, чтобы они следовали за ним. Они побежали — через холл к кабинету Люция, в дверь, которую Сириус открыл лапой.

Нарцисса сидела за столом Люция, так же, как тогда, когда Сириус нашел ее. Только теперь она опустила голову на руки и горько плакала.

Сириус превратился в человека так быстро, что раздался хлопок. Он мотнул головой в сторону Нарциссы.

— Я должен все ей рассказать, — тихо сказал он Гарри и Гермионе. — Она очень расстроена. — Он посмотрел на Гарри. — Ты вернулся? Я так и думал.

Гарри был удивлен.

— Почему ты так думал?

Сириус топнул ногой, вид у него был несчастный.

— Волдеморт уже здесь, — сказал он, глядя на Гермиону. — Он здесь, чтобы найти Гарри...

Сириус вздохнул.

— Ну, я имею в виду, он бы сразу понял, что Драко — не ты, ведь так? Он наверняка снял заклятие.

Гермиона была потрясена и обеспокоена; Гарри, как обычно, не выказал удивления — только покорность судьбе.

— Я так и думал, — тихо произнес он. — Мой шрам болит уже почти час.

Гермиона была в ярости.

— Почему ты не сказал мне?

Гарри раздраженно глянул на нее, и она вспомнила, что час назад они с Гарри целовались в подземелье, после чего она его с большой страстью послала подальше. Видимо, это не показалось ему удачным моментом, чтобы жаловаться на боль.

— Ой, — покраснела она. — Извини.

Гарри повернулся к Сириусу.

— Ты думаешь, с Драко всё в порядке? — он нервно посмотрел на Нарциссу и понизил голос. — Думаешь, они жив?

Сириус пожал плечами.

— Не знаю. Темный Лорд мог убить его в припадке ярости. Но, с другой стороны, Драко — сын его самого близкого и могущественного Пожирателя Смерти... Если Драко сможет их убедить, что действовал под влиянием Многосущного зелья... если он расскажет Лорду о тебе...

— Он не сделает этого, — резко перебила его Гермиона.

— Может, и нет, — осторожно сказал Сириус. Но ни он, ни Гарри не осмелились посмотреть ей в глаза.

— С Нарциссой все будет хорошо? — в конце концов, нарушил молчание Гарри.

— Надеюсь, — сказал Сириус. — Люций... — Сириус произнес это имя с особенной ненавистью, — Люций так долго держал ее под разными заклятиями: Принуждающим, временами — заклятием Империи. Ей запрещено иметь волшебную палочку, запрещено лгать ему, под страхом смерти запрещено произносить имя Люция, на случай если она захочет использовать его в проклятии.

Гермиона покачала головой.

— Не было бы легче просто жениться на той, которой он нравился?

— Люди, такие как Люций, не делают что-то только потому, что это легко, — горько ответил Сириус. — Они делают все, чтобы показать насколько они могущественны. Люций хотел жениться на самой красивой девушке в школе. И женился.

— Его надо посадить в Азкабан, — зло сказала Гермиона.

— А нам надо спасти Драко, — добавил Гарри.

Гермиона передернулась.

— Мне надо встретиться с ним, — хмуро сказал Гарри.

— И что дальше, Гарри?

— Я поменяю себя на Драко.

— Ну, конечно, — разозлилась Гермиона, — ведь Волдеморт известен тем, что твердо держит слово.

— Я так понимаю, Гермиона имеет в виду, что он все равно убьет тебя. Признаться, я думаю, что он ждет, что ты именно так и поступишь.

— Ну, мы все равно не можем оставить его Люцию и Волдеморту, — запротестовал Гарри. — И Пожирателям Смерти.

— Пожиратели Смерти не с ними, — произнес слабый голос. Это была Нарцисса. Она вытирала глаза. — Они внизу, в бальном зале, готовят заклятие Мучения.

Сириус сел рядом с Нарциссой и обнял ее за плечи.

— Не волнуйся, — сказал он, — с ним все будет хорошо.

Но голос его звучал неуверенно.

Гарри посмотрел на Гермиону, ища поддержки, но та задумалась. Она прошла к шкафу и взяла толстую зеленую книгу — «Энциклопедическое Совершенствование Волшебства».

Сириус повернулся и посмотрел на нее.

— Гермиона, что ты делаешь?

— Ш-ш-ш, — Гарри приложил палец к губам, — пусть.

Гермиона быстро листала страницы.

— Я подумала... может... если бы мы смогли... Это было бы...

Сириус был в замешательстве, Нарцисса тоже, а Гарри просто стоял, смотрел, как она читала, и старался не шуметь. Наконец она отложила книгу и повернулась к Сириусу:

— У меня идея.

Сириус с сомнением смотрел на нее.

— Это хорошо, — заверил его Гарри. — У Гермионы замечательные идеи.

— Но будет нужна Ваша помощь, Нарцисса, — добавила Гермиона.

Теперь даже Гарри засомневался. Однако Нарцисса выпрямилась на стуле:

— Что мне надо делать?

Волдеморт приказал Люцию приглядывать за сыном, а сам отошел к окну.

Драко оказался наедине с отцом. Если Драко ожидал, что Люций будет извиняться за то, что причинил сыну боль, то он был разочарован. Малфой-старший просто посмотрел на сына и произнес:

— Ты огорчил меня, мальчик.

Несмотря ни на что, Драко был впечатлен тем, что его отец абсолютно не испытывает угрызений совести — у него аж дыхание перехватило.

— Может, тебе надо было лучше учить меня, — предположил он.

Люций нахмурился.

— Твое чувство юмора тебе не поможет. Если бы ты выказал немного раскаяния в содеянном, то Темный Лорд простил бы тебя. Он возлагал на тебя большие надежды, Драко. Он может быть снисходительным. И если ты и правда действовал под влиянием Многосушного зелья...

Драко покачал головой.

— Боюсь, я снова разочарую тебя, отец, — сказал он. — У меня нет никакого желания присоединиться к Темному Лорду, я не вижу в нем того, что видишь ты. Не очень уравновешен и не слишком красив, — подумав, добавил он.

— Не знаю, чего ты пытаешься добиться, не слушаясь меня, Драко, — сказал Люций раздраженно, как обычный отец, обнаруживший, что его сын-подросток взял машину и въехал на ней в столб.

— Если ты сам не знаешь, отец, — холодно произнес Драко, — то и я не буду тебе объяснять.

— А если ты не прекратишь вести себя так, — голос Люция был ледяным, — то я больше не буду твоим отцом.

После этого они сидели в молчании.

Гарри, Гермиона и Сириус, не глядя друг на друга, нервно расхаживали по кабинету. Нарциссы не было уже пять минут. Когда дверь, наконец, открылась, и Нарцисса вошла в комнату, неся большой завернутый предмет, Сириус был так рад, что несколько раз превратился в собаку и обратно в человека.

— Остановись, Сириус, — сказал Гарри, хотя был видно, что и он рад. — Тебе вредно волноваться.

Нарцисса положила сверток на стол и отошла. Остальные сгрудились вокруг стола.

— Я сказала, что отнесу это Люцию, — в голосе Нарциссы звучала нотка удовольствия. — Чем больше я сопротивляюсь, тем легче это дается. Я думаю, что уже могу называть его по имени.

Гарри, Гермиона и Сириус отпрянули.

— Но не буду, — добавила она.

Гермиона рванула назад к столу и развернула предмет. Все шумно вздохнули. Огромная металлическая рука лежала перед ней, ужасная и уродливая. Каждый из семи пальцев заканчивался лезвием, вся поверхность руки была покрыта гротескными изображениями Знака Мрака. Несмотря на то, что она была пустой внутри, рука выглядела тяжелой.

Гарри смотрел на нее с отвращением.

— Это рука Мучения?

— Ужасная, правда? — кивнула Гермиона.

— Но она хороша тем, что Волдеморт не сможет заставить Драко использовать ее, — сказал Гарри. — Драко ни за что не будет носить такую вещь. Ну, может только, если сказать ему, что это Армани.

— Заткнись, Гарри, — рассеянно одернула его Гермиона. — У нас только пара минут, чтобы все сделать, пока Нарциссе не надо будет нести это Сам-Знаешь-Кому. Дайте мне поработать с ней.

Пока Гермиона работала, Сириус потянул Нарциссу в угол.

— Ты все сделала хорошо, — успокаивал ее он. — Мы знаем, это тяжело для тебя...

— Я делаю это для Драко, — отрезала она.

— Я знаю.

— И, когда все это закончится, — продолжала Нарцисса, — ты ведь понимаешь, что мне придется остаться здесь, правда? Я не осмелюсь уйти, пока у отца Драко есть этот кулон...

— Но разве Люций не подумает...

Нарцисса покачала головой.

— Он никогда не подумает, что я сделала что-то против него по собственной воле... по крайней мере, не после этих семнадцати лет. Но если я уйду с тобой...

— Я понимаю, — несчастно кивнул Сириус.

Нарцисса улыбнулась. Он впервые за восемнадцать лет увидел ее улыбку — это напомнило ему о детстве.

— Все будет хорошо, Сириус, — пообещала она.
 — Да, возможно... — ответил он.

Драко так устал, что, если бы у него не болело так все тело, он бы заснул там, где лежал, — на полу фехтовального зала. Он едва услышал, как открылась дверь и вошла Нарцисса.

— Они просили меня принести тебе это, — обратилась она к Люцию и без церемоний отдала ему руку Мучения.

Люций был сильно удивлен.

— Что?... Почему?

— Гарри Поттер в замке, — абсолютно искренне сообщила ему Нарцисса. — Он сейчас идет сюда.

Это тут же вернуло Драко к происходящему. Он сел и уставился на мать, даже не взглянув на него. Происходило что-то странное, он был уверен в этом. Ему казалось, что это не очень похоже на Пожирателей Смерти — попросить Нарциссу отнести такой могущественный и важный магический предмет Люцию без них. Если только у них не было на это причины, о которой она не упомянула...

Люция одолевала те же подозрения, но он не хотел ничего говорить перед Волдемортом: сегодня он уже продемонстрировал Темному Лорду, что не может держать в узде собственную семью, и, естественно, он не желал показывать свою несостоятельность еще раз. Вместо этого он поднял левую руку и сказал в Знак Мрака:

— Червехвост. МакНейр. Идите сюда и приводите всех.

Тотчас в комнате начали телепортироваться Пожиратели Смерти: Червехвост, МакНейр, Забини, Розье, Паркинсон и многие другие — люди, которых Драко знал с детства, с детьми которых играл. Никто из них не смотрел на него — сломленного, сидящего на полу в крови.

Волдеморт отвернулся от окна.

— Гарри Поттер здесь, — произнес он, разминая пальцы. — Он за дверью.

Его голос ударил Пожирателей Смерти не хуже хлыста. Они стали внимательно осматриваться. Драко увидел, как Нарцисса отошла от группы и вышла из зала через боковую дверь.

В коридоре четко раздались шаги. Двойные двери распахнулись — сначала одна половина, потом другая. Сам того не осознавая, Драко стиснул руки.

В полной тишине вошел Сириус в своем собачьем облике. За ним — Гермиона, очень бледная и взволнованная. И после нее появился Гарри. Вдох пробежал по группе Пожирателей Смерти, как ветер по веткам. Гарри был еще бледнее Гермионы, какого-то пепельного цвета, но вид у него был весьма решительный. На нем не было очков, и от этого он выглядел моложе, чем на самом деле. И на его руке, и на мантии все еще была запекшаяся кровь, часть — его, часть — Драко.

— Я здесь, — объявил он.

Волдеморт, стоя в центре круга, образованного Пожирателями Смерти, рассмеялся.

— И я знаю почему, — сказал он. — Ты пришел за ним, — он ткнул в Драко.

— Да.

— Он того не стоит, Гарри Поттер, — продолжил Волдеморт. — Как ты думаешь, что он тут делал все утро, пока ты был занят спасение своего четвероногого друга? Он рассказывал нам все. С тех пор как я снял заклятие, связывающее вас, — я должен обязательно выяснить, как это было сделано, это просто гениально, — он здесь пел нам очень любопытную песенку.

— Я не верю в это, — крикнула Гермиона. — Вы лжете! Вы могли узнать, что Гарри здесь и без помощи Драко!

Волдеморт бросил на нее свой ядовитый взгляд:

— Тебе, должно быть, понравилось проводить время в шкафу с юным Малфоем, раз ты так самоотверженно защищаешь его.

Краска залила лицо Гермионы. Драко пытался поймать ее взгляд, но она не смотрела в его сторону.

— Тогда... тогда вы пытали его, — произнесла она уже менее уверенно.

— Не понимаю, зачем мне пытать его ради информации, что он целовался в шкафу с глупой девчонкой. Нет, он рассказал все сам, по своему желанию.

Гермиона промолчала, но из ее глаз начали капать слезы.

— Да какая разница... в любом случае, — продолжил Волдеморт, поворачиваясь к Гарри, — у меня на руках все козыри, у тебя — ни одного. Я с трудом верю, что ты так безнадежно глуп, что пришел сюда, думая, что сможешь меня победить. Но я знаю твоего отца, мальчик... это именно то, что бы сделал он. Вы оба скорее глупые, чем храбрые.

Гарри вынул палочку.

— У меня есть это. Ты не осмелишься биться со мной на дуэли, пока она у меня.

— Не осмелюсь, — ответил Волдеморт и щелкнул пальцами. Из воздуха появились веревки и обмотали Гарри, привязав к телу его руку с палочкой. Волдеморт подошел, выхватил палочку и бросил ее на пол. — А теперь у тебя ее нет. — Он посмотрел задумчиво на Сириуса и Гермиону. — Я мог бы убить твоих друзей, — тихо шепнул он прямо в ухо Гарри. — Но будет гораздо интереснее позволить это сделать тебе.

Гарри ничего не сказал, лишь с ненавистью смотрел на Темного Лорда.

Волдеморт еще раз щелкнул пальцами, рука Мучения вылетела из объятий Люция и приземлилась на его ладонь. Несмотря на удобу, Темный Лорд был весьма силен: он повертел руку Мучения, словно это была палка, затем поднял руку Гарри — ту, которая не была привязана к телу — и надел на нее руку Мучения, как будто это была огромная, не по размеру, перчатка.

Гарри громко вскрикнул. Веревки, связывающие его, упали, и он, корчась, рухнул на землю, словно рука жгла его огнем. Драко видел, как металл растягивается и сужается, подгоняя себя под размер руки Гарри, охватывая предплечье металлическими браслетами.

Драко сжал свою руку в приступе боли, не догадываясь, что делает это так же, как Гарри.

Наконец Гарри сел. И тут даже Пожиратели Смерти вздохнули. Рука Гарри стала оружием из металла и лезвий, несущих смерть. Серебро руки Мучения распространилось и по левой части его груди, а вокруг было что-то вроде ореола черного света — вернее, анти-ореола, мерцающего и темного. Его кожа казалась очень бледной в этом странно свете, глаза мерцали, как изумруды. Он выглядел не человеком.

Драко услышал, как Гермиона всхлипнула.

— Гарри, — промурлыкал Темный Лорд. — Что ты?

— Я оружие, — голос Гарри был странно отчужденным. — Я твое оружие.

Темный Лорд ухмыльнулся и повернулся к Люцию.

— Я не уверен что нам даже понадобится заклятие Империиус. Но лучше перестраховаться, чем жалеть потом.

Он направил палочку на Гарри:

— Империио!

Гарри наклонил голову, когда луч зеленого света ударил в него. Когда он поднял ее опять, его взгляд был расфокусированным.

— Так, — произнес Волдеморт, — Теперь, Гарри, направь руку на... нее... — он показал на Гермиону. — На твою маленькую подружку. Давай.

Гарри повернулся, металлические пальцы-лезвия были сжаты в кулак. Он поднял руку и направил ее на Гермиону, смотрящую на него широко распахнутыми глазами.

— А ты говорил, что я глупец, — произнес он и развернулся, теперь рука Мучения указывала на Волдеморта и кучку Пожирателей Смерти вокруг него. Гарри шагнул в их сторону — медленно, как будто преодолевая сопротивление.

— Видишь ли, заклятие Империиус на меня не действует, — сообщил он Волдеморту. — Тебе следовало придумать что-нибудь получше, чем дать врагу смертельное оружие.

— Оно вряд ли смертельно для меня, — резко ответил Волдеморт. — Ты, идиот.

— Может, нет, — произнес Гарри, — а может и да.

И он раскрыл ладонь.

Серебряные лезвия разошлись, и из руки вылетел яркий сноп голубоватого света. Сила его была так велика, что Гарри отбросило назад. Драко вжался в землю, когда язык голубого пламени промчался у него над головой. Сноп света ударил в стену и разбил выставочный стеклянный ящик со старинными мечами, которые с лязгом рухнули на пол.

Гарри упал на колени, но все еще направлял луч на Люция и Пожирателей Смерти. Драко увидел,

как свет ударил в одного... другого... затем остальных Пожирателей, и услышал их крики, когда свет закрутился вокруг них, как веревки Волдеморта вокруг Гарри. Одного за другим их сбивало с ног, включая Люция — они вопили и... исчезали.

Волдеморт пропал последним. Казалось, он держался только на силе ненависти к Гарри. Но Гарри поднял руку и опять направил на Темного Лорда — и тот тоже испарился, унеся с собой голубой свет. Гарри рухнул на пол, как подкошенный.

Драко поднялся на ноги и бросился к нему, но Гермиона была быстрее, она упала рядом с ним на колени.

Похоже, Гарри умирал. Она схватила его уродливую металлическую руку и начала водить вдоль нее палочкой.

Драко хотел было помочь и поддержать руку Гарри, но Гермиона, вся бледная и отчаявшаяся, рывкнула:

— Не трогай его!

Драко отдернул руку.

С конца ее палочки сорвалась вспышка света, и металлическая рука Мучения исчезла. Гарри затрясло.

Плечи Гермионы опустились в облегчении.

— Извини, — тихо сказала она, не глядя на Драко. — Просто рука высасывала из него силы, она бы убила его через минуту. Я должна была ее снять.

— Это не было заклятие Мучения, — спокойно произнес Драко. Почему она на него не смотрит?

— Нет, — Гермиона смотрела на Гарри. — Нет. Мы изменили ее. Но рука все еще опасный Превращенный объект, и его использование может убить.

Большая слеза сбежала по ее носу и упала на лицо Гарри. Он открыл глаза.

— Перестань, — хрипло сказал он.

Гермиона улыбнулась ему, Гарри — ей.

— Ты был великолепен, Гарри... правда!

Сириус подскочил к ним, сел рядом с Гарри и взял его за руку.

— Это было классно, правда, классно, Гарри, поздравляю!

Гарри медленно сел. Он все еще был бледен, но кровь снова прилила к его лицу.

— Мы должны выбираться отсюда, — как бы между прочим сказал он, — Гермиона, ты сказала, заклятие не постоянное?

Она покачала головой.

— Это очень сильное Вихревое заклятие вместо убийственного, которое обычно заключено в руке Мучения, — объяснила она. — Оно не убьет их, но отправит подальше отсюда надолго. Оно разбросало их по всему свету. Я надеюсь, Волдеморт попадет в аквариум с пираньями в зоопарке, — зло добавила она.

Драко подумал, что, наверное, должен сказать что-нибудь, но не знал, что именно. Ему, вероятно, надо поблагодарить Гарри за спасение жизни... Но Гарри и Гермиона были заняты друг другом, улыбаясь друг другу, как идиоты, а Сириус похлопывал Гарри по спине и обращаясь с ним, как с героем.

Ладно, признал Драко, Гарри и был героем. Хотя, если бы он не притворялся Гарри, чтобы спасти жизнь Гермионы, его собственная жизнь вряд ли нуждалась бы в спасении. Кстати, Гермиона так и не поблагодарила его за это. Вообще-то она даже не знала об этом...

Забытые казалось бы чувства нахлынули вновь. Ревность, ярость и гложащий страх. ни Гарри, ни Гермиона не смотрели на него: они думали, что он предал их, они презирали его.

— Поттер, — начал он, сунул руку в карман, вынул очки Гарри и бросил ему на колени. — Твои очки.

Гарри поднял глаза.

— Спасибо, Малфой. — Но во взгляде была настороженность.

Это только распалило гнев Драко.

— Давай, спрашивай.

— Что спрашивать? — еще больше насторожился Гарри.

— Пытал ли меня Волдеморт, чтобы узнать, где ты. Тебе же интересно, так спрашивай.

— Нет, — резко сказал Гермиона. Но ни один из них ее не слушал. Они смотрели друг на друга, зеленые глаза смотрели в серые.

— Ну, — начал Гарри. — Попробуй?

— Нет, — ответил Драко.

Последовало долгое молчание.

Драко сказал:

— Ты спас мне жизнь, Поттер, — он кивнул в сторону Гермионы. — А я спас ее жизнь. Так что мы квиты.

Все молчали.

— Ладно, — наконец произнес Гарри. — Мы квиты.

Гермиона переводила взгляд с одного на другого: Гарри был все еще бледен и дрожал, а Драко был так же спокоен и собран, как если бы прошел через испытание не страшнее стрижки; хотя и одежда, и лицо его все еще были в крови.

— Драко, — позвала она, но он не взглянул на нее.

— Я не хочу ничего слышать от тебя, Грейнджер, — отрезал он.

Драко наклонился и поднял свою палочку. Выпрямившись, он засунул палочку в карман. Он все еще был в одежде Гарри — потрепанной мантии и всем остальном. Он не смотрел на Гермиону, пока делал все это, и не видел страдания на ее лице.

— Увидимся в школе, — кинул он и пошел прочь.

Гермиона схватила Гарри за руку.

— Гарри, он... не может уйти...

Гарри выглядел уставшим.

— Пусть идет, если хочет, Гермиона.

Она отчаянно помотала головой.

— Мы не выберемся отсюда без него — там только на воротах семнадцать заклятий, и лишь он знает, как снять их...

Гарри повернулся к Сириусу.

— Останови его.

Превратившись в собаку, Сириус прыгнул на Драко и толкнул его в спину — тот упал на пол, вскрикнув, перевернулся, и Сириус придавил его к земле. Гарри поднялся и следом за Гермионой медленно подошел к ним.

— Отзови своего пса, Поттер! — Драко разглядывал Сириуса с отвращением. — Я ненавижу собак.

— Ты должен быть полюбезнее с тем, кто помогал спасти тебе жизнь, — сказал Гарри.

— Я думал, мы квиты, — ответил Драко.

— Я не это имел в виду, я о Сириусе.

— Заткнитесь оба, — оборвала их Гермиона. — Нам надо идти. Драко... тебе придется пойти с нами, мы никогда не выберемся отсюда без тебя.

— И это моя проблема, потому что...?

К Драко вернулась его ирония, столь ненавидимая Гермионой.

Сириус превратился в человека, встал и резко поставил Драко на ноги.

— Я скажу, почему это твоя проблема, мой мальчик, — сказал он и щелкнул пальцами. Веревки появились из воздуха и связали руку Сириуса с рукой Драко. Прежде, чем Драко успел отреагировать, Сириус вытащил его палочку и сунул себе в карман. — Потому что я сделаю это твоей проблемой.

Драко был зол, его глаза почернели от ярости. Он ухмыльнулся Гарри и Гермионе. Это была противная, невеселая ухмылка.

— То есть ТАК вы хотите играть. Ладно же.

— Почему ты просто не пойдешь с нами? — спросила Гермиона. — Мы только пытались помочь тебе, вот и все...

— Мой отец сказал, что больше не будет моим отцом, Темный Лорд хочет моей смерти, а когда я вернусь, меня наверняка исключат из школы. Если основной идеей всего этого представления было показать мне как отвратительно быть тобой, Поттер, тогда это сработало.

Глаза Гарри вспыхнули гневом.

— Для начала, Малфой, мир крутится не вокруг тебя.

Похоже Драко ждал, что Гарри скажет именно это.

— Конечно, нет, — хмыкнул он, — потому что все крутится только вокруг тебя, да, Поттер? Наши жизни не были бы в опасности, если бы ни ты.

— Гарри — тот, кто он есть, он не виноват в этом, — голос Гермионы дрожал.

— Может быть, и нет, — ответил Драко. — Но он может не втягивать своих друзей в передраги снова и снова. Что ты будешь делать, Поттер, если однажды поскользнешься, и кто-нибудь из них погибнет? Это просто вопрос времени, только кто это будет — Висли, Человек-Собака или Грейнджер...

— Заткнись, Малфой, — мертвым голосом произнес Гарри.

— Я не думаю, что Грейнджер требует особое приглашение, чтобы умереть за тебя, — глаза Драко блестели, — Я слышал вас, там, в подземелье: Скажи это, Гарри, скажи это...

— Заткнись, — закричала Гермиона, и Драко засмеялся.

— Он просто пытается нас разозлить, чтобы мы его отпустили, — сказал Гарри таким же мертвым голосом. — Ну так это не поможет.

И пошел. На полпути к дверям, он остановился, нагнулся и поднял один из мечей, которые вывалились из выставочного ящика. Он засунул его за пояс, повернулся и посмотрел на остальных.

— Мы идем, — сказал он. — Прямо сейчас.

Время шло к полуночи, и небо над Имением Малфоев казалось перевернутой черной чашей с точками звезд. Земли у замка были темными, серебристыми и... смертельно опасными.

Точнее, они были бы смертельно опасными, если бы с ними не было Драко. Конечно, он был злым и мстительным, но он все же оставался Малфоем и знал, как выбраться с территории Имения.

Сириус шел впереди и подталкивал Драко, Гарри и Гермиона торопились следом. Гарри шел молча, видимо, измотанный предыдущими событиями.

Они обошли несколько ловушек, включая гнездо гигантских пауков, которое показал Драко и на которое Сириус тут же наложил Ошеломляющее заклятие.

Гермиона чувствовала себя совершенно отвратительно, не только потому, что они все еще были на Малфоевских землях, что само по себе ужасно, и не потому что Гарри все еще выглядел бледным и усталым, и она боялась, что заклятие Мучения, даже в измененной форме, могло причинить ему куда больший вред, чем они думали, — но еще и потому, что Драко с ней не разговаривал.

Она хотела поблагодарить его за спасение ее жизни, но не могла, так как он не стал бы с ней говорить. Когда она хотела подойти к нему, он отмахнулся от нее. Вообще, он заговорил с ними только раз, спросив как Нарцисса. ни у кого из них не хватило мужества сказать ему об Эпициклическом Заклятии, даже сейчас, так что Сириус не мог рассказать ему ничего, кроме того, что с Нарциссой всё в порядке. Это, естественно, только еще больше разозлило Драко.

Гермиона продолжала поглядывать на Драко краем глаза. Как же она могла так ошибиться в нем? Она была абсолютно уверена, что это не Многосущное зелье, это не могло быть Многосущное зелье... но как он смотрел на нее, говорил с ней — там, в фехтовальном зале, как будто не было этой недели, и он опять ненавидел ее.

Они подошли к низкому мосту над узкой речкой. Драко остановился, как вкопанный.

Гарри, не заметивший этого, уже собирался ступить на мост, когда Драко поймал его за рукав.

— На твоём месте, я бы не шел по нему, Поттер, — протянул он.

Гарри быстро отступил и с подозрением посмотрел на Драко.

— Почему? Что бы случилось?

— Обычная процедура, — ответил Малфой, — ты взлетел бы в воздух футов на пятьдесят и разлетелся бы по всей округе.

Гарри все еще смотрел на него, и Драко противненько ухмыльнулся. На секунду показалось, что Гарри не сдержится и даст ему в глаз. Драко вроде бы надеялся, что Гарри так и сделает, но был разочарован.

— Ясно, — Гарри глубоко вздохнул. — Значит, это бомба.

— Понятия не имею, — со скучающим видом ответил Драко, — я не говорю по-маггловски.

— Это что-то вроде Взрывающего заклятия... давай просто обойдем его, Гарри, — с несчастным видом предложила Гермиона.

— Нет, — Гарри задумчиво разглядывал мост. — Дай ему палочку, Сириус.

Сириус смотрел на него с сомнением.

— Гарри...

— Дай ему палочку. — Гарри повернулся к Драко. — Сними проклятие, Малфой.

— А если не сниму?

— Тогда мы все пройдем по нему и посмотрим, что выйдет, — сказал Гарри. — Ты можешь пойти первым.

Драко нахмурился. Сириус вынул палочку и сунул ему в руку, держа его другой рукой за запястье.

Драко направил палочку на мост.

— Раптус регалитер.

Полыхнула вспышка. Сириус забрал палочку, и вслед за подталкивающим Драко Сириусом, они прошли по мосту.

Сириус почти ничего говорил Драко с тех пор, как сообщил ему, что вывести их с земель поместья. Теперь же он повернулся к нему и сказал:

— Что они сделали с тобой? Использовали Веритасерум?

Вопрос был внезапным, и Драко споткнулся:

— Что?

— Я видел твоё лицо, когда мы вошли в комнату, и только что, когда Гарри чуть не прошел по мосту, — продолжал Сириус. — Ты ни черта бы не сказал Люцию, ты слишком гордый. Ты забыл, я жил в те времена, когда Волдеморт болтался по округе, пытая людей и используя Веритасерум, как Перцовое зелье. Я знаю, какой след оставляет Темная Магия, — он взял Драко за подбородок. — Прогрызнул губу, да? — добавил одобрительно. — Очень хорошо.

Драко дернулся.

— Какое тебе дело?

— Мне никакого, — заметил Сириус. — Но это может много значить для них, — и он показал на Гарри и Гермиону, идущих позади них.

— Они мне не поверят.

— А ты попробуй.

— Нет, — сказал Драко. — Они слишком легко поверили, что, как только заклятие будет снято, я тут же повернусь и воткну нож им в спину, — с горечью добавил он. — У Гермионы был такой вид, будто собиралась плюнуть на меня. Они даже не спросили.

— Ты в общем-то и не предлагал.

— Если бы я был Гарри, — огрызнулся Драко, — она бы и не спрашивала, она бы знала.

— Но ты не Гарри, — честно сказал Сириус. — Теперь — нет.

Драко отвернулся, чтобы Сириус не видел его лица.

— Герой Гарри, — глухо сказал он. — Ему досталась прогулка домой с Гермионой, а я закончил тем, что привязан к Человеку-Собаке.

— Тогда, послушай совета Человека-Собаки, — сказал Сириус. — Ты ничего не делаешь, чтобы улучшить свое положение. Просто скажи им правду, Малфой.

— Я не уверен Малфой ли я уже... И я уже не Гарри. Я не знаю, кто я...

Гермиона уже потеряла счет времени, когда услышала, как Гарри присвистнул от удивления. Она подняла глаза: узкая, не больше тридцати футов в ширину, пропасть рассекла землю прямо перед ними. Она казалась очень и очень глубокой, тянулась по земле как змея и обойти ее было невозможно.

— Это Бездонная Пропасть, — во взгляде Малфоя скользнуло беспокойство. — Или Черная Бездна, я не помню. Нет... все-таки отец говорил, что просил дизайнера сделать Бездонную Пропасть. — Драко пожал плечами. — В любом случае, я бы не советовал падать туда. Там может быть дно, но падать будете долго.

— Вот и доверяй после этого Малфоям, — хмуро заметил Гарри. — У всех людей в саду зеленые изгороди, у вас Бездонная Пропасть.

— Оригинальнее, чем изгородь, — сказал Драко. — И, опять же, удобнее.

— Хватит цапаться, — резко оборвал его Сириус. — Как нам перебраться?

— Никак, — ответил Драко. — Если бы в вас была кровь Малфоев, то можно было просто пройти по ней без моста. Но в вас ее нет. — Он мотнул головой в сторону Гарри. — Ну, может у тебя еще есть, Поттер... Хочешь попробовать?

Гарри, который не знал как быстро новые кровавые клетки заменяют старые и совершенно не хотел выяснить это, прыгнув с огромного утеса, замотал головой.

— ни за что.

— Конечно, — добавил Драко, — если бы у меня была палочка...

Сириус протянул ее ему и держал за запястье, пока тот произносил заклинание. Вспышки света не было, но появился мост — узкий путь, свисающий с одной стороны пропасти. На нем едва ли могли разминуться двое.

— Что-то он мне не нравится, — сказал Сириус.

Драко пожал плечами.

— Этим мы пользовались, когда надо было перейти тому, у кого нет крови Малфоев. Он довольно прочный. Он подходит к другому краю внизу.

— Ты первый, — сказал Гарри Драко, и они пошли.

Дойдя до середины, они услышали какой-то жужжащий и бренчащий звук прямо над головой. Гермиона взглянула, стараясь разглядеть, что там, за утесом, возвышавшимся на десять футов над ними, остальные пытались сделать то же самое.

— Что это? — спросила она.

Все посмотрели на Драко, который выглядел сбитым с толку.

— Понятия не имею, — ответил он. — Быстро все к утесу, — скомандовал Сириус, и они вжались в монолит утеса. Через несколько минут шум замолк, и они пошли опять, хотя теперь куда медленнее.

— Очень похоже было на... вертолет, — тихо сказал Гарри Гермионе. — Но этого не может быть... не здесь.

— Он бы здесь не работал, — согласилась она. — Слишком много магии в воздухе.

— Какой-нибудь летающий монстр? — забеспокоился Гарри.

— Это не было похоже на животное...

Она замолчала, когда шум приблизился опять, в этот раз сопровождаясь вспышкой очень яркого света. Это что-то сделало круг и вернулось. Они опять прижались к скале.

Что-то вдруг пролетело над их головами — что-то большое, если бы Гермиона не знала, она бы подумала, что это вертолет или самолет, но этого не могло быть...

— Вернись сюда, — резко скомандовал Сириус, и Гермиона поняла, что он обращается к Драко, отошедшего от утеса и стоящего на мосту. Яркое сияние сделало цвет его волос сияющим, словно молния. Он что-то делал с руками — но его левая рука была привязана... так ведь?

— Сириус! — крикнул Гарри. — У него палочка...

Сириус мгновенно повернулся — Драко отпрыгнул, разрывая веревки, связывающие запястья: в суматохе ему как-то удалось вытащить свою палочку из кармана Сириуса и освободить себя. Он сорвал остатки волшебных веревок и бросил их на землю. Выражение его лица было очень странным — полутриумф, полуотчаяние.

— Дальше вы можете идти без меня, — сказал он, повернулся и побежал туда, откуда они пришли.

Сириус упал на все четыре, превращаясь в собаку, и помчался за ним.

Несколько вещей произошли одновременно.

Драко, слыша позади бег Сириуса, остановился, свернул и побежал вбок с моста прямо по воздуху. Он не врал — он и правда мог ходить по воздуху над пропастью. Его ноги высекали серебряные искры, когда он бежал, как нож высекает искры из металла.

Сириус, заметно обескураженный, рыкнул от шока и стал отходить к ним. Гарри, видя недоумение Сириуса, рванул вперёд. И внезапно споткнулся, его нога зацепилась за остатки веревок Драко. Он

молча упал вперед, покатился и соскользнул с края моста, пропав из виду.

Сердце Гермионы остановилось.

— Гарри! — закричала она, подбегая к краю, мысли бешено скакали в голове. — Гарри!

— Я здесь, — слабо ответил голос прямо под ней. — Но, похоже, я сломал руку.

Гермиона упала на колени, подползла к самому краю и посмотрела вниз, увидев сначала только темноту — чуть светлее и чуть чернее. Она нашла взглядом бледное лицо Гарри, повернутое к ней. Он держался за выступ одной рукой. Другая рука висела сбоку под странным углом. Его ноги болтались над бездной — глубокой, черной и... бесконечной.

— Гарри, — выдохнула она. Гермиона плюхнулась на живот и подвинулась вперед, пока не смогла дотянуться до его руки, держащейся за выступ. Она крепко схватила его за запястье. — Все будет хорошо, — неистово бормотала она, — Только держись, Гарри...

Она повернула голову, ища Сириуса, и увидела его в тридцати футах от нее. Он смотрел, как Драко убегает по воздуху на противоположную сторону пропасти.

— Сириус! — крикнула она. — Сириус! Сюда! Быстрее!

Вдруг раздался громкий хруст и кусок скалы, за который держался Гарри, отвалился. Он съехал вниз на два фута, таща за собой Гермиону. Она схватилась свободной рукой, за камень и зацепилась ногами. Мелкие камни впивались ей в кожу, но зато она перестала скользить вперед.

Она опять посмотрела на Гарри. Теперь ничто, кроме ее силы не удерживало его от падения, и она сжимала его запястье в такой силой, что ногти впивались в кожу.

— Держись, — повторяла она, срывающимся голосом. — Только держись, Гарри, Сириус уже идет...

Она видела, как Сириус несется к ним, на четырех лапах, и все никак не приближается.

— Я не могу, — произнес Гарри внизу.

Она глянула на него.

Он был очень бледен, грязь и раны проступали четко на его лице, но он был странно спокоен.

— Я не могу, — повторил он, и она увидела, что он прав. Его рука медленно выскользывала из ее руки, она потянулась вперед, уже наполовину свисая с края — и поймала его за рукав, крепко-крепко.

— Гарри... Гарри, пожалуйста.

Но она знала, что это бесполезно. Он не мог подтянуться на сломанной руке. Он висел на ее руке, и ее плечо уже жутко болело. Она услышала жужжащий звук над головой, но не подняла взгляда.

— Гермиона, — сказал Гарри.

Он улыбался. Как можно улыбаться в такой момент?

— Я люблю тебя, — произнес он.

Ей показалось, что это прозвучало именно так, но она не была уверена, мешал шум.

— Что? — выдохнула Гермиона в шоке, — что ты сказал?

Гарри открыл рот, чтобы повторить. Но... послышался звук рвущейся материи и рукав оторвался, как и должен был... и она знала, что так и будет...

Она увидела, как глаза Гарри расширились от ужаса, — он падал... падал, отдаляясь от нее... падал, кружась в воздухе, в непроницаемую темноту внизу.

Глава 10. Эпициклическое совершенствование волшебства

Гарри падал, потеряв сознание, и, падая, видел сон. Во сне он был в саду у Висли. Мистер и миссис Висли с детьми были здесь же: Чарли, как обычно, весь в ожогах; Билл вместе с Флёр Делакур — они встречались уже около года. Фред, Джордж и Рон играли в Подрывного Дурака с Джинни за зеленым плетеным столом в углу.

Драко Малфой тоже был здесь. Он стоял под сенью раскидистого дуба, одетый в белый теннисный костюм, и выглядел очень довольным собой. Он беседовал со стройной девушкой в желтом платье и громадной белой шляпе.

— Я умер? — гадал Гарри. — Это рай? И, если это рай, то что здесь делает Малфой?

Девушка, беседовавшая с Драко, вдруг обернулась, и Гарри увидел, что это Гермиона. Она направилась к нему по траве, помахивая теннисной ракеткой. Он узнал желтое платье, он помнил его с летних каникул, проведенных с ней и её родителями. Гарри всегда оно нравилось.

— Привет, Гарри! — крикнула она.

— Гермиона, — сказал он, шагая ей навстречу. — По-моему, я падаю.

— Передо мной, объясняясь в любви? — с любопытством переспросила она.

— Нет, я хочу сказать, падаю на самом деле. Лечу вниз. Похоже, я заболел.

Заинтересованное выражение исчезло с ее лица, сменившись яростью.

— Ты просто дурак, Гарри Поттер, — сказала она, подняв руку, и сильно ударила Гарри по голове теннисной ракеткой.

Гарри завопил от боли.

— Для чего ты это сделала? — крикнул он. — Скажи!

— Эй! — сказал голос в его ухе — голос, который не принадлежал Гермионе. — Гарри! Успокойся!

— Похоже, падение повредило его рассудок, — слышался другой озабоченный голос.

— Гарри? — раздался первый голос снова. — Гарри, давай, просыпайся! — и в этот момент Гарри понял, кто это. Он открыл глаза.

Он лежал на заднем сидении машины, и очень бледный, но улыбающийся, как ненормальный, Рон Висли склонился над ним. Водительское место занимал Джордж, а Фред сидел рядом с ним. Оба они обернулись и изумленно таращились на Гарри. Хорошо что машина не двигалась, а просто висела. В воздухе.

Гарри резко сел.

— Что-что? — произнес он, заикаясь. — Как? Вы? Здесь? Летающий автомобиль?

— Угадал, — кивнул Джордж. — Мы. Здесь. Летающий автомобиль.

— Похоже, он все же может ухватить существенные детали, а? — подметил Фред.

Гарри попытался снова.

— Как вы...?

— Мы поймали тебя, пока ты падал, — с энтузиазмом объяснил Джордж. — Это была самая клёвая штука.

— Как здорово, что папа усовершенствовал кабриолет, — добавил Рон.

— И я вылечил твою руку, — вставил Фред, размахивая палочкой. — Нет проблем.

— Но как вы тут очутились? — изумлённо спросил Гарри. — Только не говорите мне, что вы взяли машину отца для короткой полуночной прогулки, и вам как раз случилось заметить меня, упавшего с обрыва.

— Элементарно, — сказал Рон. — Что касается этого, — он полез в карман, вытащил свернутый листок бумаги и бросил его Гарри на колени. — Я хотел на тебя обидеться, — сказал Рон, — но так как, ты только что рухнул с обрыва, я дам тебе передышку.

Гарри развернул бумагу с удивлением. Это была записка, адресованная ГАРРИ ПОТТЕРУ, и ему пришлось дважды прочесть её, прежде чем он понял смысл.

— Это требование выкупа, — поразился Гарри. — Его послал Червехвост, чтоб сказать, что Сириус здесь у них, — он взглянул на Рона с удивлением. — Как оно попало к тебе?

— Гарри, ты что идиот, — с досадой сказал Рон. — Конечно, я вскрыл твою почту. Что, ты думаешь, я стал делать? Вы с Гермионой исчезаете, а затем, я получаю эту сумасшедшую записку от нее — напомни, чтобы я показал ее тебе — и в ней она пишет, что отправилась с тобой на

выполнение чего-то вроде спасательной миссии, и просит не говорить об этом никому. Ну, естественно, я понял, что случилось что-то ужасно странное, так что когда на следующий день прилетела эта, отвратительного вида, черная птица с письмом для тебя, конечно, я вскрыл его.

— И сделал чертовски правильно, — перебил его Фред.

— Ну, я тут же показал письмо Фреду и Джорджу, и мы двинули домой и взяли папину машину, купленную за деньги от магазина приколов, которую он, естественно, заколдовал, чтобы она летала — мы пригрозили ему, что скажем маме, так что ему пришлось дать ее нам — и затем, следуя указаниям записки, кинулись сюда. — Рон просиял. — И успели вовремя — мы как раз глянули вниз, пролетая над Имением, и увидели тебя над пропастью и Гермиону на краю обрыва. Я чуть с ума не сошёл, я скажу тебе. А потом ты отпустил её руку и упал, просто ухнул вниз, имей в виду, я был действительно напуган, и вот Джордж с силой вдавил газ и мы стартанули, как ракета, и свернули под тобой, чтоб поймать тебя, — Рон удовлетворённо вздохнул. — Это было круче, чем финт Вронского.

Гарри не разделял энтузиазма Рона. Вместо этого он закрыл руками лицо.

— О, — простонал он, — Гермиона. О, нет.

— Ты продолжаешь стонать о ней с тех пор как ты здесь, — сказал Джордж тоном человека, сообщая ценную информацию.

— Я видел во сне, как она била меня теннисной ракеткой, — пробормотал Гарри сквозь пальцы.

— Ну да, — сказал Рон, который, по всей видимости, не поверил ему.

— Мы должны вернуться на утес, — сказал Гарри взволнованно. — Гермиона и Сириус... они наверное думают, что я мертв. И Малфой — он удра...

— Ой, вспомнил, — воскликнул Рон. — Там, в записке Гермионы было много чепухи о Малфое — чего она писала, Гарри?

— Поворачивайте машину, — проговорил Гарри. — Я расскажу по дороге.

Подъем к краю пропасти занял некоторое время. По пути Гарри описал события прошедших дней остальным пассажирам машины. Фред и Джордж были благодарной аудиторией, они охали и радовались в нужный момент. Рона же волновал другой вопрос.

— Гермиона поцеловала МАЛФОЯ? — потребовал он ответа, когда Гарри закончил. — Драко Малфоя?

— Только один раз, — сказал Гарри. — По крайней мере, о котором я знаю, — добавил он, хмуря брови.

— Гермиона поцеловала МАЛФОЯ? — повторил Рон.

— Разве я не упомянул ужасную огромную руку? — спросил Гарри.

— Но, — сказал Рон, — Но Гермиона...

— Ой, Ронни, заткнись, — взмолился Джордж. — У меня от тебя голова болит.

— Это совсем не похоже на нее, — изумлённо продолжал Рон. — Я всегда думал — ты знаешь, о чём я — она и ты, — произнес он и умолк взглянув на лицо Гарри. — Или нет, — добавил он поспешно.

— Мы на месте, — объявил Джордж, и, в самом деле, они летели на одном уровне с мостом. Висли выскочили из машины, Гарри на все еще дрожащих ногах последовал за ними.

Вначале ему показалось, будто на мосту сидит всего один человек. Затем, когда они подошли ближе, они поняли, что это Сириус поддерживает рыдающую на его плече Гермиону.

Гермиона редко плакала, и Гарри никогда не слышал, чтоб она плакала так. Это был жуткий, потерянный, страшный звук. Он двинулся вперед, но ноги не слушались его. Он споткнулся, и Джордж поддержал его.

— Полегче, Поттер, — произнес он.

Услышав Джорджа, Сириус поднял голову. Его глаза расширились, когда он увидел Гарри, и он улыбнулся во весь рот. Сириус мягко взял Гермиону за плечи и с трудом оторвал ее от себя.

— Эй... Гермиона, — сказал он. — Гермиона, — он положил руку ей под подбородок и повернул ее голову. Гермиона подняла глаза:

— Рон?

Она ни на мгновение не подумала, как Рон мог очутиться здесь, просто всхлипнула, вскочила на ноги и уткнулась в его рубашку, истерически рыдая.

— Рон, Рон, Гарри мертв, мне так жаль, это моя вина, я очень старалась...

Рон погладил ее по голове.

— Мертв, ты говоришь? — произнес он без капли печали в голосе. — Это когда-то должно было случиться.

Гермиона немного отстранилась и неуверенно взглянула на Рона.

— Что?

— Ну, ведь он ведет такой рискованный образ жизни, — сказал Рон, не обращая внимания на выражение шока на ее лице. — А ты как думала? Я полагаю, единственное, что нам осталось, так это посвятить остаток наших жизней тому, чтобы память о Гарри никогда не исчезала из сердец волшебников всего мира. Вероятно, ужасно величественный монумент — это выход. Несколько огромных блоков мрамора со статуей нашего любимого коротышки в очках точно на верхушке. Наверное, стоит подбить Фреда и Джорджа, чтобы финансировали строительство, — видя ее выражение, Рон сдался и замолчал. — Гермиона, ты ужасная дура, — сказал он с улыбкой. — Обернись.

Она оглянулась и увидела Фреда с Джорджем. Они стояли позади неё и улыбались, как сумасшедшие. И между ними, растрёпанный, грязный, в перекошенных очках, но совершенно живой, был: Гарри.

У Гермионы подкосились колени, и она тяжело осела на землю. Секундой позже Гарри, (довольно грубо) отпихнув Рона с дороги, уже сидел рядом с ней на земле.

— Гермиона, — выдохнул он, обнимая её. — Прости, прости, Рон дурак! (Рон закатил глаза.) Со мной все хорошо, — продолжал Гарри. — Только не плачь.

Но она уже не плакала — больше всхлипывала длинными судорожными всхлипами, как если бы ей не хватало воздуха. Гарри ещё крепче обнял её, и она прильнула к нему, не дыша, положив голову ему на плечо. Гарри взглянул через её голову на Рона и прошептал беззвучно:

— Что мне делать?

Рон мимикой показал, как гладит кого-то по голове, что Гарри и сделал. Всхлипы Гермионы потихоньку затихли. Теперь Рон показывал, что наклоняет голову и страстно целует её. Гарри бросил на него яростный взгляд.

— Не сейчас, недоумок! — прошептал он одними губами.

Близнецы Висли наблюдали за Гарри и Гермионой, обнимавших друг друга так, как если бы это был конец света, и покачали головами. Джордж вздохнул.

— Посмотри на него, — произнес он в полголоса, — у него сейчас лучшая возможность — «эй, я вернулся из небытия» — и он не решает её использовать.

— Он кретин, — согласился Фред.

— Хотя, конечно, я рад, что он жив, — добавил Рон.

— Я тоже, — сказал Джордж. — У нас матч со Слитерином на следующей неделе, и мы бы пролетели без него.

Никто не хотел оставаться на месте, где Гарри сорвался (хоть всё обошлось), особенно Гермиона, так что они сели в машину и направились на вершину холма, где припарковали её в небольшой роще, и Сириус сделал достаточно неожиданное объявление.

— Мы не летим, — заявил он.

— Отлично, — хмыкнул Джордж. — Мы тут останемся ненадолго, может следует разжечь костер? Поджарим пару пастилок. Подождем Лорда Тьмы, чтоб он вернулся и пришел всех нас.

— Мы не летим, — повторил Сириус, — без Драко.

— Да брось, Сириус! — в ужасе воскликнул Рон. — В течение шести лет моей мечтой было оставить Малфоя брошенным на пустынной равнине, полной гигантских пауков, и, наконец, удача улыбнулась мне, и ты хочешь обломать мне всю радость.

— Это его гигантские пауки, Рон, они ему ничего не сделают, — заметил Гарри.

— Ну нельзя же получить все сразу, верно? — заметил Рон.

— Сириус прав, — сказала Гермиона.

— Ещё бы, — вскрикнул Рон. — Ты же с ним целовалась, вот и хочешь спасти его жалкую шкуру. Ты — ты плохая девочка, Гермиона. У тебя роман со злом.

Гермиона закатила глаза.

— Рон! Честное слово!

Сириус скрестил руки на груди.

— Я не уеду без Драко, — отрезал он.

— А тебя он тоже целовал? — спросил Джордж. — Пошли отсюда. Малфой целует всех.

Гарри повернулся и смотрел теперь не в их сторону, а назад, в сторону Имения.

— Он не поедет, Сириус, — произнес он.

— Вы должны поверить мне, что самым ужасным будет, по крайней мере не дать ему шанса, — сказал Сириус.

— Ужасным? — разозлился Рон. — Да первый шанс, полученный им, он повернул прямо в обратном направлении и всадил вам всем в спину! Что, не так?

— Только из-за того, что Волдеморт наложил на него заклятье Веритас, — сказал Сириус резко.

Гарри и Гермиона одновременно открыли рты, но Сириус поднял руку.

— Драко не говорил мне, — сказал он. — Я сам догадался. И я не собирался говорить вам, потому что это его дело, но вам всё-таки следует знать. И я бы хотел посмотреть как тебе, Рон, — произнес Сириус гневно, — удалось бы тебе продержаться столько же или нет.

Гермиона и Гарри посмотрели друг на друга с одинаковым виноватым выражением на лицах. Затем они обернулись к Сириусу.

— Почему он не рассказал нам? — спросила Гермиона. — Он же сказал, что Волдеморт не пытал его, чтобы заставить говорить.

— Заклятье Веритас — это не пытка, — сказал Сириус. — Говоря формально.

— Он такой упрямый, — зло произнес Гарри.

— Как кое-кто другой, кого я мог бы упомянуть, — заметил Сириус.

Гарри посмотрел на носки своих туфель.

— Сходи за ним, Сириус, — сказал он.

— Подумайте, — запротестовал Джордж. — Как мы его найдём?

Сириус постучал себя по носу.

— Ты забыл, что я собака, — сказал он. — Я могу вынюхать его.

— Веритас — довольно мерзкое и противное заклятие, — сказал Фред, — правда?

— Но зато очень эффективное, — согласился Сириус. — Вы пятеро, ждите здесь. Это займёт минут двадцать, не больше. Мне кажется, он ушел недалеко.

— У меня вопрос к тебе, Гарри, — сказал Рон. Гарри и Висли (еще одно подходящее название для рок-группы? — прим. автора) столпились вокруг машины, припаркованной недалеко от края пропасти. Джордж утверждал, что автомобиль странно скрипит, и они с Фредом рылись под капотом, пытаясь выяснить, в чём причина. Висли захватили с собой немного еды, так что Гарри лопал сэндвич с джемом, в перерывах жадно глотая тыквенный сок.

— Да? — ответил Гарри с полным ртом.

— Ты собираешься сказать Гермионе о своих чувствах?

— Что? — Гарри подавился тыквенным соком и нервно оглянулся. Гермиона, сказав, что слишком устала, отошла со своим соком и сэндвичем к краю поляны и лежала на траве на некотором расстоянии от них.

— Ты меня слышал, — сказал Рон. — Ты идиот, это же написано у тебя на лбу, ты когда-нибудь собираешься сказать ей хоть что-нибудь?

Фред и Джордж теперь высунулись из-под капота и слушали с большим интересом. Гарри посмотрел на свой сок.

— Я сказал ей, — произнес он.

— Когда? — удивился Рон.

— Когда падал с обрыва, — сказал Гарри. — Прямо перед тем, как мой рукав оторвался. Я сказал,

что люблю ее.

— Отличная предсмертная фраза, — заметил Фред.

— Да, какой ужас, что мы тебя спасли, — добавил Джордж, — она в жизни никогда не забыла бы тебя, если б это были твои последние слова.

— Верно. И я хочу, чтоб Гермиона помнила меня остаток своей жизни именно таким, — заявил Гарри. — Парень Из Бездонной Пропasti.

— Получше, чем Определенно Слишком Опоздавший Парень, — сказал Рон. — И уж получше, чем Просто Отступающий Как Идиот И Наблюдающий Как Она Уходит С Малфоем Парень.

Гарри опрокинул свой тыквенный сок.

— Ну уж спасибо, — сказал он. — Во всяком случае, я даже не уверен, слышала ли она меня.

— Есть только один способ выяснить, разве не так? — произнес Рон.

Сириус проскочил серебристо-черные земли быстро, обходя все, что могло оказаться каким-нибудь опасным препятствием. Хотя он был уверен, что в облике собаки с ним ничего не случится, но просто не хотел задерживаться. Его предположение, что Драко не ушел слишком далеко, подтвердилось, когда он приблизился к небольшой группке деревьев, темных и призрачных в темноте. Сириус превратился в человека и нырнул под раскинувшиеся ветви.

Драко сидел, опершись боком о ствол одного из деревьев и уткнув голову в колени. Он странно напомнил Сириусу о Нарциссе, вероятно, потому что он выглядел так ранимо, а его волосы, как и её, казались серебристыми в лунном свете. Как только Сириус приблизился к нему, рука Драко резко выпрямилась, держа волшебную палочку. Он направил ее на Сириуса и произнес:

— Не подходи ближе.

— Это я, — сказал Сириус.

— Я знаю, кто это, — сказал Драко, поднимая голову. — И я сказал, не подходи ближе.

Сириус полез в карман, вытащил свою собственную палочку и положил её на землю. Драко настороженно наблюдал за ним.

— У тебя хорошая реакция, — сказал Сириус, выпрямляясь. — Ты в команде Слитерина, да? На какой позиции ты играешь?

— Ловец, — сказал Драко.

— Тебе надо бы быть Отбивающим, — заявил Сириус. — Тем более, ты достаточно сильный.

— Ты второй человек, который говорит мне это за прошедшие два дня, — монотонно произнес Драко. — Зачем ты здесь? Ты гонялся за мной не затем, чтобы поговорить о спорте.

Сириус сел и прислонился спиной к дереву напротив Драко, который все еще направлял на него палочку.

— Думаю, я хотел сказать, — начал Сириус, — что ты напоминаешь мне кого-то, кого я знал, когда учился в Хогвартсе.

— Неужели, — сказал Драко без особенного интереса. — Кого? Моего отца?

— Нет, — ответил Сириус, — меня самого.

Драко коротко рассмеялся.

— Врёшь, — сказал он. — Тебя? Ты был лучшим другом отца Гарри, мой отец рассказывал мне о тебе и Джеймсе Поттере. Вы учились в Гриффиндоре, вы поступали правильно, вы были почти... как... Гарри, — произнёс Драко с ударением.

— Может быть, Джеймс и был, — возразил Сириус. — А я всегда был плохим ребенком, все делал плохо. Мои родители... ну, ты не захочешь слушать об этом. Достаточно сказать, что я не был счастлив дома, как Джеймс. Мы жили в одной комнате в Гриффиндоре, но я ненавидел его.

— Ты ненавидел его? — теперь Драко заинтересовался.

— Конечно. Он хорошо учился и здорово играл в Квиддитч, все его любили, и, казалось, что ему легко быть лучшим без особых усилий. Тогда как я всегда следовал первому побуждению, которое обычно бывало дурным. И у меня всегда были проблемы из-за драк. Я дрался с Северусом Снейпом бесчисленное число раз, иногда беспричинно. Да ладно, всегда беспричинно, если только не считать причиной, что он был маленьким вонючим паршивцем и я ненавидел его. Дамблдор отчаялся, глядя на меня.

Теперь Драко выглядел ошеломленным:

— У тебя были проблемы с Дамблдором?

— Все время, — ответил Сириус.

— Только не говори мне, — вмешался Драко, — что однажды Джеймс вытащил тебя из неприятностей, и ты понял, какой он после всего чудный парень и вы стали друзьями навеки.

— Нет, — ответил Сириус, — собственно, однажды я в конце концов здорово его разозлил и он мне врезал. Я дал сдачи, естественно. В общем, мы чертовски избили друг друга. Дамблдор запретил Мадам Помфрей лечить наши ссадины и синяки, так что нам пришлось лечиться старым способом, сидя вместе в больничном крыле. Когда мы вышли оттуда, мы были друзьями, и остались друзьями.

— Ты предлагаешь мне избить Гарри? — спросил Драко и на его лице появилась тень его старой ухмылки. — Потому что эту часть твоего совета я бы мог реально воплотить в жизнь.

— Если ты хочешь его дружбы, то это один из способов этого добиться. Но хочешь ли ты дружбы?

— Нет, — произнес Драко. — Вот, черт, — он опустил палочку. — Я не знаю.

Сириус стоял, не шевелясь.

— Я много понял о себе в Азкабанах, — сказал он. — Я много думал и о Джеймсе тоже. Я понял, что одна из причин, что мы были такими большими врагами, а затем такими большими друзьями, в том, что мы ужасно похожи. Гордые. Упрямые. Решительные...

Драко ухмыльнулся снова, немного сильнее в этот раз.

— Когда это Человек-Собака стал Человеком-Советником? — произнес он.

— Несносные, — добавил Сириус. — Я забыл несносные.

— Я понимаю, куда ты клонишь, — заметил Драко. — Но я не такой, как Гарри. Я-то знаю. Когда работало Многосущное Зелье... как будто что-то осветило мою голову, и я мог заглянуть в себя, и знал, почему я делаю что-то, знал, чего я хочу, знал, что правильно, и хотел сделать это. А сейчас... — он сжал кулак. — Это ушло.

— Ты говоришь, — мягко сказал Сириус, — что когда Гарри был в тебе, ты мог бы хорошим, не стараясь. Теперь тебе всего лишь нужно постараться. Как и всем остальным.

— Не читай мне нотаций, — заявил Драко. — Я терпеть этого не могу, — но он не выглядел сердитым. Он выглядел печальным, и был еще больше похож на Нарциссу, с той же бледной и меланхоличной красотой. — Мне все равно нет смысла возвращаться, — сказал он. — Теперь они меня ненавидят.

— Нет, не ненавидят. Гарри не ненавидит тебя, и Гермиона определенно не ненавидит тебя.

Драко быстро взглянул на Сириуса.

— Она что-нибудь говорила?

— Если ты хочешь знать, что думает Гермиона, тебе нужно спросить ее, — сказал Сириус. — Поверь мне. Она из таких девушек.

— Почему ты так добр ко мне? — спросил Драко, с прищуром посмотрев на Сириуса.

— Я же сказал тебе, — объяснил Сириус. — Ты напоминаешь мне меня самого. И, кроме того, я думаю, Гарри нуждается в тебе.

— Гарри не нуждается ни в ком, таком как я.

— Вот здесь ты ошибаешься, — произнес Сириус. — Пойдем, — он протянул ему руку, и Драко принял ее. Сириус помог ему подняться на ноги. — Я должен сказать тебе, что Висли тоже здесь, — добавил он.

— А вот они-то точно меня ненавидят, — вздохнул Драко обреченно.

— Нет, они не... — начал Сириус и остановился. — Да, они ненавидят тебя. Но, как сказал мне однажды мудрый человек, если ты гонишься за вселенской популярностью, то тебе придется пробыть здесь очень долго.

— Гермиона.

Это был голос Гарри. Она открыла глаза и огляделась. Он стоял над ей, и туманная тень в форме Гарри подсвечивалась сзади мириадами звезд. Секунду она просто улыбалась ему — она много раз

видела его таким во сне, и подумала, что видимо еще не совсем проснулась. Хотя, в ее мечтах Гарри не смотрел на неё так взволнованно.

— Гарри, — сказала она, садясь. — Все в порядке?

— Да, — произнес он, странно глядя на неё. — Ты прогуляешься со мной?

— Куда?

— Недалеко, — сказал он. — Я не хочу, чтоб нас услышали.

— Ладно, — согласилась она, поднимаясь на ноги и идя вслед за ним. Он шел от машины, вдоль пропасти.

— Я хотел поблагодарить тебя, — сказал он. — За то, что спасла мне жизнь.

— Я не сделала этого, Гарри, ты упал, — заметила она с сожалением.

— Если бы ты не держала меня так долго, Рон и ребята бы опоздали. Ты слышала, что я сказал тебе?

— Что? — ответила она, смешавшись от его неожиданного вопроса. — Когда?

Он перестал шагать и посмотрел на нее. Его лицо, темное в лунном свете, было очерчено серебряными тенями, самое знакомое для нее во всем мире лицо и в то же время лицо незнакомца. Взгляд на него произвел на нее тот же эффект, что и всегда — все окружающее стало нереальным.

— Перед тем как я сорвался, — произнес он. — Ты слышала меня?

— Я думала, ты сказал, что любишь меня, — сказала она, глядя в сторону. — Но, может быть, нет.

Последовало долгое молчание. Затем он сказал:

— Да.

У Гермионы забилося сердце, и она уставилась в землю.

— Я знаю, ты любишь меня, Гарри, — сказала она. — Я твоя лучшая подруга. Это то, что ты имел в виду?

— Ты знаешь, это не так, — ответил он упавшим голосом.

— Я говорила тебе, — сказала она, — я говорила тебе, что не собираюсь больше обсуждать это с тобой.

— Тогда не говори, — сказал он. — Просто послушай меня.

Она подняла голову и снова взглянула на него. На лице его было то самое выражение. Целеустремленное выражение Гарри. Выражение, которое появлялось, когда ему нужно было заставить себя сделать что-то страшное, например выйти на Венгерского Рогохвоста, или сразиться с Лордом Тьмы, или сказать ей о своих чувствах.

— Я люблю тебя, — сказал он. — И я не просто люблю тебя, я влюблен в тебя. И любил всегда.

Гермиона просто стояла. Она чувствовала, будто её душа покинула тело, и настоящая Гермиона парит над ее головой, отстранено наблюдая за происходящим. Гарри выглядел взволнованным.

— Здесь предполагалось, что ты станешь по-настоящему счастлива, и поцелуешь меня, — объявил он.

— Всегда? — Гермиона услышала свой голос. — Что ты имеешь в виду под ВСЕГДА?

Гарри занервничал. Похоже, он не был готов к расспросам.

— Я — я думаю... я имею в виду, я знаю это около двух лет. До этого, наверное, тоже, но я просто не знал об этом. Я помню, когда я впервые понял. Мы были на каникулах у твоих родителей и ты была одета в то желтое платье — оно не такое красивое, как платье, которое на тебе сейчас, но...

Он посмотрел на нее с несчастной улыбкой.

— Ты была такая красивая.

Гермиона помнила. Она надела желтое платье, потому что должна была впервые встретиться с Гарри после двух месяцев каникул, и она надеялась, что оно понравится ему, но он ничего не сказал, ничего вообще.

— В прошлом году, — произнесла она медленно, — я призналась тебе в любви. И ты сказал, что не испытываешь ко мне никаких чувств, кроме дружеских.

— Я не хотел терять с тобой дружеских отношений. Думаю, я боялся.

— Боялся? — повторила она эхом. — Ты знаешь, что со мной было, Гарри? Ты знаешь, через что ты заставил меня пройти? Слышать, как ты говоришь, что не любишь меня — это был самый худший момент в моей жизни. Я не могу поверить, что ты просто... — Теперь она была зла настолько, что ее голос прерывался. — Ты лгал мне, Гарри. И о таком!

Гарри был ошеломлен.

— Я никогда не хотел сделать тебе больно, — запротестовал он. — Я просто — я никогда не думал, что у нас ничего не получится, понимаешь? Я думал, мы слишком разные. И я думал, если я попытаюсь с Чоу...

— Вот, в чем разница между тобой и мной, — оборвала его Гермиона, — я никогда не пыталась ни с кем, кроме тебя.

— Я пытаюсь с тобой сейчас, — сказал Гарри, делая видимую попытку оставаться спокойным.

— Ты никогда бы не сделал этого, если бы не Драко. Если бы не он, то ты бы не догадался, что можешь потерять меня. Ты просто думал, что я буду сидеть и ждать, что ты проявишь ко мне интерес, как... как к брошенному багажу!

— Багажу? — Гарри побледнел от шока.

Она сложила руки и пристально смотрела на него. Она была полна злости, которая, она знала, была беспричинна, но это не помогало. Выражение его лица только еще больше разозлило ее. Он был так уверен в ней. Так уверен.

— Тебе не нужно было говорить все это, — произнес он наконец. — Достаточно было просто сказать, что ТЫ меня не любишь.

— Но я люблю тебя, Гарри, — сказала она. — Я люблю тебя больше всех на свете. Я люблю тебя так, что это пугает меня.

— Тогда почему?

Но она покачала головой.

— Я не хочу больше бояться, — произнесла она, и двинулась прочь от него, назад к машине.

— Гермиона! — окликнул он ее в отчаянии.

Она остановилась, не оборачиваясь.

— Он не любит тебя так, как я, — сказал он ей в спину. — Он не знает тебя, так как я.

— Именно поэтому он не может сделать мне так больно. — И она ушла.

Дзинь! Это сердце Гарри, разбилось на крошечные кусочки.

— Я больше не собираюсь пользоваться твоими советами, — обратился Гарри к Рону.

Он пришел и сел в машину с Висли. Гермиона, которая все еще отказывалась говорить с ним, стояла неподалеку, глядя в сторону Имения. Улыбка Рона погасла:

— Что?

— Она ненавидит меня, — произнес Гарри обреченно.

Рон, Фред и Джордж были ошеломлены. Они, очевидно, были еще больше уверены в чувствах Гермионы, чем Гарри.

— Гермиона не ненавидит тебя, — сказал, наконец, пораженный Джордж.

— Ненавидит, — сказал Гарри. — Ну, возможно, только часть меня.

— Что случилось? — потребовал Рон. — Ты, наверное, что-то такое сделал.

— Спасибо тебе, Рон, за голос разума, — сказал Гарри удрученно.

— Я всего лишь имел в виду...

— Выпей тыквенного сока, — предложил Фред, пихая ему стакан.

— Я не хочу тыквенного сока, — сказал Гарри. — Я хочу водки. У вас есть водка?

Рон с сожалением покачал головой.

— Только тыквенный сок, правда.

— И моторное масло, — сказал Джордж. — Хочешь моторного масла?

— Вот, — сказал Гарри тем же удрученным голосом. — Я долетел до дна пропасти.

— Эй, смотрите, — Фред показывал куда-то. — Сириус возвращается. И с ним Малфой.

— Я был не прав, — вздохнул Гарри. — Это еще ниже.

Он нехотя выпрямился. Сириус и Драко шли к ним, Сириус в человеческом облике и Драко, выглядящий абсолютно так же, как в последний раз, когда Гарри видел его. Висли выпрыгнули из машины, когда Драко и Сириус приблизились. Гарри медленно последовал за ними. Краешком глаза он видел подошедшую Гермиону. Вблизи Драко выглядел... по-другому. Гарри не был уверен точно, в чем. Просто иначе. Рон, Фред и Джордж все стояли, скрестив руки на груди. Они смотрели на Драко так, как если бы это была бомба замедленного действия.

— Малфой, — произнес Рон, сдержанно кивая ему.

— Привет, Висли, — сказал Драко. — Все Висли, — добавил он, взглянув на Джорджа и Фреда. Затем он повернулся к Гарри и протянул руку. — Я хотел поблагодарить тебя за спасение моей жизни, — сказал он.

Гарри уставился на него. Драко продолжал очень спокойно стоять с протянутой рукой. Через голову Драко Гарри было видно Сириуса, пристально глядящего на него. Он взял руку Драко и пожал ее.

— Не за что, — произнес он. Они быстро отпустили руки. Затем Драко повернулся к Висли.

— Слушайте, — сказал он. — Я знаю, вы не любите меня. Многие люди меня не любят.

— Могу поверить, — сказал Рон.

— И я... — Драко нахмурился. — Черт, Висли, ты сбил меня с мысли.

— Ты только говорил, как никто не любит тебя, — сказал Фред, исполненный желания помочь.

— Я не говорил никто, — огрызнулся Драко, чье полное спокойствие начало улетучиваться. Он посмотрел на Сириуса.

— Лучше оставь это, от греха подальше, — посоветовал Сириус.

Джордж щелкнул пальцами, вспоминая что-то.

— Сириус, — сказал он. — Не мог бы ты подойти и посмотреть машину, на секунду? Она странно урчит... и я подумал, если у тебя был летающий мотоцикл...

— Конечно, — сказал Сириус. Он последовал за Висли к машине. Гарри, который хотел быть как можно дальше от Гермионы, пошел с ним. Это оставило Драко наедине с Гермионой, которая была очень молчалива со времени перепалки.

— Привет, — сказал Драко.

Она посмотрела на него и, как Гарри, подумала, что он выглядит... как-то по-другому.

— Прости меня, — произнесла она. — Сириус рассказал нам о заклятье Веритас. Я была готова подумать худшее о тебе, и я была несправедлива к тебе, прости.

Драко покачал головой.

— Да нет, справедлива, — сказал он. — Ты думала, я ничтожество, а я и есть ничтожество. И, вероятно, всегда буду им.

— Может быть, — сказала Гермиона. — Но ты нравственное ничтожество. Это имеет, вообще, смысл?

— Думаю, нет, — сказал Драко.

— Это означает, — объяснила Гермиона, — что даже хотя я не уверена, что ты говоришь правильные вещи — всегда — я уверена, что ты делаешь правильные вещи. Всегда.

Драко улыбнулся.

— Означает ли это, что приглашение провести каникулы у Грейнджеров все еще в силе?

— Да, — сказала Гермиона. — И я думаю, что ты, возможно, понравишься моим родителям, в конце концов, особенно если учесть, что ты спас мне жизнь.

— Говорят, — начал Драко, — говорят, что, если однажды ты спас кого-нибудь от смерти, ты отвечаешь за этого человека всю жизнь. Так что с этих пор ты будешь у меня под присмотром.

— Мне кажется, это нечестное правило, — сказала Гермиона.

— Любое правило, означающее, что я должен проводить больше времени с тобой — хорошее правило. Я так думаю, — сказал Драко.

Гермиона покраснела. Она не могла удержаться. Она знала, что только два парня во всем мире, которые могли заставить ее покраснеть, лишь посмотрев на нее, стояли здесь, на утесе. Правда, один из них с ней не разговаривал.

Драко, казалось, мог читать ее мысли.

— Ты думаешь о Гарри, — произнес он.

— Мы поговорили, — ответила она. — Разговор прошел неважно.

— Он выглядит ужасно, — заметил Драко.

— Ты выглядел бы так же, если бы упал с обрыва, — обиженно сказала Гермиона. Драко усмехнулся.

— Это не то, что я имел в виду, ты же знаешь, — произнес он. — Ты просто сама не можешь понять, чего хочешь, да?

— Я всегда думала, что хочу быть с Гарри, — сказала она. — А теперь я не знаю, — она

вздохнула. — Он меня ужасно злит.

— Снимем тему Гарри, — сказал Драко, — и хотя я люблю говорить о нем, конечно, я тут вот подумал.

— Что?

— Я никогда не целовал тебя будучи в своем теле, — сказал Драко. Гермиона почувствовала, что снова краснеет.

— Думаешь, это будет... по-другому?

— Есть только один способ проверить, — сказал он, лениво, как кот, улыбаясь ей.

— Гермиона!

Это был Сириус. Она повернулась и увидела, как он жестом подзывает их к машине. Он, Гарри и Висли уже сидели в ней, готовые ехать. Она обернулась к Драко, который казался невозмутимым.

— Все нормально, — сказал он. — У нас будет много времени на каникулах.

«Жутко самоуверенный, а?» — думала Гермиона, когда они направились назад к машине. Прямая противоположность Гарри. Гарри сидел на заднем сиденье рядом с Роном и глядел, не отрываясь, в другую сторону, на пропасть.

Драко забрался и сел рядом с Гарри, который не обернулся. Гермионе места не осталось.

— Нет места? — весело сказал Джордж. — Просто сядь кому-нибудь на колени.

Оба, Драко и Гарри посмотрели на нее. Гарри поспешно отвел взгляд. Гермиона пристально посмотрела на Джорджа, и села на колени к Рону.

— Не могли сделать это... побольше места с помощью магии? — спросила она Джорджа, когда они сдали назад.

— И ты говоришь? — сказал он отрешенно, прибавляя обороты. Машину выстрелило вперед и вверх с громким ревом, Джордж кричал в восторге, а Рон жаловался Гермионе на ухо, что она отдала ему ногу, и сквозь весь этот шум, она услышала, как Гарри издал звук, очень похожий на крик боли.

Она повернулась и увидела Гарри, встающего с места.

На самом деле было похоже, что его поднимает невидимая рука — тащит его за шкирку и волочит с сиденья. Он держал руки на шее, чтобы рубашка не удушила его.

— Джордж! — пронзительно крикнула Гермиона. — Останови машину!

Они были в десяти футах над землей. Джордж обернулся, увидел Гарри, вытаращил глаза и сильно ударил по тормозам. Как следствие всего этого, Гарри поднялся в воздух, перевалился через багажник и пролетел двадцать футов до земли.

Джордж снова надавил на педаль газа, увел машину в петлю и помчался назад, к земле. Они с лязгом приземлились и начали вываливаться из дверей.

Первое, что заметила Гермиона, когда выкарабкалась из машины, был Гарри, замерший на земле на коленях. Руки его были за спиной. Вторым, кого она увидела, был Люций Малfoy, стоявший на расстоянии пяти футов от Гарри. Он держал палочку в протянутой руке и направлял ее прямо Гарри в сердце.

— Вы все, — сказал он, не глядя на них. — Стойте, где стоите.

— Как он нашел нас? — прошипела Гермиона Сириусу.

— Эпициклическое заклятие, — прошептал Сириус в ответ. Он взволнованно глядел на Люция. — Действует как самонаводящееся устройство.

Люций шагнул поближе к Гарри, держа палочку нацеленной на него.

— Гарри Поттер, — произнес Люций. Выглядел он ужасно. Его волосы стояли дыбом, а его мантия, там где она не была измята и прорвана, была измазана кровью и грязью. — Ты доставил мне огромные неприятности, — он поднял голову, глядя на остальных, стоявших у машины с открытыми от шока ртами. Его глаза задержались на Драко. — ВСЕ вы доставили мне огромные неприятности.

— Оставь его, Люций, — прорычал Сириус.

— Это почему же? — произнес тот, опять глядя на Гарри. Было похоже что, Люций наложил на его руки что-то вроде Связывающего заклятия. Гермиона увидела веревки на запястьях.

— Потому что ты не можешь убить нас всех, — отрезал Сириус. — И если ты тронешь Гарри...

— Почему, говоришь, я не могу убить вас всех? — сказал Люций, он выглядел, как сумасшедший. — Я Малфой! В моих венах течет кровь Салазара Слитерина!

— Не течет, — возразил вдруг Гарри. — Дамблдор говорил мне, что не осталось живых потомков Слизерина, кроме Волдеморта!

Люций резко повернул голову назад и уставился на Гарри.

— Это выше моего понимания, как все наши попытки убить одного глупого маленького мальчика завершились ничем, — произнес он. — Однако хватит. Мой хозяин желал иметь удовольствие убить тебя, но ему придется довольствоваться удовольствием лицезреть твое мертвое тело.

Он направил свою палочку на Гарри:

— *Авада...*

И запнулся. Потому что Драко пулей вылетел вперед и встал между палочкой... и Гарри. Слегка дрожа, он стоял лицом к лицу с отцом и смотрел прямо на него. Люций Малфой нахмурился.

— Прочь с дороги, Драко, — произнес он, нетерпеливо.

— Нет, — сказал Драко, выглядевший очень бледным. — Если ты хочешь убить Гарри, тебе придется убить меня первым.

Люций смотрел раздраженно.

— Не будь идиотом, — сказал он. Позади Драко Гарри пытался встать на ноги. Он делал что-то со своими руками, но Гермиона не видела что.

— Я знаю, что ты бы позволил Лорду Тьмы убить меня, — произнес Драко, глядя на отца. — Но я не знаю, сможешь ли ты сделать это сам.

— Я уверяю тебя, что смогу, — заявил Люций. — И я сделаю это. Уйди с дороги.

— Убей его, и ты потеряешь и Нарциссу, — вмешался Сириус.

— Заткнись, Блэк, — огрызнулся Люций. Его рука потянулась к шее и накрыла кулон. Он снял его через голову. Драко, смотрел на него с удивлением.

— Ты мой сын и мой единственный наследник, — сказал Люций Драко. — В последний раз спрашиваю, отойдешь ли ты с дороги?

Драко покачал головой:

— Нет.

— Ну, хорошо, — заявил Люций. — Я молод. Я могу жениться снова. У меня еще будут дети.

И он сжал ладонь с кулоном, вонзая в него ногти. Драко вскрикнул и рухнул на землю, как подкошенный, и упал на Гарри, придавливая того к земле. Лицо Драко посинело, но он всё ещё дышал. Люций ослабил хватку на кулоне. Гермиона увидела, как кулон мерцает в его кулаке — помятый, но не разбитый. Пока еще нет. Люциус пошел по траве в сторону Гарри и Драко. Гермиона бросила взгляд по сторонам и увидела, что Рон, Фред и Джордж достали волшебные палочки и готовы направить их на Люция.

— Не сейчас! — прошептала она. Они посмотрели на неё как на ненормальную. — Подождите, — прошипела она.

Люций дошёл до Гарри и Драко. Он наклонился и, одной рукой ухватив за рубашку своего сына, стянул его с Гарри и отпихнул безвольное тело в сторону. Гарри лежал на земле с заломленными за спину руками и смотрел на Люция.

— Прощай, Гарри, — сказал Люций, поднимая палочку.

— Привет, Люций, — произнес Гарри и сел.

Гермиона увидела, как что-то вспыхнуло серебряной молнией и заискрилось в его правой руке. Это был меч, взятый Гарри в фехтовальном зале в Имении. Он взмахнул мечом и разрубил палочку Люция пополам. Гарри вскочил на ноги, тогда как Люций закричал и упал на спину, из пальцев его правой руки текла кровь, а другая рука все еще сжимала Эпициклический кулон.

Гарри повернул голову к Гермионе, и она мгновенно поняла, что он хочет от нее.

— Гермиона! — закричал он. — Давай!

Гермиона направила свою палочку.

— Зовио! — закричала она. Эпициклический Кулон вылетел из левой руки Люция и полетел по воздуху к ней. Она схватила его очень осторожно и повернулась к Висли, которые держали свои палочки наведенными на Люция.

— Давайте, — скомандовала она.

— Оглушить! — крикнули Рон, Фред и Джордж.

Белый свет выстрелил из их палочек и ударил Люция в голову. Гермиона и до этого видела, что может делать объединенная сила нескольких Оглушающих заклятий, но и на этот раз это было не менее впечатляюще. Люция сдуло вбок, понесло по воздуху и стукнуло о ствол дерева, где он и остался лежать.

Гарри упал на колени рядом с Драко, все еще держа меч. Гермиона и Сириус побежали, чтобы присоединиться к нему, пока Висли поспешили посмотреть, в сознании ли еще Люций, и не опасен ли он.

— Стоя на коленях, Гермиона положила руку Драко на плечо. Лицо его всё ещё отливало синевой, но дыхание, похоже, восстановилось. Она обеспокоено посмотрела на Сириуса.

— Он оправится? — спросила она.

— Я думаю, он потерял сознание от боли, — тихо сказал Сириус.

Драко пошевелился, и открыл глаза.

— Нет, — сказал он. — Не потерял.

— Ну да, — произнес Гарри. — Ты просто решил отдохнуть в разгаре всех волнующих событий.

Драко посмотрел на Гермиону.

— Мой отец?

— Он жив, — проговорила она быстро. — Мы оглушили его.

Драко вдруг показался ей очень усталым.

— Это хорошо.

Черные тени лежали у него под глазами. Гермиона потянулась и очень нежно коснулась его лица.

— Это было здорово, — произнесла она. — Это и правда было здорово.

Драко посмотрел на Гарри.

— Как тебе удалось освободиться от веревок? — спросил он.

Гарри поднял меч.

— Разрезал их краем вот этого, — сказал он, и Гермиона увидела, что его запястья порезаны и кровоточат. — А знаешь что? — добавил он, переворачивая меч. — Я думаю, что твой отец, возможно, был прав, что вы все в родстве со Слитерином, — он повернул лезвие так, что все смогли увидеть слова, выгравированные на ручке, прямо над зелеными самоцветами: «Салазар Слитерин».

— Я всегда знал, что я особенный, — сказал Драко, и опять закрыл глаза.

Гарри посмотрел на Гермиону. Он больше не казался сердитым. Просто усталым, обеспокоенным и печальным.

— Хорошее Призывающее заклятье, Гермиона, — произнес он. — Спасибо.

Она только кивнула ему, не доверяя своему языку. В этот момент подошли Рон, Фред и Джордж. Рон шагнул впереди, Фред и Джордж тащили Люция. Сириус взглянул на них.

— Положите его в машину, назад, — скомандовал он.

Хотя Сириус, несомненно, имел в виду, чтобы они положили Люция на заднее сиденье, Висли начали заталкивать его в багажник. Сириус посмотрел на них, пожал плечами и повернулся назад к Драко.

— А когда мы вернемся в школу, — сказал Драко Сириусу, — ты расскажешь мне, что такого было с этим кулоном?

— Конечно, — Сириус выглядел взволнованным.

— И, Поттер, ты вернешь мне этот меч? Потому что он не твой. Он хранился в моей семье годами.

— Малфой, — сказал Гарри без злобы, — ты же никогда не замечал его до сегодняшнего дня, разве не так?

— Может так, а может и нет, — произнес Драко. Он усмехнулся Гарри, чье лицо, к удивлению Гермионы, внезапно расплылось в очень усталую и очень неохотную улыбку.

— Как скажешь, Малфой, — сказал он. — Как скажешь.

Глава 11. Магиды и Зеркала

— Как скажешь, Малфой, — сказал Гарри, и, с удивительной нежностью, вложил меч Салазара Слизерина в изгиб руки Драко.

Драко обвил меч рукой.

— Благодарю, Поттер, — произнес он с видимым усилием.

Сириус, Гарри и Гермиона обменялись тревожными взглядами. Оставив Гарри и Гермиону сидеть по обе стороны Драко, Сириус поднялся и зашагал к летающему автомобилю. Братья Висли как раз окончили заталкивать бессознательного Люция Малфоя головой вперед в багажник, и смотрели друг на друга с удовлетворением.

— Привет, Сириус, — сказал Рон, как только тот приблизился. — Мы положили Люция назад, как ты и сказал.

— Спасибо, — произнес Сириус. — Но это не тот Малфой, за которого я волнуюсь в данный момент.

Фред покачал головой.

— Я никогда не думал, что буду чувствовать жалость по отношению к Драко Малфой, — сказал он. — Но сейчас я чувствую что-то похожее. Имей в виду, я все еще не люблю его. Но его собственный отец пытался убить его, как... — Фред содрогнулся. — Я чувствую себя просто счастливым, когда сравниваю.

— Ты и есть счастливчик, — коротко сказал Сириус.

Рон кусал нижнюю губу.

— Люций правда пытался убить его? — спросил он.

— О, да, — заявил Сириус. — И почти преуспел. И еще сможет, если мы не отправим Драко назад в Хогвартс поскорей. Он умирает.

Джордж уронил ключи от машины.

— Умирает? — эхом повторил он, ошарашено уставившись на Сириуса.

— Готовьте машину, — кратко заявил Сириус, и зашагал назад к Драко. Он опустился на колени рядом с ним, и спросил:

— Ты можешь идти?

Драко, казалось, размышлял над этим. Затем он сказал с легким удивлением на лице:

— Вообще-то нет.

Гермиона выглядела так, будто была готова тут же заплакать, но не заплакала.

— Ничего, — решительно сказал Сириус, наклонился и поднял Драко так, как будто он весил не больше, чем ребенок, а не почти взрослый человек. Когда он поднимал его, меч выпал из руки Драко и глухо стукнулся о землю.

Гарри подобрал меч и протянул Сириусу, который выпростал свободную руку и взял меч за рукоятку.

И тут же уронил снова, как будто он был раскаленным.

Когда он заговорил опять, в голосе чувствовалось напряжение.

— Гарри. Возьми меч ты.

— Ладно. — Гарри был удивлен.

— И не позволяй никому дотрагиваться до него, — произнес Сириус и зашагал с Драко назад к машине.

— О чем это он? — спросила Гермиона с интересом.

Но Гарри не обращал внимания. Глядя на Сириуса и Драко, он прошептал:

— Я и забыл, какой Сириус сильный.

Она повернулась и посмотрела на Гарри, и он посмотрел в ответ. Это был первый раз, когда он смотрел ей в глаза, со времени их разговора на вершине обрыва. Она не могла не почувствовать перемены в том, как он смотрел на нее. Появилось что-то такое, чего она понять не могла.

— Ты думаешь, он умрет? — спросила она.

Гарри покачал головой.

— Я надеюсь, нет, — сказал он, и, поднимаясь, подобрал меч. — Но Сириус, похоже, думает, что он довольно слаб. Я на самом деле не знаю.

Пока она следовала за Гарри назад к машине, Гермиона разглядывала Эпициклический амулет в ее руке. Это была отвратительно красивая вещь — белое золото обрамляло стеклянный кулон, внутри которого был один из детских зубов Драко. Она видела, где ногти Люция процарапали мягкое чистое золото, где его рука сжимала стекло, пока не искривила его, словно линзу телескопа.

Сириус положил Драко на заднее сиденье, где он неуклюже осел, обняв себя руками так, как будто ему холодно. Он слабо улыбнулся Гермионе, когда она забралась вслед за ним, затем закрыл глаза. Сириус уселся рядом.

Гарри сидел впереди вместе с Висли.

Гермиона наблюдала за тяжело дышавшим Драко, когда Джордж подавал назад, выводил машину в воздух и перелетал через пропасть. Она чувствовала, как Сириус тоже наблюдал за его дыханием. Не то, чтобы у нее было хотя бы слабое представление о том, что она будет делать, если оно вдруг остановится.

Она взглянула вниз, когда они проплывали через Пропасть, чернильно-черную, бесконечную под светящимся ночным небом. Она все еще держала амулет в кулаке, и что-то нахлынуло на нее. Где бы ни был амулет, он всегда был бы опасен для Драко, уязвимого от любой его поломки или повреждения. Но если она швырнет его в Пропасть — он будет падать и падать вечно, недоступный для любой силы, кроме ветра. Она размышляла о том, что можно сделать с ним, теперь...

Гермиона повернулась назад, сжимая амулет и раздумывая, сможет ли она бросить его. И почувствовала легкое прикосновение на запястье.

Она посмотрела вниз и увидела, к своему удивлению, что это был Драко. Он был очень бледен, кожа под глазами была почти прозрачной, но он был в сознании. Он прошептал:

— Не надо.

Она пристально взглянула на него. Знает ли он, что это?

— Я думаю, что знаю, что это, — сказал он. — Я всегда догадывался. Но я хочу, чтобы ты хранила его.

— Хранить его? — Гермиона ужаснулась. — Я не хочу...

— Пожалуйста, — сказал он, и закрыл глаза.

Медленно Гермиона втянула руку назад. С чувством смертельной неохоты она расстегнула цепь, надела ее на шею и застегнула. Кожа почувствовала холод, когда медальон провалился под блузку. Он был тяжелым. Намного тяжелей, чем она представляла. Как якорь на шее.

Небо изменилось до синевато-серого, когда они приземлились на землях Хогвартса. Драко все еще был без сознания, и никакие встряски не могли привести его в чувство. Как только они коснулись земли, Сириус выпрыгнул из машины.

— Я иду за Дамблдором, — заявил он и, опустившись на все четыре лапы в образе собаки, стрелой умчался в замок.

Никто не мог придумать что сказать. Висли пошли убедиться, что Люций в багажнике все еще без сознания. Гермиона и Гарри сидели, наблюдая за дыханием Драко. Гермиона хотелось спросить его, сердится ли он все еще на нее, но казалось грубым затевать этот разговор в присутствии Драко, даже если он был без сознания. В конце концов, она сказала:

— Гарри, с тобой все в порядке?

Он взглянул на нее.

— У меня все хорошо, — произнес он. Его голос был лишен эмоций, а лицо все еще имело то отчужденное выражение, которое она не могла разгадать.

— Твои запястья все еще кровоточат, — сказала она вполголоса. — Ты хочешь...

Он выбрался из машины, не взглянув на нее, и пошел к Висли. Гермиона осталась сидеть, сдерживая слезы.

А затем вернулся Сириус с Дамблдором и Мадам Помфрей, и все было как в тумане. Мадам Помфрей приказала им всем отойти от Драко, наколдовала носилки, подняла его на них, и поспешила в больничное крыло. Все они наблюдали за ней, с различной степенью опасений.

— Профессор, — сказала Гермиона вполголоса, — что она сказала? Все ли будет в порядке?

Дамблдор покачал головой.

— Касательно этого, — произнес он тяжело, — я ничего не могу сказать в данный момент. — Он повернулся к Висли. — Я знаю, вы, должно быть, устали, мальчики, — сказал он. И добавил с легким блеском в глазах: — И я знаю, что ваш отец, должно быть, хочет, чтоб ему вернули машину. Но я бы хотел попросить вас сделать нам еще одно одолжение.

Они кивнули в знак согласия.

— Нам нужно, чтобы вы отвезли Люция в Отдел по Исполнению Магических Законов и там передали его Аурорам, — сказал Дамблдор. — Я говорил с ними. Они будут ждать вас. — Он повернулся к Сириусу. — Сириус, объясни им детали. Мне нужно в больничное крыло, посмотреть, смогу ли я помочь Мадам Помфрей. Гарри и Гермиона... пойдете, пожалуйста, со мной...

— Есть одна вещь, Профессор, — быстро произнес Сириус. — Меч, о котором я говорил, — он у Гарри.

Дамблдор посмотрел на Гарри.

— Могу я видеть его?

Гарри протянул ему меч, и Дамблдор задумчиво взглянул на него.

— Я понял, — сказал он, после длинной паузы, и протянул его назад Гарри. — Не позволяй никому другому касаться его, — объявил он, точно так же, как и Сириус. Он повернулся и направился в сторону замка, а Гарри и Гермиона поспешили за ним.

— Как он? — спросил Дамблдор, глядя на бледного мальчика в кровати. Гарри и Гермиона, наблюдали за всем с несчастными лицами.

— Он будет жить, — произнесла Мадам Помфрей, которая выглядела усталой, но уже не такой встревоженной. — Я дала ему несколько Укрепляющих Глотков и Энергозелье. У него нет тяжелых повреждений, и он вскоре придет в себя. Мальчик на самом деле довольно сильный, хотя и не выглядит таким.

— Я хочу, чтоб меня известили, когда он очнется, — заявил Дамблдор.

Дверь палаты открылась, и вошел Сириус.

— Они уехали, — сказал он Дамблдору.

Мадам Помфрей выглядела раздраженной.

— Это больничное крыло, а не вокзал, — резко сказала она. — Этому мальчику нужен отдых.

Гермионе захотелось улыбнуться Гарри. Она привыкла слышать от мадам Помфрей эти слова, когда Гарри находился на ее попечении; что было часто, после очередного необычного приключения, в которое он впутывался. Но Гарри не смотрел на нее.

— Ты права, Поппи, — произнес Дамблдор спокойно. — Гарри, вернемся в мой кабинет, мне бы хотелось поговорить с тобой. Сириус и мисс Грейнджер, вы можете остаться здесь с Драко, если хотите.

Дамблдор ушел с Гарри, а Сириус и Гермиона заняли места по обе стороны кровати Драко. Он, и правда, выглядел лучше. Его лицо постепенно приобретало здоровый оттенок. Гермиона была рада побыть наедине с Сириусом. Она хотела расспросить его кое о чем. Она вытащила Эпициклический амулет из-под блузки и показала его Сириусу.

— Драко захотел, чтоб это было у меня, но я не знаю, что мне с ним делать, — произнесла она. — Я собиралась забросить это в Бездонную Пропасть, но...

— Хорошо, что ты не сделала этого, — сказал Сириус. Если Люций когда-нибудь предстанет перед судом, нам нужно будет это, как доказательство. Верных десять лет в Азкабана дают за производство одной из таких штук, и, вероятно, еще десять лет за попытку убийства кого-нибудь с ее помощью. А если этот кто-то твой собственный сын...

— Хорошо, — сказала Гермиона. — Сириус...

— Да?

— Почему ты не позволил никому, только Гарри, коснуться этого меча? — спросила она.

В ответ Сириус протянул свою руку, и она увидела что-то вроде воспаленного красного ожога, пересекающего ладонь.

— Вот почему, — сказал он. — Если бы я держал его дольше, он бы сжег мою руку.

— Но Драко касался его, и с ним все в порядке, — возразила она.

— Да, это так, — сказал Сириус, снова оборачиваясь, чтоб взглянуть на Драко, — что обнаруживает целый ряд интересных возможностей.

— Ты не расскажешь мне, не так ли? — сказала Гермиона капризно. — Ты просто решил быть загадочным.

— Да, я такой, — согласился Сириус. — Загадочный Человек. Загадочный Человек-Пес, если быть точным.

Гермиона усмехнулась.

— Вообще-то, есть кое-что, что я хотел бы рассказать тебе, — заявил Сириус.

Она вопрошающе подняла брови.

— Не будь так строга к Гарри, — произнес он спокойно. — Люди, которых он по-настоящему любил в своей жизни, имеют тенденцию умирать. Это делает его сдержанным в выражении эмоций.

— Может быть, мы могли бы немного поменьше советоваться, — сказал Драко, — и немного побольше позаботиться о больном? Я в центре внимания здесь, разве не так?

Они оба подпрыгнули и уставились на него. Он пришел в себя и глядел на них, не улыбаясь, а с изумлением в ясных серых глазах.

— Драко! — счастливо вскрикнула Гермиона, и вдруг обняла его.

— Ой, — произнес он, но теперь уже улыбаясь.

— Прости, — сказала она, пятясь. — Я сделала тебе больно?

— Попасть под ноги десяти Пожирателям Смерти — вот что больно, — произнес Драко. — Ты всего лишь... напомнила мне.

Сириус смотрел на него строго.

— Как долго ты в сознании? — сказал он. — Ты слышал наш разговор об Эпициклическом заклятии?

— Да, — сказал Драко, больше не улыбаясь.

Сириус открыл рот, но Драко покачал головой.

— Все в порядке, — сказал он. — Я понял. Я понял столько, сколько хотел. Не объясняй.

Сириус закрыл рот и встал, с все еще тревожным видом.

— Я иду за Дамблдором, — сказал он. — Я только туда и обратно.

— Гарри, — произнес Дамблдор после длинной паузы.

— Да, профессор?

Гарри только что закончил рассказывать Дамблдору свою версию событий прошедшей недели. Они сидели в директорском кабинете, красивой круглой комнате, которая Гарри нравилась. Это было удачей, так как попадал он сюда довольно часто.

Дамблдор, очевидно, думал о том же.

— Я надеялся, что это будет семестр, который не окончится твоим сидением в моем кабинете с видом, как будто ты только что пережил восстание гоблинов. Увы, надежды не всегда сбываются, — посетовал он. — В дополнение, в настоящий момент Ауроры разъезжают по всей Англии с попыткой наложить Заклятье Беспамятства на всех Магглов, которые рассказали, что видели волшебников, падающих с неба, благодаря необыкновенно эффективному Вихревому Заклятию твоей подруги мисс Грейнджер. Что же касается Лорда Волдеморта... — Дамблдор вздохнул. — Мы даже не представляем, где он может быть.

— Я очень сожалею об этом, профессор, — сказал Гарри безразлично.

Брови Дамблдора поднялись.

— Погоди, Гарри, — сказал он. — Ты должен знать, что я не виню тебя. Не больше, чем винил тебя за то, что ты опустил свое имя в Огненный Кубок.

— Да, — произнес Гарри все так же безразлично. — Все случается именно со мной, не так ли?

— Ты особенный, — сказал Дамблдор. — Даже если ты не понимаешь, насколько особенный.

— Так расскажите мне, — заявил Гарри.

— Я собираюсь, — неожиданно произнес Дамблдор. — Но я жду, чтобы молодой Малфой сперва пришел в себя, поскольку это касается и его тоже, — добавил он, еще более неожиданно.

Гарри выпучил глаза.

— Что общего это имеет с Малфоем?

Теперь Дамблдор внимательно глядел на него.

— Он не нравится тебе, не так ли?

— Не слишком, — признал Гарри, уставившись в пол.

— И все-таки ты предложил свою жизнь за него, согласно твоему и Сириуса отчету, — сказал Дамблдор. — И он за тебя. Почему так?

— Я... не знаю, — произнес Гарри, очень удивленно. — Профессор...

— Да?

— Люций Малфой сказал, что его семья — потомки Слизерина. И этот меч, здесь, его. Но вы рассказывали мне, что не осталось потомков Слизерина, кроме Волдеморта.

— Я был не прав, — сказал охотно Дамблдор. — Это случается. Салазар Слизерин жил много столетий тому назад. Определенно, некоторые потомки его еще живы. Хотя ни один из них не имеет сколько-нибудь значительной концентрации крови Слизерина. Или я так думал. Это почти как то, что в тебе течет кровь Гриффиндора...

Гарри опрокинул чернильницу, которой игрался.

— Во мне есть кровь Гриффиндора?

— О, боже, — радостно заявил Дамблдор. — Имелось в виду, что это секрет.

— Значит, нет ничего удивительного, что я и Малфой не любим друг друга, — сказал Гарри. — Гриффиндор и Слизерин, они тоже не любили друг друга.

— Ты и Малфой напомнили мне двух других мальчиков, которых я знал когда-то, — сказал Дамблдор. — Я вызывал их в свой кабинет больше раз, чем мог сосчитать. Как они не выносили друг друга! И напрасно. К концу своего знакомства он готовы были умереть друг за друга. Это то, что я знаю.

Гарри взглянул на Дамблдора с любопытством.

— Джеймс Поттер и Сириус Блэк, — объявил Дамблдор.

Ошеломленный, Гарри готов был протестовать, когда дверь открылась, и в ней показалась голова Сириуса.

— Профессор, — сказал он. — Драко Малфой в сознании. Я думаю, что вам следует увидеть его.

— Как плохо, что папа не может быть здесь, — сказал Джордж Висли, используя палочку, чтобы направить бесчувственного Люция Малфоя вверх по лестнице здания Отдела по Исполнению Магических Законов. (Рон был оставлен у бордюра с незавидным заданием предотвращать столкновения прохожих с невидимой машиной.) — Он всегда хотел увидеть, как Малфой получит по шее.

— Прекрати стучать Люция головой об колонны, Джордж, — произнес Фред.

— Прости, — сказал Джордж без тени раскаянья. — Моя рука с палочкой немного дрожит.

Небольшая группа Отдела Волшебников Особого Назначения ожидала их внутри здания. Среди них был Дикий Глаз Хмури. Он стоял рядом с высокой ведьмой, в надвинутом на глаза капюшоне. Хмури подмигнул им своим волшебным глазом, как только они вошли.

Джордж отвел палочку от Люция, и тот упал на землю в центр круга волшебников и лежал там, слегка похрапывая.

— Вот и мы, — произнес Джордж радостно. — Люций Малфой. Весь к вашим услугам, джентльмены.

Волшебники вытаращили глаза.

Дикий Глаз Хмури взял дело в свои руки.

— Дамблдор сказал, что вы поймали Малфоя с запрещенным Эпициклическим амулетом, — прорычал он. — Это правда?

Фред и Джордж начали говорить одновременно.

— Он похитил Сириуса Блэка...

— Использовал Заклятье Терзатимус на Гермионе Грейнджер — она студентка Хогвартса.

— В его доме куча чёрномагических предметов...

— Пытался убить собственного сына этой Эпициклической штукой, мы сами видели...

— Он уголовник! — сделал вывод Джордж. — Бросьте его за решетку.
 — Или, — добавил Фред с надеждой, — Можете бросить в него чем-нибудь потяжелее.
 — Типа скалы, — предложил Джордж.
 — Свидетели? — спросил один из волшебников, раздраженным голосом.
 — Что? — сказал Фред, потерявший бдительность.

— Свидетели, — прогрохотал Дикий Глаз Хмури. — Не то, чтобы мы не знали, насколько плох Люций Малфой. Мы знаем это годы. Но никогда никто не хотел бы свидетельствовать против него.

Фред и Джордж посмотрели друг на друга.

— Ладно, — сказал Джордж неуверенно. — Мы. Мы свидетели.

Волшебники посмотрели с сомнением.

— И Сириус Блэк, — добавил Джордж.

Волшебники все еще сомневались. Хотя Сириус был оправдан год назад от обвинений в убийстве (с помощью Дамблдора и того факта, что стало очевидным, что Питер Петтигрю жив и находится в когорте Волдеморта), он все еще был далек от того, чтобы быть весомым членом магического общества.

— И Гарри Поттер, — сказал Фред безнадежно.

В ответ на это послышалось невнятное бормотание. Большая часть волшебного мира рассматривала Гарри, как героя, но были некоторые, кто не доверяли его все еще таинственной истории и силе. Джордж выхватил слова «Заклинатель Змей» и «всегда полно всяких сумасшедших историй, не так ли?»

Фред и Джордж посмотрели друг на друга с зарождающейся тревогой.

— Я буду свидетельствовать, — послышался голос.

Все обернулись, чтоб посмотреть, кто говорит. Это была стройная ведьма. Она стояла рядом с Диким Глазом Хмури и до этого времени молчала. Ведьма подняла руки и сбросила капюшон.

Это была Нарцисса.

Дикий Глаз усмехался. Он, очевидно, рассчитывал на это. Фред и Джордж, тем не менее, были сражены наповал.

— Я засвидетельствую, — произнесла она снова. — Я Нарцисса Малфой. Люций Малфой был моим супругом. Я могу показать, что он действительно виновен по всем обвинениям, выдвинутым в его адрес. В дополнение, я открою Имение Малфоев для Отдела по Исполнению Магических Законов и позволю вашим Аурорам свободную проверку всех его галерей. Там должно быть довольно материалов по Черной Магии, чтобы занять их на год. Я также, — продолжила она, обращаясь теперь непосредственно к Дикому Глазу Хмури, который выглядел так, будто Рождество уже пришло, — предоставляю вам все бумаги Люция. Многие из них относятся к Лорду Волдеморту и к тому, что он и мой супруг называли Планом. Это должно оказаться захватывающим чтением.

— Но... но почему? — спросил, заикаясь, один из волшебников.

— Потому что я хочу кое-что взамен от вас, — ответила Нарцисса.

— Правда? — произнес Дикий Глаз Хмури, глядя на нее, как будто он уже знал. — И что это?

— Я не хочу, чтоб Люция отправили в Азкабан, — сказала Нарцисса.

Джордж и Фред были напуганы.

— Почему нет? — воскликнул Фред.

— Это не может означать, что они позволят ему уйти? — запротестовал Джордж.

Нарцисса взглянула на некоторое время на распростертую фигуру своего мужа.

— Я не прошу для себя, — сказала она. — Я была бы рада видеть его в Азкабане до конца жизни. Но у нас есть ребенок. Драко. Мой сын. — Она посмотрела на Хмури. — Я не хочу, чтоб он думал о своем отце как об узнике Азкабана. Думал о нем, страдающем, сходящем с ума. — Она обернулась к остальным волшебникам. — Я прошу вас отправить его вместо этого в Госпиталь Св. Мунго для Волшебных Болезней. В отделение душевнобольных преступников.

— Я думаю, мы можем согласиться на это, — сказал быстро Дикий Глаз.

Последовало длительное молчание. Затем другие волшебники кивнули в знак согласия.

— Там достаточно ужасно? — спросил Джордж с надеждой.

Дикий Глаз усмехнулся ему, но другие волшебники были заняты разговорами между собой и игнорировали Висли. Один из волшебников наколдовал носилки и левитировал Люция на них.

Несколько волшебников выдвинулись из группы, чтобы сопроводить Люция в особого рода камеру для содержания.

Оставшиеся волшебники выглядели заинтересованным только в разговоре с Нарциссой, но она отошла от них и направилась к Фреду и Джорджу.

— Я хотела поблагодарить вас, — сказала она. — Дамблдор послал Дикого Глаза ко мне, и он рассказал мне, что произошло. Я хотела поблагодарить вас за все, что вы сделали для Драко.

Джордж покраснел. Нарцисса, возможно, была намного старше его, и она была к тому же матерью Драко Малфоя, но она была настолько красива.

— Не за что, — сказал он.

— Не могли бы вы оказать мне услугу? — продолжила она, и протянула им конверт. — Я написала Драко письмо, так как я не могу быть рядом с ним прямо сейчас. Вы передадите его ему?

— Будьте уверены. Конечно, — ответил Джордж, взяв письмо.

— Спасибо, — сказала она снова, наклонившись и поцеловав каждого в щеку, и зашагала назад к волшебникам, которые сопровождали ее из комнаты. Фред и Джордж, оба теперь свекольно-красного цвета под рыжими волосами, направились назад к машине.

Когда Гарри, Дамблдор и Сириус зашли в комнату, Гермиона и Драко беседовали. Она поставила локти на подушку, а он повернул к ней голову. Они оживленно говорили, и прервались только, когда Дамблдор прокашлялся, прочищая горло.

— Чувствуете себя лучше, мистер Малфой? — сказал Дамблдор, подмигивая. Он занял место рядом с Драко, а Гарри и Сириус сели напротив него. На коленях Гарри держал меч Салазара Слизерина, который выглядел неуместно в больничной комнате.

— Гарри, — произнес Дамблдор. — И Драко. — Дамблдор перевел взгляд с одного на другого поверх своих золотых очков. — Кто-нибудь из вас, — сказал он, — знает, что такое Магид?

Гарри и Драко тупо посмотрели на него.

Дамблдор повернулся к Гермионе, которая имела то выражение лица, которое оно обычно приобретало в классе, когда она одна, и никто больше, знала ответ на вопрос.

— Мисс Грейнджер?

— Ну, Профессор Биннс говорил мне, что Магид это редкий тип волшебников, наделенный от рождения особым даром, — четко произнесла Гермиона. — Салазар Слизерин был одним из них. Также Ровенна Рэйвенкло. Вы, профессор. И... — она заколебалась. — Темный Лорд тоже.

— Магид действительно редкий тип волшебников или ведьм, — согласился Дамблдор. — Редкий и очень могущественный. Магид может совершать волшебство, не пользуясь палочкой. Может сопротивляться многим чарам и проклятьям, и может переносить колдовство, легко убивающее любого другого волшебника. — Он повернулся к Гарри. — Ты помнишь, Гарри, когда ты спрашивал меня, почему Волдеморт хотел убить тебя, когда ты был ребенком?

Гарри кивнул, с несчастным видом.

— Вы сказали, что мне нельзя знать, но когда-нибудь вы скажете мне.

— Я говорю тебе сейчас, — сказал Дамблдор. — Ты — Магид, Гарри.

Оба, Драко и Гермиона, быстро повернулись, чтоб посмотреть на Гарри, побледневшего от удивления. Сириус совсем не выглядел удивленным — было очевидно, что он уже знал.

— Я? — произнес Гарри, шокировано.

— Да, ты, — заявил Дамблдор. — Ты, несомненно, очень могущественный Магид.

— Ох, естественно, — сказал Драко, раздраженным голосом. — Теперь Поттер, ко всему, еще и Магид?

Дамблдор повернулся к Драко, который побледнел на мгновение, думая, что директор сейчас отругает его. Вместо этого, Дамблдор сказал:

— Вы — тоже Магид, мистер Малфой. И, если я не ошибаюсь, куда более могущественный, чем Гарри.

Драко стал еще бледнее, чем был Гарри.

— Вы уверены? — спросил он, голосом полным сомнения.

— Я не был, — произнес Дамблдор. — Я всегда знал это о тебе, — сказал он, обращаясь к

Гарри. — Мы знали это, когда ты родился. Вот почему Волдеморт хотел убить тебя, почему твои родители должны были прятаться с тобой. Он не хотел, чтобы ребенок-Магид родился у двух его злейших врагов, двух моих самых лучших союзников. Он знал, что когда ты станешь достаточно взрослым, ты превратишься в оружие, которым мы сможем сражаться с ним.

— А я? — прервал Драко. — Почему он не пытался убить меня?

— Зачем? — сказал Дамблдор, значительно. — Ты — ребенок его ближайшего сподвижника. Подумай, каким оружием ты мог бы быть в его арсенале! Ты мог бы быть величайшим Пожирателем Смерти из них всех. — Дамблдор покачал головой. — Твой отец держал это в секрете, Драко. Родителям, ребенок которых Магид, предлагается зарегистрировать его в Министерстве при рождении; он никогда не регистрировал тебя. Я сомневаюсь, что кто-нибудь знал об этом, кроме Люция и самого Волдеморта. Различные орудия предсказания, которыми я пользовался сам, показывали, что в Хогвартсе есть еще Магид, но я никогда не знал, кто это.

Драко притих, вспоминая, как отец сказал ему в то утро: «Лорд Тьмы возлагает на тебя такие большие надежды, Драко».

— Откуда вы знаете? — спросил он Дамблдора. — Откуда вы знаете, что я Магид?

— Этот меч, к примеру, — произнес Дамблдор, указывая на то место, где он лежал на коленях Драко. — Это — очень могущественный волшебный объект, Драко. Только Магид может коснуться этого меча. Затем тот факт, что Люций сделал Эпициклический амулет из твоих зубов, когда ты был малышом. Он использовал его, чтобы контролировать тебя и твою мать, это правда, но это также позволяло ему черпать немного из твоей силы Магида. Это делало его намного более сильным волшебником, чем он был бы иначе.

Драко и Гарри оба вытаращились на директора, а Гермиона спросила,

— Профессор Дамблдор?

— Да?

— Это причина, почему Многосущное зелье так подействовало на Гарри и Драко... Это потому что они Магиды?

— Прекрасная догадка, Мисс Грейнджер. В некотором-то смысле, верная. Многосущное зелье действовало так долго потому, что мистер Малфой пожелал этого.

— Что Люций сделал? — обалдело спросил Гарри.

— Он меня имеет в виду, идиот, — ответил Драко. — И я ничего такого не делал! — добавил, глядя на Дамблдора.

— Делал, — подмигнул Дамблдор. — У меня хватает смелости предположить, что между тобой и Гарри всегда было, скажем так, соперничество...

— Он мне завидует, если вы это имеете в виду, — влез Драко.

Гарри вытаращил глаза.

— Действительно, — продолжал Дамблдор. — У меня такая теория. Когда вы выпили Многосущное зелье, мистер Малфой, и оно превратило вас в Гарри, вы немедленно узрели преимущества этой ситуации. Быть Гарри. Жить его жизнью. Видеть то, что видел он. Узнать его тайны. Твой отец учил тебя искать слабости противника и использовать их в своих интересах, не так ли?

Драко побледнел.

— Я...

— Профессор, — запротестовал Сириус.

Дамблдор не обратил на них внимания.

— Он учил тебя и другим вещам, — продолжал он также спокойно. — Видеть зло, когда предлагают добро, игнорировать тех, кто ниже тебя по рождению и подлизываться к вышестоящим. Ценить только сиюминутную наживу и удовлетворение своих интересов.

— Я никогда... — сказал Драко слабо. — Никогда нарочно...

— Я сказал, он учил тебя, — ответил Дамблдор. — Я не сказал, что ты научился. Я думаю, были и другие преимущества для тебя в том, что ты был Гарри. Ты всегда думал о Гарри, как о человеке, которому доброта и другие хорошие качества даются легко. Будучи же Гарри, ты мог следовать своим лучшим побуждениям, которые, будучи в своем теле, ты упорно подавлял. Ты мог быть хорошим. Храбрым. Героем. — Он посмотрел на Драко, очень внимательно, поверх очков. — Я

не говорю, что ты хотел, чтобы действие зелья продлилось, ни один обыкновенный волшебник не мог бы этого сделать. Нет, просто ты использовал свою энергию, энергию Магида, чтобы оно работало. И, как я понимаю, это был другой Магид, который снял с тебя это заклятие.

Драко тараторжил на Дамблдора с открытым ртом.

— Можно мне спросить, Профессор? — тихо произнесла Гермиона.

— Да, мисс Грейнджер?

— Если Драко и Гарри Магиды... почему у Гарри это никак не проявилось? И почему у Драко это не проявлялось до сих пор?

— Эта черта не проявляется обычно до поздней юности. Это может произойти случайно, или под влиянием некоторых стимулов.

— Каких, например? — с любопытством встрял Гарри. Он не был уверен абсолютно, но на секунду ему показалось, что Дамблдор смутился.

— Сильных эмоций определенного вида, — сказал директор. — Опасность тоже действует. Вообще-то, в давние времена, если ребенок-Магид не проявлял никаких особенных способностей до восемнадцати лет, Министерство посылало его сражаться с драконом или еще каким-нибудь монстром.

Гарри выглядел взволнованным.

— Я уже встречался с драконом, и все равно никаких признаков того, что я Магид, Профессор...

— Все в порядке, Гарри, — жизнерадостно сказал Дамблдор. — Мы дадим тебе два года сроку, а потом скормим тебя Василиску.

Гарри глянул на Дамблдора. Он был уверен, что тот шутит. Так ведь?

— Я поговорю с вами обоими об этом позже, — объявил Дамблдор. — Я боюсь, что если мы задержимся здесь еще, то у Мадам Помфрей найдутся сильные слова для меня.

Гермиона улыбнулась Драко, вставая.

— Я приду завтра.

Гарри положил меч на кровать Драко, где тот мог его достать, если захочет.

— Пока, Малфой.

— Есть ли шанс, Профессор, — спросил Гарри, когда они вышли из комнаты, — что мои способности Магида появились из-за крови Годрика Гриффиндора?

— Старый Годрик Ворчливый, как мой партнер Николя Фламель называл его? — весело сказал Дамблдор. — Я сомневаюсь, Гарри. Он не был Магидом. Вовсе нет. Великий воин — да. Очень храбрый. Всегда кричал. Так он пугал своих врагов, понимаешь, своим военным кличем.

— А я думал, своим мужеством и блестящей тактикой.

— Нет, — ответил Дамблдор. — Это все его кличи, правда.

Сириус и Дамблдор направились к кабинету директора поговорить, а Гермиона и Гарри, оба ужасно уставшие, медленно пошли к Гриффиндорской башне. Они остановились перед портретом, и Гермиона повернулась к Гарри.

— Ты доволен, тем, что ты Магид?

— Конечно, — ответил Гарри. Он выглядел изможденным, под глазами были черные круги. — Уж поверь мне.

Она посмотрела на него, и вдруг поняла, что в выражении его лица что-то изменилось. Она не могла прочитать его — а ей всегда удавалось это раньше. Она думала, что знает все оттенки эмоций на его лице, в голосе, но теперь... что бы он ни чувствовал, он скрывал это от нее.

— Гарри, о том, что произошло...

— Нет, — отрезал он.

Она остановилась.

— Что, нет?

— Нет, я не хочу говорить с тобой сейчас, — ровно сказал он.

— Но...

— Давай угадаю, — он повернулся к ней, таким злым она его еще не видела, — ты придумала что-то, что причинит мне еще больше боли. И не можешь подождать до завтра, потому что весело

смотреть на выражение моего лица.

Гермиона была в шоке.

— Гарри, прости...

— Я не хочу говорить об этом сейчас, — повторил он. — Я не знаю, почему ты напоминаешь мне об этом. Может хочешь еще раз сказать, как я ранил тебя, как мое поведение разрушило все шансы с тобой. А потом ты пойдешь флиртовать с Малфоем, так же, как и тогда. Потому что, видимо, то, что он делает, не разрушает все его шансы с тобой.

Она открыла рот, чтобы возразить, но тут же закрыла его. Гарри был прав. Она флиртовала с Драко перед ним. И может, она делала это для того, чтобы ранить его. Если так, то это точно сработало. Что было слабым утешением.

Гарри отвернулся.

— Бумсланг, — сказал он портрету, и тот открылся.

— Гарри, прости меня, — произнесла Гермиона отчаянно. — Что ты хочешь, чтоб я сказала?

— Сейчас я хочу только одного — закончить этот разговор.

Он прошел сквозь дверь за портретом. Спустя секунду, Гермиона последовала за ним.

Рон, Фред и Джордж сидели у камина, и приветствовали их радостными воплями. Гарри подошел к ним и упал в кресло. Гермиона, чувствуя, что сейчас разрыдается, повернула в другую сторону и побежала по лестнице в спальню девочек.

Она была уже на полпути вверх, когда ее кто-то окликнул. Это был Рон.

— Гермиона, подожди.

Она спустилась на несколько ступенек. Теперь она стояла так, что ему пришлось откинуть голову назад, что посмотреть ей в лицо (это было странно для Рона, так как он был одним из самых высоких учеников в школе.)

— Что?

— Ты любишь Малфоя? — резко спросил он.

— Что?

— Ты слышала, — сурово сказал Рон. — Потому что Гарри думает, что любишь. Я сказал ему, что нет, но он мне не поверил.

— Если Гарри хочет знать, почему не спросит меня? — оборвала его Гермиона.

— Не знаю, — раздраженно произнес он, — может потому, что когда в прошлый раз он спросил тебя, ты едва не оторвала ему голову.

— Я смотрю, все об этом знают?

— Гермиона, — голос Рона теперь звучал отчаянно, — ты не можешь серьезно думать об отношениях с Драко Малфоем, да? Я имею в виду, это же сумасшествие. Он никогда не сделает тебя счастливой. Он будет пудрить тебе мозги, а сам пойдет флиртовать с другими за твоей спиной. И он, наверное, организует рок группу и покрасит волосы в синий цвет, а тебе придется ждать его дома с детьми, пока он шляется неизвестно где. И когда-нибудь он бросит тебя с воспоминаниями и кучей белобрых детишек.

— Рон, отвали. Ты даже не представляешь, о чем говоришь, это звучит как бред.

— По крайней мере, я не говорю о том, чтобы встречаться с Малфоем!

— Это потому, что он никогда бы не захотел этого. Ты не его тип. И ты не прав насчет него.

— Да? — Рон был в ярости. — Это почему?

— Он никогда не покрасит волосы в синий цвет, он слишком тщеславен для этого. — Гермиона повернулась и ушла в спальню девочек. Рон остался на ступеньках, чувствуя себя жутко раздраженным, так как начал понимать, что не получил ответа на свой вопрос.

Как только все ушли, мадам Помфрей принялась лечить оставшиеся раны и синяки Драко. В полусне, с закрытыми глазами, он чувствовал легкие прикосновения на своем лице, шее и плечах, пока она залечивала царапины, порезы, синяк и разбитую губу — все, что сделали Пожиратели Смерти. Она вправила его растянутое запястье и хотела перейти к ране на ладони.

— Нет, — отдернул руку Драко, — оставьте.

Мадам Помфрей была удивлена тем, что он не спит, но не выказала этого.

— Не сходи с ума, — начал она. — Это глубокая рана, у тебя останется шрам.

— Я сказал, оставьте! — Драко бросил на нее, как он надеялся, угрожающий взгляд.

— Ты хочешь шрам? — недоверчиво спросила она.

Он сжал руку в кулак и положил ее на грудь.

— Просто оставьте, — повторил он.

— Ладно, — мадам Помфрей покачала головой. Она перешла к ранам на ногах, а Драко поднес руку к лицу и изучал ее. Гарри глубоко порезал ему ладонь, от края до края. Было трудно сказать при таком слабом свете, но чем больше он на него смотрел, тем больше шрам напоминал молнию.

Уставшая Гермиона обнаружила, что у нее не будет ни малейшего шанса поспать, пока она не расскажет всю историю Лаванда и Парвати, которые приветствовали ее восторженными криками. Не потому, думала Гермиона сидя в постели в своей пижаме, что они были счастливы ее видеть, а потому, что надеялись услышать сплетни.

— Ты целовалась с Драко Малфоем в ШКАФУ? — спросила Лаванда, когда Гермиона наконец закончила рассказывать.

— Ну, это не главное в истории, но да.

— Но он такой... нехороший, — Парвати сидела с открытым ртом.

— И такой привлекательный, — сказала Лаванда, хихикая. — Брось, Парвати, он милый... Я никогда не видела волос такого цвета. Как елочная мишура.

— Пожалуй. — Парвати, казалось, это не убедило.

— Он вспотел? — поинтересовалась Лаванда. — Он снимал одежду?

— ЛАВАНДА, — взвыла Гермиона. — Я не СКАЖУ ТЕБЕ.

— Ну, а что же Гарри? — продолжала Лаванда. — Ты же целовалась с ним. Как это было? Здорово?

Гермиона думала можно ли поцелуи с Гарри охарактеризовать словом «здорово». Это было прекрасно, разбивало сердце, будоражило и ужасало одновременно. Было это «здорово»?

— Было нормально, — ответила она.

Лаванда вытаращила глаза.

— Вот это да, — протянула она.

— Значит, ты теперь встречаешься с Драко? — поинтересовалась Парвати.

Гермиона подумала.

— Я не знаю.

— Но ты не встречаешься с Гарри? — бесцеремонно спросила Лаванда.

— Он не разговаривает со мной, значит, нет. Мы не встречаемся, и, — добавила она, — я сомневаюсь, что когда-нибудь будем.

— Ну, — Лаванда слегка колебалась, — раз уж у вас с Гарри не получилось, я подумала... что ты не будешь возражать... если я приглашу его куда-нибудь.

Гермиона смотрела на Лаванду с открытым ртом.

— Лаванда! В самом деле!

Лаванда не выглядела смущенной.

— Я понимаю, что не много ходила на свидания, — прохладно сказала она, — и не знаю, как все это работает. Я не могу сказать за всех, но я держалась подальше от Гарри последние несколько лет, потому что мы знали, что он нравится тебе, и думали, что ты нравишься ему. Теперь же...

— А ты что думала, Гермиона? — фыркнула Парвати. — Гарри знаменит, богат, красив и очень мил. Еще он спас мир, уже пять или шесть раз. Конечно, он ужасно танцует, — добавила она, подумав, — но многие люди не знают об этом.

— И приближается наш последний год, — продолжала Лаванда. — Нам будут нужны кавалеры на Рождественский бал, на танцы для Седьмого Класа, и Гарри будет к тому времени Капитаном команды по Квиддичу...

— И тот, кто встречается с Гарри, наверняка увидит свое фото в Ведьмовском Еженедельнике, — вставила Парвати.

Гермиона смотрела на них так, как будто они обе вдруг превратились в оборотней.

— Вы говорите мне, что с этого момента открыта охота на Гарри?

— Ну, вообще-то, да.

Гермиона поняла, что после шести лет, когда она болталась с Роном и Гарри, она не поняла главного о других девочках. Она посмотрела на Лаванду в ужасе, и Лаванда же смотрела на нее с жалостью, но решительно.

— Извини, Гермиона. Но тебе должно быть все равно... так ведь?

Гермиона проспала весь этот день и большую часть следующего. Когда она, наконец, встала и спустилась вниз на обед на дрожащих ногах, то увидела, что мир, который она знала, изменился за одну ночь.

Никогда не стоило, и пытаться хранить секреты в Хогвартсе. Особенно когда к этому имел отношение Гарри. Все знали, что случилось: где Гарри, Гермиона и Рон были, что отец Драко Малфоя в тюрьме, что Драко чуть не умер, и что он и Гермиона если и не пара, то хотя бы встречаются.

Когда она вошла в Большой зал, все повернулись и уставились на нее. Она, по привычке, начал искать глазами Рона и Гарри. Они сидели за столом Гриффиндора с Фредом и Джорджем. Когда они заметили ее, Рон нервно улыбнулся.

А Гарри не смотрел в ее сторону.

Гермиона прикусила губу. Она не заплачет. Она отвернулась от них — и увидела Драко. Он сидел за столом Слитерина, положив ноги на скамью и занимая три места из-за своих длинных ног. Он поймал ее взгляд и улыбнулся.

Это решило дело. Даже не подумав, Гермиона прошла через зал и села рядом с ним.

Она слышала жужжание голосов, промчавшееся по залу, но ей было все равно. Она была счастлива видеть Драко. Его левая рука была забинтована, но в остальном он выглядел вполне здоровым.

— Привет, — поздоровался он, когда она села рядом и свернул Ежедневный Пророк, который читал. — Знаешь, о чем я думал?

— Нет, — улыбнулась в ответ она.

— Как назвать нашего первого ребенка, — сказал он. — Я думаю, это зависит от того, будет это мальчик или девочка. Если мальчик, то я подумывал о чем-нибудь вроде «Драко-младший». Или мы всегда можем назвать его Гарри, просто чтоб смутить старика Четырехглазого. Он никогда не додумается, как это воспринимать.

— Драко, — начал Гермиона, увидела, что он смеется, и бросила в него вафлей.

Он пригнулся.

— Извини, но ты бы слышала, о чем все говорят. Похоже, они думают, что у нас Роман Века, а не просто пара поцелуев в пыльном шкафу.

— Ой.... — Гермиона закрыла лицо руками. — Как все узнали об этом?

Драко пожал плечами.

— Понятия не имею. Но я могу сказать, что это избавило меня от Панси Паркинсон, за что я вечно буду благодарен. Она подошла ко мне утром в истерике и спросила правда ли это. Естественно, я сказал, что да, догадываясь, что все, что ее расстроит, — хорошо. Ну и она велела мне никогда больше с ней не разговаривать.

Он усмехнулся и опять развернул «Ежедневный Пророк». Гермиона мельком глянула на первую полосу и замерла в шоке. **ЛЮЦИЙ МАЛФОЙ АРЕСТОВАН; ЕМУ ПРЕДЪЯВЛЕНО ОБВИНЕНИЕ.** Она разглядела некоторые слова в тексте: «Незаконное использование Эпициклического заклятия», «похищение и пытки», «показания Нарциссы Малфой», «следует приговор».

Драко проследил за ее взглядом и опустил газету.

— Извини, — подняла она глаза. — Ты как?

— Да нормально, — и он действительно так выглядел. — Я получил вчера письмо от матери. Она написала мне почти все, что должно произойти. Так что я не удивился. И, — добавил он, — его не посадят в Азкабан.

— Хорошо. — Правда, в душе, Гермиона думала, что Люций заслуживает Азкабана больше, чем

кто-либо другой. Посмотрев на Слитеринцев, сидящих за столом, она увидела, что многие быстро отводят взгляд.

— Все смотрят на меня, — тихо сказала она Драко.

— Это потому, что ты бросила Гарри Поттера ради Драко Малфоя, — весело сообщил он. — Знаешь ты это или нет.

— Великолепно! Теперь у меня два воображаемых парня. Одни проблемы и никакой выгоды.

— Тебе нужна выгода? — Драко смотрел на нее с любопытной улыбкой.

Гермиона покраснела так, как будто ее сунули в кипяток.

— Хм.

— Пойдем, — он протянул ей руку. — Давай прогуляемся к озеру. Я тебе кое-что покажу.

— Хм, — повторила она.

— Ничего такого, — усмехнулся он.

— Ладно, — она поставила тарелку и вышла за ним из зала.

Гарри и Рон смотрели, как она уходит, Рон — обалдевший, Гарри с абсолютно другим выражением на лице.

— Так, — произнес он, — я полагаю, это делает меня Просто-Отступающим-Как-Идиот-И-Наблюдающим-Как-Она-Уходит-С-Малфоем-Парнем.

— Нет-нет, — жизнерадостно заметил Рон. — Я горжусь тем, что ты не отступил. Ты храбро выступил вперед, и выставил себя жутким идиотом, и она все равно ушла с Малфоем.

— Спасибо тебе, Рон.

— Ну, в конце концов, ты пытался, — продолжал Рон.

— Это я. Парень, Который Пытался.

— Вообще-то, — встрял Джордж, — честно говоря, это Малфойу удалась попытка.

Гарри уронил вилку.

— Ты мог бы не говорить таких вещей при мне?

— Извини, — сказал Джордж, но его губы кривились от смеха. Он закрылся тарелкой.

То же самое сделал и Фред.

— Почему мои страдания вас так веселят? — поинтересовался Гарри вслух.

— Ну, это же очевидно, — сказал Рон.

Гарри повернулся к нему.

— Да?

— Потому что они напрасные, — пояснил Рон. — Она любит тебя, придурок. Ты сошел с ума и не разговаривал с ней, и что ты ждал, что она будет делать? Когда Малфой пользуется остатками твоего шарма, или что он там получил, когда ты и он были под воздействие зелья.

— Я не знаю, — задумчиво проговорил Гарри, — я думаю, это уже его личный шарм.

— Ты имеешь в виду, он действительно ее любит? — спросил Рон ошеломленно.

— Думаю, да.

— В таком случае, — объявил Джордж, — у тебя, и правда, проблемы.

Фред опять улыбался.

— Подумай о том, как Малфой спросил, убил бы ты его. Спорим, ты хочешь вернуть этот момент, да?

— С такими друзьями как вы, кому нужны самобичевание и мучения? — риторически спросил Гарри, глядя на них.

— Откуда столько сарказма? — внимательно посмотрел на Гарри Джордж. — Ты говоришь как...

— Малфой, — закончил Фред.

Они все изучающе рассматривали Гарри.

— Похоже, что Малфой получил эффект твоей личности Хорошего Парня, — заявил Фред после небольшой паузы. — А ты...

— Получил ужасный характер, — продолжил Джордж.

— Я думаю, можно сказать, что Малфой здесь вчистую выиграл, — завершил Фред.

— Да. — Гарри смотрел на дверь, через которую ушли Драко и Гермиона. — Скажи мне что-

нибудь, чего я не знаю.

Это был прекрасный солнечный день. Драко и Гермиона обошли озеро и направились к небольшой рощице. Они шли мимо того места, где проходило второе задание Трехмагового турнира во время четвертого года. Гермиона думала, знал ли об этом Драко.

Он остановился под деревьями и позвал ее:

— Иди сюда.

Она подошла. Они стояли так близко, что ее рука касалась его руки.

— Смотри. — Драко показал левой рукой на подножье дерево. Ничего не произошло. — Ой, я забыл. Бинты мешают.

Он направил другую руку на землю и в этот раз что-то начало происходить. Послышался звук, как будто дернули гитарную струну. И земля начала шевелиться. Гермиона в изумлении смотрела, как из земли появился зеленый росток и начал стремительно тянуться вверх. Через несколько мгновений он превратился в черную розу. Это была единственная черная роза, которую девочка видела в своей жизни.

Она поглядела на Драко с открытым ртом.

— Это... как ты...?

Он улыбнулся. — Это сила Магида, я все утро тренировался. Тебе нравится?

— Я никогда не видела черной розы до этого. — Гермиона наклонилась, чтобы рассмотреть ее.

— Похоже, я не могу вырастить цветок другого цвета. — Он пожал плечами. — Думаю, потому что я не такой парень, который дарит цветы. У меня хорошо получаются Мухоловки, и я могу делать град, но цветы... видимо нет.

— Град?

— Ну, на небольшой территории. И он тоже был черный.

— Ты не думаешь, что опасно пользоваться силами Магида, если ты еще не научился как следует? — спросила Гермиона, зная, что это звучит по-учительски, но не в силах смолчать.

— Может быть, с неба могли падать и наковальни. Но я не очень волнуюсь. Тебе не нравится цветок? — обеспокоено спросил он.

Гермиона сорвала его и встала, аккуратно держа его пальцами. У цветка было много длинных острых шипов.

— Он мне нравится, — сказала она, глядя на Драко. — Он весь в шипах. Так же как и ты.

Он наклонился и поцеловал ее в уголок рта, и его серебряные волосы коснулись ее щеки, как крылья бабочки. Она вдохнула его запах — кофе, и лайм, и перец, и кленовый сироп, который он ел на завтрак.

Затем она отстранилась.

— Я не могу.

— Почему НЕТ? — голос Драко в эту секунду звучал не так, как у Малфоя умеющего себя контролировать, а как у раздраженного шестнадцатилетнего парня.

— Я не знаю, что происходит между мной и Гарри.

— Да ни черта, — сказал Драко, — Вот, что происходит между тобой и Гарри, разве я не прав?

— Да, — медленно произнесла она. — Ты прав. Но у нас ничего не может быть, пока он не разговаривает со мной, потому что... потому что...

— Потому что тебе нужно его благословение? — продолжил за нее Драко.

Она с удивлением поняла, что это, должно быть, правда.

— Думаю, да.

— В этом случае, — сказал Драко, — мы будем встречаться, когда тебе исполнится тридцать.

— Дай мне немного времени, — умоляюще посмотрела она на него.

Он вскинул руки.

— Ладно. Время.

Гермиона никогда не понимала, что тот простой факт, что она всегда была с Гарри, убедил всю

школу, что они пара. Частые статьи в Ведьмовском Еженедельнике тоже не отставали. Теперь же, когда ходили слухи о ней и Драко, и что она и Гарри больше не друзья, девочки начали крутиться как бешеные.

Все вокруг Гарри.

Внезапно, девочки были на тренировках по Квиддичу, девочки за столом Гриффиндора, девочки ждали у классов. Казалось, что каждый раз, когда она видит Гарри, тот окружен девочками. Высокими, низкими, она даже видела Мрачную Миртл, пытающуюся привлечь внимание Гарри около туалета. Гермиона начало казаться, что она единственная девочка, постоянно не разговаривающая с Гарри. Это оказалось просто ночным кошмаром для нее. Куда бы она ни шла, она везде видела Гарри — в конце концов, они были в одном колледже и большинство уроков у них были вместе, — но он не говорил с ней и даже не смотрел на нее, и всегда был окружен девочками.

Если бы не Драко, Гермиона чувствовала бы себя ужасно жалкой. Он всегда, казалось, был рад ее видеть, и с ним было очень легко. Он представил ее своим друзьям из Слитерина, что было... интересно. Крабб был так шокирован, что оплевал ее крекером, а Гойл просто стоял и тарасился с открытым ртом. Пэнси Паркинсон начинала реветь каждый раз, когда Гермиона проходила мимо нее. И Гермиона отказалась знакомиться с Миллисент Балстроуд, так как еще помнила ту заварушку во время второго года. Некоторые Слитеринцы были не такими уж плохими, но Гермиона чувствовала себя не очень хорошо среди них.

— Когда они смотрят на меня, — рассказывала она Парвати (она бы предпочла поговорить с Роном, но так как тот всегда был с Гарри, это было невозможно). — Я чувствую, что они в мыслях затачивают ножи для меня.

— Ну, они не самые милые люди, это точно, — согласилась Парвати, которая пыталась удлинить свои ресницы перед зеркалом в их спальне. — Но не могут же они все быть ничего не стоящими, да?

— Кроме Драко, ты имеешь в виду? — Гермиона лежала на кровати и смотрела на Парвати.

— Ну, так как ты встречаешься с ним.

— Мы не встречаемся, — запротестовала Гермиона.

— Нет? — Парвати была так удивлена, что случайно удлинила ресницы на фут, и Гермионе пришлось помочь ей вернуть им нормальный вид. Когда они закончили, Парвати повторила свой вопрос, и Гермиона вздохнула.

— Нет, — сказала она, — мы просто друзья.

— Хочешь скажу кое-что, Гермиона? — серьезно спросила Парвати. — Ты дружишь с Драко Малфоем... это даже страннее, чем, если бы ты встречалась с ним.

— Почему? — поинтересовалась Гермиона.

— Ну, если бы с ним встречалась, это можно было бы списать на неконтролируемое физическое влечение. Я знаю, он мил. Это факт. Но если вы просто друзья... — Парвати пожалала плечами. — Значит, он действительно тебе нравится.

Гермиона перевернулась и уставилась в потолок.

— Он мне нравится.

— Несмотря на то, что испорченный, эгоистичный, с жутким характером и отвратительным чувством юмора, любит издеваться над теми, кто слабее и... — Парвати замолчала, увидев выражение лица Гермионы. — Ну, он такой.

— Я знаю, — сказала Гермиона. — Не так, как раньше... но он действительно хороший человек, Парвати.

Парвати повернулась и внимательно смотрела на Гермиону. — Тогда, почему ты с ним не встречаешься?

— Потому что...

— Потому что он не Гарри. — Парвати выказала редкую интуицию. Гермиона повернулась на кровати:

— Больше нет.

— Ну, давай, Рон, — сердито сказал Гарри. — Просто сделай так.

— Я не БУДУ, — ответил Рон также сердито. Он парил на метле над полем для Квиддича, глядя

на Гарри. Тот сидел перед ним на своем Всплохе со скрещенными на груди руками и был просто в ярости. Они тренировались уже почти час, перед тем как Гарри выдвинул очень странную просьбу. Оба мальчика были раздражены. Белая рубашка Гарри прилипла к его спине.

— Почему? — рявкнул Гарри. — Просто сбей меня с метлы. Ну давай же!

— Почему «нет»? — повторил за ним Рон. — Как насчет: потому что я не хочу провести остаток семестра, объясняя Дамблдору почему я хладнокровно убил тебя без всякой на то причины?

— Дамблдор сказал, что силы Магида проявятся, если я буду в опасности, — сказал Гарри. — Этого не случится, если я просто спрыгну с метлы. Надо, чтобы я испугался. И если ты не поможешь, то я просто пойду в Запретный лес, и Арагог меня съест.

— Гарри, — отчаянно проговорил Рон, — Дамблдор также сказал, что силы проявляются между шестнадцатью и восемнадцатью годами. Тебе только шестнадцать. Подожди немного!

— Малфоя тоже шестнадцать...

— Ой, хватит про Малфоя! — заорал в ярости Рон. — Меня тошнит уже! Только то, что он встречается с Гермионой, не значит, что я собираюсь помогать тебе убить себя!

Глаза Гарри превратились в злые зеленые щелки. Он схватил палочку, и до того как Рон понял, что происходит, Гарри направил палочку на себя и прокричал:

— Рапидо!

Метла Рона стремительно рванулась вперед (Рон едва удержался на ней), и врезалась в метлу Гарри, сбивая его вниз. Рон сумел остановить свою метлу и увидел, как Гарри летит к земле. Он выхватил палочку, направил ее на быстро падающего Гарри и прошипел:

— Вингардиум Левиоза!

Гарри, который не издал ни звука, пока падал, завопил, когда его полет приостановился в десяти футах от земли. Он висел в воздухе, глядя негодуя на Рона.

— Идиот, — пробормотал Рон и убрал палочку.

Гарри пролетел оставшиеся десять футов и приземлился на землю.

Рон вздохнул, направил метлу вниз и с виражом приземлился рядом с Гарри, который лежал на земле, раскинув руки и глядя в небо, словно не собирался вставать вообще.

— Ноль, — мрачно сказал он, — Все. ни фиги. У меня НЕТ никаких сил Магида. По крайней мере, сейчас.

— Гарри, — Рон слез с метлы, — до тебя не доходило, что желания превратить Драко Малфоя в слизняка и раздавить его, недостаточно для того, чтобы силы заработали?

Гарри закрыл лицо руками и произнес что-то, похожее на «уух».

— Должен быть другой путь, чтобы заставить твои силы проявиться, — сказал Рон,

— Какой-нибудь, который не подразумевает риска для жизни.

— Я читал об этом, — начал Гарри. — Силы Салазара Слитерина проявились, когда он встретился с Драконом, который угрожал деревне. Но это было миллиард лет назад, когда драконы еще водились. Темный волшебник Гриндевальд, его силы проявились в каком-то сражении, что тоже не подойдет. А Ровенну Рэйвенкло ударило молнией, это трудно организовать.

— Гарри... — медленно проговорил Рон. — Тебе надо поговорить с Гермионой, вот что.

Гарри расцепил пальцы и посмотрел на Рона подозрительно.

— Почему?

— Потому что она твой лучший друг, дурак. Потому что ты скучаешь по ней, и это сводит тебя с ума.

— Когда я вижу Гермиону, — Гарри отнял руки от лица, — меня тошнит.

— Очень романтично.

— Когда вижу ее с Малфоем, меня тошнит, — пояснил Гарри.

— Ну, тебе придется привыкать, — посоветовал Рон.

— А я не хочу привыкать к этому. — Гарри резко сел. — Я хочу, чтобы мои силы Магида заработали, вот что я хочу.

— Это магия, — сказал Рон, без капли жалости. — У тебя разбито сердце. Магия здесь не поможет.

— Я думал об этом лете, Гермиона, — сказал Драко.

Было время завтрака. Они сидели вместе за столом Слитерина. Это был четвертый завтрак Гермионы со Слитеринцами. Она начала привыкать к плевкам и хлюпанью Гойла каждый раз. Драко ел тост с потрясающей скоростью — Гермиона уже заметила, что он был из тех парней, которые могут есть все подряд и оставаться худым. У нее же не было аппетита, и она только ела тыквенные семечки.

— Что? — спросила она.

— Ну, мы говорили о том, что я приеду к тебе летом. И я все еще хочу, но моя мама написала, что мой дядя Влад надеется, что я приеду к нему летом. У него большой замок в Румынии, и я думал, может, ты захочешь...

Гермиона тайком глянула на стол Гриффиндора. Она могла видеть Гарри, сидящим рядом с Роном; Лаванда сидела с одной стороны от него, а Парвати рядом с Роном. Гермиона смотрела, как Лаванда наколола на вилку кусок тоста и предложила его Гарри.

Гарри съел.

Лаванда захихикала.

— Между тем, — продолжал Драко, — Я бросил Хогвартс и стал работать на Министерство Магии наемным убийцей.

— Что-что-о? — запинаясь, спросила Гермиона, поворачиваясь к нему.

Он улыбался, но улыбка не достигала его серых глаз.

— Гермиона, милая. — Он показал на стол, — Ты действительно собираешься съесть все это?

Она посмотрела туда, куда он показывал, и подпрыгнула. Как-то ей удалось очистить целую горку тыквенных семечек. Сами семечки лежали в одной кучке, а скорлупа в другой. Они не вспомнить, чтобы чистила хоть одно.

— Ой, — пробормотала она неловко. — Я, хм, оставлю их на потом.

— Так, ну все. — Драко встал.

Встревоженная Гермиона тоже встала.

— Извини, я немного не в себе в эти дни...

— Я заметил, — сказал Драко. — Ничего. Я просто вспомнил, что собирался сделать кое-что. Я откладывал это, но теперь самое лучшее время заняться этим.

— Могу я помочь? — спросила она, чувствуя себя виноватой.

— Нет, определенно, — сказал он.

Он очень легко коснулся ее щеки. И уронил руку.

— У меня тренировка по Квиддичу днем, — сказал он. — Увидимся за обедом.

Гарри устроил все так, чтобы днем остаться одному в общей гостиной Гриффиндора. Поэтому он был ошеломлен, когда портрет открылся и через проход в комнату шагнул Драко Малфой. Он выпрямился и невозмутимо оглядел шокированного Гарри.

— Совет по поводу стиля, Поттер, — сказал он. — Рот лучше выглядит закрытым. — Он шлепнулся в кресло и протянул свои длинные ноги к камину. — Я не могу поверить, что пароль все еще — бумсланг, — произнес он. — Вы, гриффиндорцы, слишком доверчивы.

Гарри опустил книжку, которую он держал, и встревожено огляделся вокруг. — Тебе следует быть немного поосторожней, Малфой, — произнес он. — Если другие узнали бы, что ты знаешь пароль...

— Я не хочу быть немного поосторожней, — заявил Драко. — Я хочу треснуть тебя метлой по голове. Но, конечно, не буду.

— Почему нет? — сказал Гарри, возвращаясь к своей книжке. — Ты можешь одолжить мой Всполох 5000. — Он быстро взглянул на Драко. — Между прочим, из-за чего внезапный порыв враждебности? Разве не мне следует ненавидеть тебя в настоящий момент?

— Нет, — заявил Драко. — Мне следует ненавидеть тебя по одной простой причине — ты делаешь Гермиону очень несчастной.

Гарри опять опустил книгу и пристально посмотрел на Драко. Его щеки покраснели от злости.

— Ты пришел поговорить о ней?

— Точно, — произнес Драко.

— У меня есть идея получше, — сказал Гарри. — Почему бы тебе ни убраться отсюда ко всем чертям?

— Пойми, я знаю эту девушку, Гермиону, — продолжал Драко так, как будто Гарри и не говорил ничего. — И с ней чудесно быть рядом. Она по-настоящему умна, а еще очень красива. Одна из самых храбрых людей, которых я когда-либо встречал. — Он теперь смотрел на Гарри поверх головы. — Только у меня есть чувство, что она по-настоящему несчастна из-за чего-то. Она плачет, когда думает, что я не смотрю. Она смотрит отсутствующим взглядом. А когда ты где-то поблизости... — Драко теперь смотрел прямо на Гарри. — Она наблюдает за тобой.

Румянец стал уменьшаться на лице Гарри. Теперь он выглядел пораженным.

— Она даже не разговаривает со мной, — сказал он.

— Нет, — сказал Драко. — Это ты не разговариваешь с ней.

Гарри посмотрел на него удивленно.

— Почему ты говоришь мне это?

— Не знаю, — сказал Драко задумчиво. — Я могу сделать это единственным способом — сказать себе, что не сделаю этого. Прямо сейчас я говорю себе, что я пришел сюда сообщить тебе о том, какой ты мерзкий придурок. Это работает до сих пор.

— Она действительно несчастна? — спросил Гарри осевшим голосом.

— Очень, — произнес Драко. — Послушай, Поттер. Я прошу тебя. Поговори с ней. Ты ее лучший друг. Или был им.

Румянец почти сошел с лица Гарри, и теперь он выглядел бледным и несчастным.

— Я не могу, — сказал он.

— Можешь, — Драко начал раздражаться. — В любом случае, чего ты боишься?

— Того, что она была права, — сказал Гарри. — Я полностью принимал ее как должное все эти годы. Ей следовало заставить меня платить. И платить. Только нет достаточной платы...

— Послушай, — прервал Драко, — ты хочешь погрязнуть в чувстве вины, я полностью за это. Давай. Но, — он подался вперед и пристально посмотрел на Гарри, — я не буду вторым. Я не буду с ней, только потому, что она не может быть с тобой.

— Гарри? — прозвучал голос, как будто он шел из-за стула.

Гарри быстро обернулся с испуганным видом.

— Сириус! — сказал он. — Я почти забыл, что договорился связаться с ним сейчас.

Он вскочил со стула, на котором сидел, и опустился на колени перед камином. Драко последовал за ним и увидел голову Сириуса, парившую в огне. Непослушные темные волосы Сириуса были подстрижены, он был чисто выбрит и выглядел опрятней и холеней, чем каждый из них когда-нибудь видел его.

— Сириус, — сказал Гарри с удовольствием, протягивая руку как будто для рукопожатия. Когда он сделал это, Драко увидел шрам на ладони Гарри, близнец его собственного. Очевидно, он тоже не залечил его.

— Выглядишь круто, Сириус, — сказал дружески Драко, опускаясь на колени рядом с Гарри.

Выражение удовольствия при виде Драко улетучилось с лица Сириуса. Чтобы смениться на что-то вроде тревоги.

— Я не знал, что вы оба будете здесь, — сказал он Гарри.

— Прости, — сказал Гарри. — Я наложил Препраждающее Заклятие на двери, чтоб не дать кому-нибудь войти сюда, но оно не действует на Малфоя. Типично, — добавил он, уставясь на Драко.

— Ты просто должен учесть, что я Магид, и некоторым образом лучше тебя, учитывай это теперь, Поттер, — заявил Драко.

— Я — Магид, как и ты, придурок, — сказал Гарри, раздосадовано.

— Это ты так говоришь, — произнес Драко с видом большого превосходства. — А что ты сделал?

— Прекратите это! — сказал Сириус раздраженно. — Вы двое цапаетесь как старая женатая парочка.

Гарри и Драко одинаково вскрикнули от отвращения.

— Теперь так, — произнес Сириус. — Не имеет значения, что я собирался сказать. Я исчезаю. Гарри, я pošлю тебе сову.

И он пропал.

— Сириус? — сказал Гарри, озадаченно. Затем он повернулся к Драко, — Большое спасибо, Малфой.

Но Драко выглядел задумчиво.

— Интересно, что он должен был сказать тебе?

Гарри оперся спиной о ножки перевернутого кресла и покачал головой.

— Вот, теперь мне придется ждать сову, — сказал он раздраженно. — Почему ты не уберешься отсюда, Малфой? У меня от тебя голова болит.

— Хорошо, — сказал Драко, вставая. — Ой. Еще кое-что, Поттер.

— Что?

— Не в моем обычае заниматься самопожертвованием, — сказал Драко прозаично. — Я не знаю, может это просто некоторое затяжное последствие того Многосущного зелья, или еще что. Но если так, и эта фаза благородства пройдет, а ты все еще будешь делать Гермиону несчастной, то я вернусь сюда и выдерну тебе грудную клетку, и одену ее как шляпу. Понял?

— Понял, — сказал Гарри, усмехаясь против своей воли. — И большую золотую звезду за воображение.

— Благодарю, — произнес Драко, и вышел сквозь проход с портретом.

На следующий день шел дождь вместе с громом и молнией, а небо имело вид мокрого черного чугуна. Это вполне отвечало настроению Гермионы. Она сидела в общей комнате, свернувшись в кресле, глядя задумчиво на потрескивающий огонь. Она думала о том, где сейчас может быть Косолап. Хорошо было бы, чтобы кот свернулся калачиком на ее коленях прямо сейчас.

Проход в портрете открылся, и в комнату шагнул Рон, стряхивая воду со своей мантии.

— Эй, Рон, — окликнула его Гермиона, радуясь встретить его без Гарри. Но, увидев, как взволнованно и встревожено он выглядел, она остановилась. — Рон, все в порядке?

— Я не уверен, — сказал он.

Она строго взглянула на него.

— Где Гарри?

— Я пошел с Гарри на практику по Квиддичу, — сказал Рон медленно, — Но они сократили ее из-за погоды. Не захочешь играть в Квиддич в грозу.

— Ясное дело, — сказала Гермиона.

— В любом случае, на полпути назад — я разговаривал с Фредом и Джорджем — я обернулся, а Гарри... и след простыл.

— Простыл? — повторила Гермиона безнадежно. — Он исчез?

— Не исчез. Алисия Спиннет сказала, что она видела его бегущим в сторону Запретного Леса.

— Ну... — сказала Гермиона, несчастно, — Должно быть у него была причина...

— Это-то и беспокоит меня, — сказал Рон. — Его причина.

Гермиона хотела спросить его, что он имел в виду, когда портрет качнулся, открываясь снова, и вошел Драко.

Рон не выглядел счастливым при виде его.

— Кстати, говоря об ужасно противной личности... — сказал он. Несмотря на все, что произошло, Рон и его братья все еще не любили Драко и никогда не полюбили бы. — Ты не можешь просто продолжать гулять туда сюда по нашей общей комнате, тебя поймут.

— Вы говорили обо мне? — сказал Драко, невозмутимо. — Потому что я слышал часть вашего разговора, и это звучало, будто вы говорите о Гарри. Который ушел и сделал опять какую-то глупость, разве не так?

— Да, и это все твоя вина, — сказал Рон, довольно беспричинно.

— Моя вина? Где здесь моя вина?

— Это все из-за... — Рон сделал охватывающий жест. — Магидовские штучки. Он не может вынести, что твоя сила работает, а его все еще нет, понял? Он делает все, что может, чтобы попытаться ее подтолкнуть. Он просил меня сбросить его с метлы...

— Что он сделал? — спросила Гермиона в шоке.

— Ты слышала меня, — сказал Рон. — И он изучал книги о Магидах и их историю, и там говорилось о том, как разные Магиды получали свою силу, и один из них, кажется Ровенна Рэйвенкло, была на улице во время грозы, и ее ударило молнией и...

Гермиона вскочила с места.

— Ты думаешь, он ушел, чтобы испытать на себе удар молнии?

— Даже Гарри не такой болван, — произнес Драко.

— Обычно нет, — согласился Рон, — но в последнее время он сам не свой. Это из-за тебя, — сказал он, поворачиваясь к Гермионе, — ходишь с Малфоем, все эти поцелуйчики.

— Не было никаких поцелуйчиков, — сказала Гермиона, задетая его несправедливостью. — Ведь так? — обратилась она к Драко.

— К большому несчастью, да, — согласился он.

Рон не выглядел убежденным.

— Ты говоришь, что Гарри ушел во время грозы, чтоб попытаться активировать свою силу Магида, чтобы понять что-то о Драко и обо мне? — потребовала Гермиона недоверчиво.

— Он скучает по тебе, Гермиона, — сказал Рон.

— И, видимо, нет лучшего способа сказать «Я люблю тебя» лучше, кроме как превратить себя в тлеющую кучку пепла, — вставил Драко.

Гермиона повернулась к нему в ярости.

— Ты не помогаешь! — закричала она.

— Послушай, — произнес Драко, удивленный ее горячностью, — мы не ЗНАЕМ, что это то, что он отправился делать, не так ли?

— Ну, а что это еще может быть? — сказала Гермиона, теперь чуть не плача. Она встала и начала проверять, где волшебная палочка. — Я иду за ним, — заявила она. — Вы, двое, сделайте, что хотите.

Она отыскала палочку и направилась к портрету. Драко последовал за ней. — Я иду с тобой, — сказал он.

Рон покачал головой.

— Я остаюсь здесь на случай, если он вернется, — сказал он.

— Хорошо, — сказала Гермиона им обоим и пустилась бежать через зал. Драко, со своими длинными ногами, почти бежал, чтобы держаться рядом.

— Гермиона, — произнес он, когда они на скорости повернули за угол, — успокойся, прошу тебя.

— Как ты не поймешь, — сказала она. — Это все из-за меня.

Они понеслись вниз по лестнице и выскочили в переднюю дверь замка.

И врезались прямо в Гарри.

Он промок до нитки, рубашка и брюки прилипли к телу, а волосы свисали капаящими черными прядями на лоб, но в остальном он выглядел целым и здоровым. Он был одет в школьную мантию поверх формы для Квиддича. И он держал в руках мокрого Косолапа.

— Гарри, — сказала Гермиона, почти плача. — С тобой все в порядке? С тобой все в порядке?

Гарри обалдело посмотрел на них обоих.

— Со мной хорошо, — сказал он ей. — Твой кот ухитрился втиснуться в водосточную трубу. Я услышал, как он воет, по пути с тренировки, и вот, пошел и достал его.

Косолап заерзал в руках у Гарри, производя что-то типа мурлыканья.

— Он слишком толстый, — сказал Гарри бесстрастно. — Тебе следует прекратить кормить его так много.

Гром пророкотал над головами, и новый поток воды грозил пролиться над ними. Косолап заволновался.

— Нам следует войти внутрь, — сказал Драко, и стал подниматься по ступенькам. За ним — Гермиона и, медленнее, Гарри.

Как только они оказались внутри, Косолап, извиваясь, выскочил из объятий Гарри, приземлился на пол и отряхнулся, чтоб высохнуть. Гермиона и Драко, которые не были такими мокрыми, как Гарри, дрожали. А Гарри просто стоял, и лужица, стекающей с его мантии и туфель, воды постоянно увеличивалась в размерах.

— Почему вы, двое, так прискакали за мной? — произнес он бесцветным голосом. — И почему вы

спрашивали, все ли со мной в порядке?

— Мм, — сказала Гермиона, чувствуя себя теперь на самом деле глупо. — Мы должны отвести тебя назад в Башню Гриффиндора, Гарри... ты весь мокрый...

Гарри прищурил глаза, глядя на нее, но стал подниматься по лестнице. Они следом.

— Это не ответ, — сказал он, поворачивая за угол.

— Гермиона подумала, ты уходил, чтоб подставить себя под удар молнии, — сказал Драко, растягивая слова. — Чтобы заставить твою силу Магида заработать. Я говорил, пусть, но она пожелала идти за тобой.

Гарри остановился и уставился на нее.

— Под удар молнии? — сказал он. — Каким дураком ты меня считаешь?

Она вспыхнула.

— Я не знаю, Гарри, — огрызнулась она. — Таким дураком, который пытается заставить Рона сбить себя с метлы?

— У Рона слишком длинный язык, — коротко сказал Гарри, затем остановился и уставился куда-то. Гермиона повернулась, чтоб посмотреть, куда он смотрит, и увидела, что его взгляд направлен в полуоткрытую дверь темной комнаты, из которой виднелось слабое мерцание зеркала.

— Это не... — произнес Гарри. — Не может быть...

— Что? — переспросила Гермиона в замешательстве, но Гарри уже прошлепал мимо нее и распахнул дверь. Он вошел, за ним, обменявшись тревожными взглядами, последовали Драко и Гермиона.

Это была комната, которую Гермиона никогда не видела раньше. Большая и слабоосвещенная, одна стена была полностью из окон, через которые сейчас была виден грозовой полумрак снаружи. По другую сторону стены висело что-то, что дало вспышку света, которую видела Гермиона. Это было зеркало. Круглое, в темной деревянной раме. Оно было очень чистое, настолько, что казалось, будто оно само светится в полумраке.

Гарри подошел к нему и посмотрел в него так, как будто в нем таились все секреты мироздания. Вода мерно постукивала, стекая с его волос, брюк, с кромки его промокшей насквозь мантии, но он не обращал внимания.

— Гарри? — произнесла неуверенно Гермиона и подошла к нему сзади. Он не оборачивался, казалось даже, не слышал ее приближения. — Гарри, — сказала она, — На что ты смотришь?

— На нас, — сказал он. — Я вижу тебя и меня.

Гермиона заглянула в зеркало и увидела себя и Гарри, оглядывающегося назад.

— Я тоже, — сказала она. — Большое дело, Гарри. Это просто зеркало.

— Это не... — начал он с негодованием, затем обернулся к ней. Его глаза были расширены. — Что ты сказала, ты видела?

— Тебя и меня, — сказала она, удивленно. — Там мы, — сказала она, показывая на зеркало. Затем глянула туда. Было что-то в отражении, ее и Гарри, — что-то странное.

— А сейчас? — сказал Гарри, попятившись от нее футов на десять. — Что ты видишь?

Она взглянула назад в зеркало. И у нее перевернулось сердце.

— Все еще тебя и меня, — сказала она, начиная что-то улавливать. — Только, Гарри — в зеркале, ты сухой. И у тебя... — она оборвала фразу, поворачиваясь к нему. — Что это за зеркало?

— Прочти инструкцию, — сказал Гарри, он выглядел ошеломленным, хотя и не таким несчастным, как был.

Гермиона прочла ее. **«У джедан юн йата оцилен юаж артоя».**

Так как Гермиона была на порядок сообразительней Гарри, у нее заняло всего мгновение понять, что инструкция написана задом наперед.

«Я отражаю не лицо, а тайную надежду.»

— Ты рассказывал мне об этом зеркале, — медленно сказала она, — годы назад... оно показывает тебе твою семью, Гарри...

— Оно показывало, — сказал он. — Я все еще вижу их. Только я вижу нас на переднем плане. Я понял, — произнес он, — надежды сердца человека могут меняться.

Он был очень бледен, но смотрел на нее, по-настоящему смотрел на нее, как не смотрел на нее днями.

Позади него она видела, как Драко пересекает комнату в сторону двери и выходит. Ее сердце сжалось. Но она не могла уйти. Это была ее жизнь, именно здесь, в этой комнате.

Дверь затворилась за Драко, и она повернулась к Гарри.

— Зеркало показывает то, что ты хочешь, — медленно сказала она.

Гарри кивнул.

— Но разве Дамблдор не говорил тебе, что большинство людей хотят себе самое худшее?

— Большинство, — сказал Гарри. — Но не каждый. — Он посмотрел на нее прямо. — Ты любишь меня? — спросил он.

— Конечно, я люблю тебя, — сказала она. — За всю свою жизнь я никого не любила так, как тебя. Но ты пугаешь меня. Ты можешь ранить меня так легко. Вот почему мне нравится быть с Драко. Он не обидел бы меня, и, в любом случае, он не сможет.

Гарри быстро повернулся кругом, отошел от нее на несколько шагов, затем повернулся лицом.

— Это забавно, — сказал он, — но я беседовал с Малфоем вчера, и, вообще-то, кое-что понял. Я понял, что должен извиниться перед тобой.

Она пристально посмотрела на него. Он был бледен настолько, что, казалось, только глаза были единственным цветовым пятном на его белом лице.

Он сказал:

— Прости. Прости, что я никогда не говорил тебе, что люблю тебя. Прости, что ждал, пока не оказалось, будто я могу потерять тебя до того, как сделаю что-нибудь. Прости, что соврал тебе, когда ты меня спросила, люблю ли я. Я просто никогда не думал об этом, как о любви. Ты всегда была частью меня. Как мои собственные глаза. Или мои руки. Тебе ведь не приходит в голову подумать: «Я люблю мои глаза, я люблю мои руки»... Разве нет? — Его голос задрожал. — Я не похож на Малфоя. Я не произношу красивых речей. Но я знаю, чего я хочу.

Гермиона просто глядела на него, не отрываясь. Она не могла произнести ни слова. Слова даже не приходили ей в голову.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, — произнес он медленно. — И если я не делаю тебя счастливой, тебе следует быть с человеком, который это сделает.

Он посмотрел на нее. Гарри. Тот, кого она любила всегда. Не за то, что он был храбрым, хотя он был, или умным, хотя и таким он тоже был, или хорошим танцором (которым он не был), а потому, что он был добрым тем типом доброты, таким редким среди большинства людей, и среди тинэйджеров в частности, — добротой, которая не просто отдает, а отдает всю себя без остатка.

— Он любит тебя по-настоящему, — сказал он. — Не как я, но...

Он замолчал, отвернулся, и пошел в сторону двери. Он собирался уйти, она знала это, потому что, если Гарри однажды решал в своей голове сделать что-то, он делал это. И, когда он говорил что-то, именно это он и имел в виду. А потом она подумала о том, что он сказал, и как бы это было, провести остаток жизни без него.

— Гарри, — сказала она, отталкиваясь от стены и делая шаг в его сторону. — Пожалуйста, вернись.

Он обернулся. Она не могла видеть его лица, он стоял в лоскутке тени. Она могла видеть только призрачную белизну его рубашки и бледность его кожи.

— Пожалуйста, вернись, — сказала она снова.

Он вернулся. И стал перед ней, не сводя с нее глаз.

А затем были руки на ее плечах, руки Гарри, и он целовал ее. А когда она обвила его, насквозь промокшего, руками, то вода пробирала ее сквозь одежду, и кожа его была холодной как лед, но руки, когда он касался ее, горели. А на вкус он был как дождевая вода и слезы.

Она оперлась спиной о стену, еще целуя его. Ее руки дрожали, и в ушах стоял какой-то гомон, который медленно усиливался, пока не превратился в музыку — самую прекрасную музыку, слышанную ей когда-либо.

Она оторвалась от Гарри, ошеломленная, и увидела по выражению его лица, что он тоже слышит ее.

— Что это? — удивленно спросила она.

— Песня Феникса, — ответил он, выглядя также потрясенно.

— Откуда она доносится? — спросила она, полу оборачиваясь, чтобы оглядеться. Было трудно

увидеть что-нибудь сквозь падающий снег.

— Мм, — сказал Гарри, теперь он выглядел застенчиво. — Это я, я думаю.

— Гарри, — произнесла Гермиона чрезвычайно тихо, — идет снег.

— Я знаю, — сказал он, выглядя еще более застенчиво.

— В помещении? В июне?

— Ну, — сказал Гарри, уши которого покраснели, — Дамблдор говорил, что — сильные эмоции — активизируют мою силу Магида.

— Она работает?

— Да, — сказал он, в замешательстве, но счастливый, — я почувствовал это. Как будто переключатель легонько щелкнул. Я догадался, я только не знаю точно, как...

— Контролировать их? — она улыбнулась, когда несколько совят, ухая, упали с потолка.

— Да — улыбнулся он в ответ.

— Я не знала, что ты так любишь сов, — сказала Гермиона, когда еще несколько слетели сверху.

— Поцелуй меня еще, — предложил он, — может получится канарейки.

— Гарри, — она поцеловала его, — а знаешь, снег — синий.

— Мне нравится синий, — сообщил он, — это мой любимый цвет.

— Синий снег?

— Почему бы нет?

— Ты всегда говорил, что снег — это так романтично, — засмеялась Гермиона.

— Радуйся, что я не Хагрид. — Гарри притянул ее для еще одного поцелуя. — А то с неба падали бы огнеплуги-мантикрабы.

— Мне надо поговорить с Драко, — сказала она через какое-то время, когда они вышли из комнаты с зеркалом и шли по коридору. Мокрые ботинки Гарри хлюпали при каждом шаге, но он был ужасно доволен миром и всем в нем.

— Я знаю, Мне тоже надо поговорить с ним.

— Но я должна сделать это первая.

— Ладно, — согласился он, отпуская ее руку. — Но никаких внезапных решений, что ты влюблена в него по горло, — предупредил он. — Я не вынесу этого еще раз.

— Если у меня будут сомнения, то я смогу вернуться к зеркалу, — поддразнила она его, пятая по коридору. — Если смогу найти его, конечно.

— Не испытывай меня, Гермиона. У меня синий снег на спине и совиные перья в волосах. По-моему, достаточно.

Но он улыбался. Она послала ему воздушный поцелуй и помчалась через зал. Как только Гарри исчез из виду, она притормозила и достала Эпициклический кулон из-под блузки. Это было жульничество, но он очень хотела найти Драко и не могла представить, где он может быть.

Она сконцентрировалась, думая о Драко, представляя его так ясно, как могла... его знакомое лицо, светлые глаза и серебряные волосы, забавные полуулыбки... и кулон слегка дернулся. Она сделала шаг вперед, и он дернул опять.

Следуя мягким толчкам, Гермиона вышла из замка и прошла к озеру. Дождь перестал, но все вокруг было мокрым. Она прошла к небольшой рощице, где Драко вырастил ей черную розу два дня назад.

Драко был там. Он стоял, прислонившись к дереву, глядя на озеро. Капли с листьев и веток, падая, образовывали вокруг него блестящую клетку.

Гермиона подошла сзади и положила руку на его плечо.

— Эй, — позвала она. Он не повернулся.

— Ты можешь не говорить мне, — сказал он, — я уже знаю.

— Драко, — позвала она еще раз.

Теперь он повернулся и посмотрел на нее. Выражение его лица было замкнутым. Если бы она не знала его хорошо, то она бы и не подумала, что он расстроен.

— Оказалось, — он говорил размеренно, — что я еще чувствую немного Гарри в себе, если он чувствует что-то очень сильно.

— Ой, — покраснела она. — Извини.

— Не надо. Я всегда знал, что это произойдет. Я старался не обращать внимания, но всегда знал. — Он попытался улыбнуться, не смог, и пожал плечами.

— Помнишь, когда мы целовались в шкафу в Имении?

— Конечно, — ответила Гермиона.

— Ну, ты все время говорила «Гарри, Гарри, Гарри».

— Да-а? — Она чувствовала, как горит ее лицо. — Почему ты не сказал?

Драко опять пожал плечами.

— Мне шестнадцать, я не буду прерывать такое классное занятие из-за мелочей, верно?

Гермиона закрыла лицо руками.

— Мне так стыдно.

— Брось, ты всегда была честной со мной. Ты не говорила, что не любишь Гарри. На твоём месте, я тоже бы выбрал его вместо меня. — Он скорчил рожу. — Что это я говорю? Нет, не выбрал. Я в сто раз лучше. Ты сошла с ума, Гермиона.

— Я люблю тебя, — сказала она.

Секунду он молчал. Потом проговорил:

— Да. Я знаю. Просто... так же как Рона.

Она покачал головой.

— По-другому. Я никогда не чувствовала ни к кому ничего подобного. Я не могу это объяснить. Но ты очень важен для меня. С Гарри я или нет, я не хочу терять тебя. Я хочу видеть тебя. Хочу, чтоб ты приехал ко мне этим летом. — Она улыбнулась дрожащими губами. — Хочу ревновать тебя к куче девчонок, которые соберутся вокруг тебя, как только узнают, что мы не вместе.

— А Гарри не будет возражать?

— Нет. Ты ему нравишься, в каком-то странном смысле, — сказала она, зная, что это правда. — Я думаю, что он скучал бы, если б ты исчез.

— Я тоже бы по нему скучал, я думаю. Скучал бы по всем этим «заткнись, Малфой!». Я вроде как привык к этому. Крабб и Гойл никогда не говорили мне заткнуться. Это приятное разнообразие.

— Я думаю, мы можем рассчитывать на Гарри в этом.

Драко смотрел на нее с забавной улыбкой.

— Ну, так вы с Поттером... уже официально?

— Официально? — удивленно переспросила Гермиона. — Мы не говорили об этом, не совсем, но...

Он взял ее руку и посмотрел на ее часы.

— Сейчас без одной минуты три. Давай, твои отношения с Гарри станут официальными ровно в три, ладно?

— Для чего нам эта минута? — спросила она, но он покачал головой и сказал:

— Гермиона, ты теряешь время.

Потом, все еще опираясь на дерево, он притянул ее к себе за запястье. Удивленная, она не сопротивлялась. И он поцеловал ее.

Позже Гермиона будет думать, что он вложил в этот поцелуй все, что имел: каждую чуточку его чувства к ней, каждую каплю страсти, каждую частичку разбитой любви.

Как будто хотел выжечь в себе все, что чувствовал, и выкинуть из своей души. В то время, она только понимала, что колени подгибаются, а в ушах шумит, как будто кто-то приложил к ним ракушки. Она закрыла глаза, и молнии запрыгали перед ней.

Должно быть, она единственная девушка, поцеловавшая двух Магидов в один день, думала она. А может ли это быть смертельным, было интересно Гермионе.

Он отпустил ее, и мир вернулся.

— Три часа, Грейнджер, — он уронил ее руку.

— Ого, — слабо произнесла она, и подняла на него взгляд. Он тоже смотрел на нее с забавной улыбкой, полурадость, полусожаление. Она знала, что он только показал, что на самом деле он чувствует. И знала, что больше он никогда этого не сделает.

Он усмехнулся.

— Ну?

— Это было... потрясающе, — проговорила она.
 — И?
 — И если попробуешь еще, я ударю тебя!
 Его улыбка стала шире.
 — Тебе нравится меня бить, да, Грейнджер? Может стоит задуматься об этом.
 Она улыбнулась в ответ.
 — Заткнись, Малфой!

— Что сказал Рон? — с любопытством спросила Гермиона.
 — Он сказал, что было самое время, и затем сделал несколько грубых замечаний, которые я не буду повторять. Потом сказал, что он же говорил.
 — А ты что сказал? — захихикала Гермиона.
 — Я превратил его метлу в улитку.
 — Правда?!

— Вообще-то, я собирался превратить ее в лягушку, — признал Гарри. — А Боровутка съел улитку, так что теперь я должен Рону метлу. Эти Магидовские штуки приносят большие проблемы.

Гермиона засмеялась и потянулась за яблоком. Как все изменилось за двадцать четыре часа, подумала она. Вчера шел дождь, и было ужасно грустно, а сейчас... Они взяли свой обед на берег озера, так как небо было чистым, и июньский день был превосходным. Гарри сидел, прислонившись спиной к камню, а Гермиона опиралась на его колени.

— Но ведь ты все равно хочешь быть им, да?

— Думаю, да, — Гарри играл с ее локоном, растягивал его и отпускал, глядя, как он сжимается в пружинку. — Я говорил с Дамблдором, и он сказал, что есть программа для необученных Магидов летом в Ирландии, и если я хочу, то могу поехать туда этим летом.

— А ты хочешь? — Она повернулась к нему.

— Ну, это же не Десли. И только два месяца. Так что я смогу приехать к тебе в августе.

— Ты знаешь, что Драко собирается навестить меня летом, да?

— Знаю, мы сможем здорово повеселиться. Ходить на пляж вместе. Смотреть как Малфой не может загореть.

— Эй, — они оба повернулись, и увидели Драко, бегущего к ним по берегу озера. Он подбежал к ним и стоял, положил руки на колени и пытался отдышаться.

— Гарри, — выдохнул он.

Гермиона с любопытством смотрела на него.

— Ты всю дорогу бежал?

Он кивнул.

— Почему?

— Мне надо поговорить с тобой. — Он смотрел на Гарри. Если вид Гарри и Гермионы вместе раздражал его, то он не выказывал этого. Таким талантом он обладал.

— Поттер, — и Драко протянул ему лист белой бумаги. — Это только что пришло с совиной почтой.

Гермиона и Гарри оба встали, и Гарри взял бумагу. Он развернул ее, прочел и побледнел.

— Гарри, — заволновалась Гермиона. — Плохие новости?

Молча, он подал ей письмо. Оно было от Сириуса.

Гарри и Драко,

Я решил написать это письмо вам двоим, так как это касается обоих одинаково. Я пишу, чтобы сообщить две вещи. Во-первых, моя просьба о том, чтобы усыновить Гарри была принята, и все будет сделано через несколько месяцев. Я очень рад этому и, надеюсь, что ты тоже. Во-вторых: как Драко, наверное, уже знает, Нарцисса и я, мы собираемся пожениться в августе, как только все бумаги о разводе с Люцием будут готовы. Это меня тоже очень радует, и, хочется верить, вас тоже...

— Что он имеет в виду, что ты уже знаешь, Драко? — спросила она в изумлении, опуская письмо.

— Это письмо пришло с другим, от моей матери, которое было адресовано мне, — сказал Драко,

который выглядел ошарашенным. — В нем говорилось практически то же самое. Я не могу поверить, — добавил он, качая головой. — Я не могу поверить!

— Так вот, что он собирался сказать мне тогда, в гостиной, — Гарри выглядел также обалдело.

— Сириус! — воскликнул Драко. — Этот хитрый пес! И в прямом смысле тоже!

— Ну, я полагала, что такое может случиться. — Гермиона порозовела от старания не рассмеяться над их изумленными лицами. — А вы нет?

— Нет, — ответили Гарри и Драко в унисон, мотая головами.

— И вы не знаете, что это значит, так ведь? — показала она на письмо. — Если они поженятся, и Сириус усыновит Гарри, вы двое будете...

— Братьями, — закончил Гарри, глядя на Драко в ужасе.

Драко пялился на него с открытым ртом.

Гермиона не смогла сдерживаться дольше.

— Братья! Вы двое! — Она засмеялась. — Ой, видели бы вы свои лица!

Гарри смотрел на нее.

— Гермиона!

И тогда Драко начал смеяться. Гарри никогда не видел, чтобы он так смеялся – не просто хихикал, а действительно смеялся. Он сел на землю, закрыл лицо руками и кричал от смеха. Гарри улыбнулся, а потом, глядя на Гермиону, согнувшуюся и держащуюся за живот, тоже засмеялся.

Их смех, становясь громче, звенел над озером и землями, достигая замка.

КОНЕЦ

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Многосущное зелье	3
Глава 2. Гарри в Имени	10
Глава 3. Нарцисса Малфой	15
Глава 4. Заклинание Истины – Веритас	20
Глава 5. Встреча выпускников	27
Глава 6. Мальчик, который дулся	35
Глава 7. «Подружка Драко Малфоя»	45
Глава 8. Кровь Малфоев	56
Глава 9. Люций и Пожиратели Смерти	65
Глава 10. Эпициклическое совершенствование волшебства	78
Глава 11. Магиды и Зеркала	90